

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Великий П. П., Шабанов В. Л.** Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских семей 250
- Голуб О. Ю., Сергеева Е. В.** Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон 257
- Ивченкова М. С.** Экспертное знание в управлении регионом 264
- Кочетов А. Н.** Основные признаки социальной незащищенности труда в России 268
- Баханова Е. В.** Технологии медиации в развитии солидарности субъектов общественного контроля 274
- Бурганова И. Н.** Академическая мобильность в странах-участницах ЕАЭС 279
- Сайганова Е. В.** Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях 286
- Алексеев С. А., Шпилев Д. А., Шлягина Е. Н.** Социальное самочувствие полицейских: гендерные и поселенческие особенности 291

Слово молодым социологам

- Барашкова К. Д.** «Модельная сельская семья» («Сис ыал») как способ самоорганизации пожилой семьи 299
- Первякова Р. Н.** Роль профсоюзных организаций малого и среднего бизнеса в общественном контроле за деятельностью органов государственной власти 303
- Одинцова Е. В.** Анализ феноменов здоровья и здорового образа жизни в формате социологии культуры 307

Политология

- Вилков А. А.** Социальная справедливость как ценностный ориентир изменений в Конституции РФ 312
- Афонасова А. В.** Постсоветское коммунистическое проектирование государства 318
- Шестов Н. И.** Миф политической функциональности исторической памяти в современных условиях 324
- Киселев С. Г.** На рубеже тысячелетий: геополитический «взрыв» и геополитическое возрождение России 333
- Гаджиев М. М.** Традиционализация и архаизация транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе: причины, признаки 338
- Цзыхао Чжан, Савкин Д. А.** Подходы к пониманию явления «терроризм» и сравнительный анализ его определения в ключевых юрисдикциях мира 342
- Семенова В. Г., Кузахметова Г. Д.** Политическая субъектность органов местного самоуправления в современной России: основные контуры реформирования 349
- Шарапов А. В.** Вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь в приграничных регионах Юго-Западной Сибири: сравнительный анализ 356
- Богданов А. В.** Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 1) 362
- Керимов А. А., Попцов Д. А.** Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий: особенности формирования 366

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.08.20.
Подписано в свет 31.08.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,65 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 72-Т.
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Velikiy P. P., Shabanov V. L.** Economic and Socio-Cultural Foundations of Rural Families' Social Differentiation 250
- Golub O. Y., Sergeeva E. V.** Crisis Communication of Power and Society in Social Media: Identification of Problem Zones 257
- Ivchenkova M. S.** Expert Knowledge in Regional Governance 264
- Kochetov A. N.** The Main Signs of Social Insecurity of Labor in Russia 268
- Bakhanova E. V.** Technologies of Mediation in the Development of Solidarity of Subjects of Public Control 274
- Burganova I. N.** Academic Mobility in the Countries-Participants of the EEU 279
- Saiganova E. V.** Basic Factors of Formation of Patriotic Mood at Young Generation in Modern Social Conditions 286
- Alekseev S. A., Shpilev D. A., Shliagina E. N.** Police Officers' Social Well-Being: Gender and Settlement Characteristics 291

New Voices: Young Sociologists' Research

- Barashkova K. D.** "Model Rural Family" ("Sis yal") as a Way of Self-Organization of an Elderly Family 299
- Pervyakova R. N.** The Role of Trade Union Organizations of Small and Medium-Sized Businesses in Public Control Over the Activities of Public Authorities 303
- Odintsova E. V.** The Analysis of the Health and Healthy Lifestyle Phenomena in the Context of Sociology of Culture 307

Politology

- Vilkov A. A.** Social Justice as a Value Guide for Changing the Constitution of the Russian Federation 312
- Afonasova A. V.** Post-Soviet Communist State Designing 318
- Shestov N. I.** Myth of Historical Memory's Political Functionality in the Present Context 324
- Kiselev S. G.** At the Turn of the Millennium: A Geopolitical "Explosion" and Russia's Geopolitical Revival 333
- Gadzhiev M. M.** Traditionalization and Archaization of Transnational Relations in the North Caucasus Region: Reasons and Signs 338
- Zihao Zhang, Savkin D. A.** Approaches to Understanding the Terrorism Phenomenon and a Comparative Analysis of Its Definition in Key Jurisdictions of the World 342
- Semenova V. G., Kuzakhmetova G. D.** Political Subjectivity of the Local Self-Government Bodies in Modern Russia: Main Outlines of the Reform 349
- Sharapov A. V.** The Involvement of Young People in Social and Political Life in the Border Regions of South-Western Siberia: A Comparative Analysis 356
- Bogdanov A. V.** The Game of Politics vs. the Political Game: Posing a Problem (Part 1) 362
- Kerimov A. A., Poptsov D. A.** Image of a Political Leader in the Era of Digital Media Technologies: Features of Formation 366

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

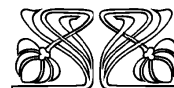
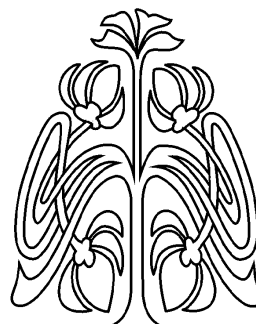
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

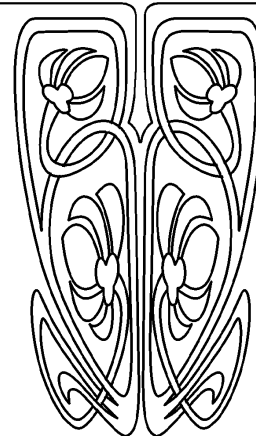
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.344

Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских семей

П. П. Великий, В. Л. Шабанов

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов

Шабанов Виктор Леннардович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, vic35@inbox.ru

В статье рассмотрены факторы жизнедеятельности сельского населения, которые влияют на его социальную дифференциацию. Обоснованы методологические перспективы применения субъективного критерия оценки потребительских возможностей, более точно по сравнению с объективным монетарным критерием отражающего социальную дифференциацию сельских семей. Проанализированы различия в структуре повседневности между благополучными и депривированными сельскими домохозяйствами. Определены факторы благополучия сельских домохозяйств, среди которых – наличие работы у трудоспособных, направление занятости, ориентиры на рост семьи. Структурообразующие компоненты культуры выделены, опираясь на индивидуальные и групповые действия по приспособлению к ситуациям в среде обитания, вызванным глобальными и локальными изменениями.

Ключевые слова: сельское домохозяйство, ЛПХ, занятость, социальная структура, социальная дифференциация, доходы, финансовые возможности.

Поступила в редакцию: 01.05.2020 / Принята: 12.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Economic and Socio-Cultural Foundations of Rural Families' Social Differentiation

P. P. Velikiy, V. L. Shabanov

Peter P. Velikiy, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>, Institute of Agrarian Problems of Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia,

Viktor L. Shabanov, <https://orcid.org/0000-0002-0129-8238>, Institute of Agrarian Problems of Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, vic35@inbox.ru

The article discusses the factors of vital activity of the rural population, which affect its social differentiation. The methodological prospects of applying the subjective criterion for evaluating consumer opportunities are justified. In comparison with the objective monetary criterion, the subjective criterion reflects the social differentiation of rural families more accurately. The differences in the structure of everyday life between well-off and deprived rural households are analyzed. The well-being factors of rural households were determined. These factors include the availability of work for able-bodied people, the direction of employment and focus on family growth. The structure-forming components of culture are distinguished on the basis of individual and group actions to adapt to situations caused by global and local changes.

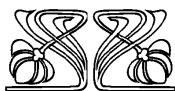
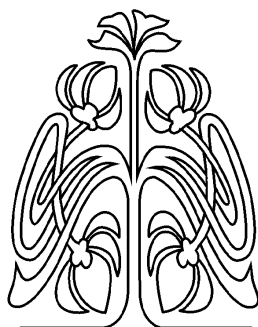
Keywords: rural household, private subsidiary farms, employment, social structure, social differentiation, income, financial opportunities.

Received: 01.05.2020 / Accepted: 12.05.2020 / Published: 31.08.2020

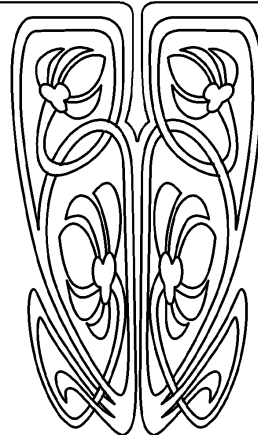
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

© Великий П. П., Шабанов В. Л., 2020

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Современные сельские реалии оцениваются неоднозначно. Политики и бюрократия государственных органов, ответственных за разные стороны функционирования деревни и АПК, дают восторженные отзывы о роли сельского социума в обеспечении продовольственной безопасности страны. Однако, хотя сельское хозяйство выполняет свои функции, жизнь сельских сообществ переполнена проблемами, замкнутыми как на порядок хозяйствования, так и на состояние всего жизненного пространства, быт, возможности реализации духовных потребностей. В силу сложившихся подходов далеко не все факторы, детерминирующие состояние и перспективы жизни деревни, попадают в поле анализа ученых. Такое невольное утаивание сути ее подлинных реалий чревато консервацией подходов к проектированию стратегий будущего. В реальности в деревне, как большой части общественного организма страны, резко увеличивается доля социально и экономически неустроенных слоев, имеющих временную, сезонную занятость молодежи, потерявшей надежду на работу по профессии.

В настоящей статье использованы данные социологического исследования в Московской, Саратовской областях и Республике Татарстан, проведенного авторами в 2019–2020 гг. Формализованный опрос проходил по месту жительства респондентов. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) муниципальных образований и по размеру сел, а также с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия по удаленности от областного (республиканского) центра. Объем выборки – 365 респондентов. Анкета включала 110 вопросов – открытых и закрытых. Используются статистические данные Росстата по занятости, доходам и бедности, а также микроданные «Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств» и «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением» (2014–2018 гг., Росстат).

Сельское подворье нельзя рассматривать вне связи его с формализованными хозяйственными структурами, действующими с ним в одном локальном пространстве. Общим правилом является совместность содержания большого ЛПХ и занятости одного-двух членов семьи в местной сельскохозяйственной организации. Поэтому методическая задача сводилась к выбору критериев и индикаторов дифференциации.

Целью настоящей статьи является уточнение критериев и способов измерения благополучия сельской семьи. В более ранних наших публикациях мы, привязывая благополучие в основном к уровню производственного потенциала ЛПХ, рассмотрели различия между группами семей¹. Было выделено четыре группы хозяйств ЛПХ, описаны общие и специфические черты

их жизнедеятельности. Анализ показал целесообразность выделения групп, находящихся на полюсах по развитости подворий и предпосылкам поддержания роли их в обеспечении благополучия. Этот подход мы сохраняем и сейчас, акцентируя внимание на субъективных ощущениях индивидом своего состояния, что методологически вполне оправданно. Действительно, субъективистский подход в большей степени ориентирован на объяснение социального поведения индивидов, поскольку их образ жизни, их возможности и лишения (депривации) в различных сферах определяются не одними только доходами. Так, индивид, имеющий достаточно высокие доходы, может оказаться депривированным из-за специфики своих расходов, определяемой, например, завышенными долями лекарств, спиртного, каких-либо услуг². Использование единого критерия при определении успешности осложнено многомерностью данного понятия и невозможностью свести его к одному формальному показателю, например доходу, который, будучи наиболее агрегированным, прямо или косвенно характеризующим благосостояние, статус, потребление индивида, тем не менее, не раскрывает всей полноты понятия «успешность». Использование дохода для оценки успешности наталкивается не только на концептуальные, но и на методические возражения.

Согласно методике Росстата, доходом индивида считается простое среднее арифметическое суммы доходов всех членов его семьи (домохозяйства). Невзвешенный характер среднедушевого дохода означает, что каждый член домохозяйства, независимо от возраста, входит в расчетную формулу среднего арифметического с одинаковым весом, равным 1. Это упрощает статистическое наблюдение, но игнорирует объективные различия в потреблении детей, пенсионеров и представителей средневозрастных групп и не учитывает влияния размера семьи на обеспечение ее потребления. Согласно Росстату, величина прожиточного минимума трех названных социально-демографических групп различается на 10–31%,³ отражая их разные потребности, и это должно было бы учитываться при расчетах среднедушевого дохода путем присваивания неодинаковых весов индивидам, составляющим домохозяйство. Что касается влияния размера семьи, то существуют исследования, в которых доказывается, что финансовое обеспечение многих базовых потребностей будет обходиться дешевле большим семьям⁴. Например, количество использованных коммунальных услуг – отопления, электричества, газа – растет медленнее, чем размер семьи: с появлением каждого нового человека в семье, особенно в одном и том же жилище, использование коммунальных благ возрастает незначительно. Также известно, что большие семьи существенно экономят семейный бюджет, осуществляя мелкооптовые покупки там, где се-

мьи меньшего размера и особенно одиночки покупают товары в розницу⁵. Все это ведет к тому, что фактический среднедушевой доход в больших семьях оказывается выше, поэтому логично рассчитывать его взвешенным способом.

С другой стороны, не существует сколько-нибудь достоверных и точных данных о том, насколько сильно влияние размера семьи на фактический среднедушевой доход, тем более что оно существенно различается по странам, и принцип взвешивания, принятый в большинстве европейских стран, нельзя в точности переносить на Россию. Это может, вопреки цели, только усилить погрешность. Так, специфика России – низкая эластичность индивидуальных расходов на многие блага (такие как питание, одежда, транспорт, лекарства и т. д.) в общем бюджете семьи. В этой связи применение наиболее популярных в мировой статистике шкал эквивалентности ведет к явному завышению реальной величины среднедушевого дохода⁶.

В связи с этим будем определять успешность индивида на основании его субъективного ощущения благополучия – через самостоятельное позиционирование в совокупности своих финансовых (потребительских) возможностей. Подобная совокупность из шести возможностей, упорядоченных по возрастанию, в неизменном виде присутствует в статистических наблюдениях Росстата, по крайней мере, с 2004 г.⁷ Будем соотносить благополучие и депривированность с двумя полярными смыслами, первый из которых определяется двумя наибольшими возможностями («средств достаточно для покупки всего, что нужно» и «средств достаточно на еду, одежду, товары длительного пользования, новый автомобиль, но не на квартиру, дачу»), второй – двумя наименьшими («средств не хватает даже на еду», «на еду хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно»). Согласно расчетам по микроданным обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата по итогам 2018 г., удельный вес благополучных (в текущей трактовке) индивидов в сельской местности составлял 7,5%, депривированных – 31,9%.

Оценим далее, насколько благополучными воспринимают себя сельские семьи с различными социально-демографическими характеристиками.

Прежде всего, отметим, что размер сельской семьи слабо влияет на ощущение благополучия: в благополучных и депривированных сельских семьях выборочной совокупности – соответственно по 2,54 и 2,22 человека. При этом размер семьи является важным фактором благосостояния, определяемого объективным способом – через простой среднедушевой доход: по материалам бюджетного обследования Росстата, среднедушевой денежный доход сельского домохозяйства, состоящего из 1 человека, составляет

25,4 тыс. руб. в месяц и последовательно уменьшается до 11,4 тыс. руб. в месяц и ниже для домохозяйств из 5, 6 и более лиц⁸.

Самоощущение многодетных и особенно неполных сельских семей в сфере собственных финансовых возможностей крайне негативное: среди них доли благополучных составляют 5,9 и 1,4%, в то время как депривированных – 40,7 и 42,3%. Эти два показателя – многодетность и неполнота семьи – являются факторами депривированности независимо от используемой методики определения финансовых возможностей – объективной или субъективной.

Наличие детей в сельской семье является значимым фактором только при анализе «объективного благосостояния», но не при оценках «субъективного благополучия». Так, среднедушевые доходы семей с детьми до 16 лет и без детей различаются в полтора раза, составляя 13,3 и 20,2 тыс. руб. в месяц, в то время как уровень благополучия в обеих категориях семей довольно близок и составляет 7,5 и 6,3%. Число детей до 16 лет в подвыборках благополучных и депривированных семей почти совпадает и равно 0,56 и 0,58 в среднем на семью.

Однако ситуация существенно различается, когда речь заходит о детях разного возраста. Сельские семьи, в которых только что появились дети, более благополучны: доля благополучных среди них составляет 11,1%, а среди депривированных – 6,2% (при доле благополучных семей во всей сельской выборке 6,7%). Ситуация постепенно меняется по мере взросления детей: доли благополучных и депривированных среди семей с детьми 3–6 лет различаются слабо – 7,6 и 6,6%, а среди семей с детьми 7–14 лет такое же слабое различие «разворачивается» – 6,0 и 6,9%. Этот «разворот» более явно выражен при переходе к абсолютному показателю числа детей в семьях. Число детей до 2 лет в благополучных и депривированных семьях составляет 0,17 и 0,10 в среднем на семью, детей 3–6 лет – соответственно 0,16 и 0,15, а 7–14 лет – 0,21 и 0,31 в среднем на семью.

Таким образом, ощущение благополучия в сельской семье повышается с появлением детей, чему способствует не очень заметное на данном этапе снижение семейных доходов и новые эмоции. В дальнейшем расходы на детей, особенно в подростковый период, растут, жизнь семьи усложняется, и это находит отражение в постепенном снижении благополучия и повышении депривированности.

Важный фактор благополучия семьи при использовании любой методики – наличие работы, занятость членов семьи. По выборке доля благополучных и депривированных среди сельских респондентов, имеющих официальную работу, составляет 10 и 4,5%; среди благополучных являются занятыми 2/3 респондентов старше 12 лет, а среди депривированных – только 38%.

Помимо самого факта занятости значимыми являются ее вид и направление (табл. 1). Благополучие семьи достигается наличием высокой должности и высшим и средним уровнем квалификации, уходом из «традиционных» отраслей экономики – из сельского хозяйства и промышленности, из сферы обслуживания.

Факт повышенной депривированности занятых в сельском хозяйстве – отрасли, обеспечивающей официальной работой около 20% занятых, – свидетельствует о глубокой пропасти между ускоренным ростом эффективности сельской экономики в последние 15–20 лет и уровнем благополучия сельского населения.

Таблица 1

Распределение занятого сельского населения по направлениям занятости, всего и в рассматриваемых группах, 2018 г., %

Направление занятости	В целом	Респонденты из благополучных семей	Респонденты из депривированных семей
Руководители, специалисты высшей квалификации	25,7	38,2	17,7
Специалисты средней квалификации, документоведы, секретари	16,7	17,7	12,3
Работники сферы обслуживания, ЖКХ, операторы, машинисты	27,5	22,6	33,2
Квалифицированные работники сельского хозяйства, промышленности	14,6	12,1	16,5
Неквалифицированные рабочие	15,5	9,4	20,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Кроме основной занятости, в статистических наблюдениях Росстата фиксируются дополнительная и неформальная занятость. Распространение последней в сельской местности гораздо шире, чем в городской: по своей численности она сопоставима с официальной, составляя от нее соответственно 30,5 и 17,1%. Наиболее значительное отличие в структуре сельской неформальной занятости по сравнению с городской состоит в более высоком удельном весе сельскохозяйственных видов деятельности. В сельском хозяйстве работают около 40% от общей численности занятых в неформальном секторе сельских жителей и около 6% городских. В неформальном секторе заняты, главным образом, безработные и те, кто не входит в состав рабочей силы (пенсионеры, инвалиды и др.); доля тех, кто совмещает основную работу с неформальной, составляет 6,2% (в том числе 5,1% по городу и 8,7% по селу). Еще меньше доля тех, кто совмещает основную работу с дополнительной официальной, – 2,2%⁹.

Однако совместительство, особенно с неформальным сектором, несмотря на свой невысокий удельный вес, достаточно четко характеризует различия между выделенными группами благополучных и депривированных сельских семей. Совмещают работу чаще индивиды из депривированной группы; основная работа индивидов, отнесенных к благополучным, более длительная по времени и с более высокой оплатой, делает совместительство (особенно неформальное) для них либо неостребованным (когда в свободное время предпочитают отдых), либо невозможным (когда свободного времени остается мало). Напротив, массовое совмещение основной работы и дополнительной, особенно в неформальном секторе, использование ЛПХ для

получения доходов, чаще всего натуральных для собственного потребления, является одним из характерных признаков неблагополучия сельского домохозяйства.

Согласно данным бюджетного обследования времени, благополучные индивиды старше 12 лет в среднем тратят на дополнительную работу 59 мин. в рабочие дни и 43 мин. в выходные, депривированные – соответственно 72 и 63 мин. (табл. 2).

Приведенные в табл. 2 данные подтверждают более высокую занятость сельских индивидов из благополучной группы на официальной работе. Это перекраивает структуру их суточных затрат времени в пользу официальной работы и вместе с этим – весь образ жизни, по сравнению с индивидами из депривированной группы. Так, по ряду видов деятельности, связанных с бытом (работа в ЛПХ, ведение домашнего хозяйства, приобретение товаров и услуг), волонтерством, досугом, занятость благополучных индивидов в будни заметно ниже, чем у депривированных, и повышается в выходные дни. В частности, работе в ЛПХ благополучные респонденты в будни отводят существенно меньшее время, чем в выходные, в то время как данные затраты времени депривированных в рабочие и выходные дни различаются незначительно. Это означает, что наибольшая нагрузка по ведению ЛПХ в благополучных домохозяйствах ложится на тех, кто имеет еще и официальную работу, которая, судя по ее весу в бюджете времени, является для них основной и первичной по важности.

В то же время дополнительная и неформальная занятость индивидов из благополучной группы – более эффективна: они посвящают ей больше времени и получают от нее больший доход. Покажем это на примере занятости в ЛПХ,

Таблица 2

Среднедушевые суточные затраты времени сельского населения старше 12 лет из благополучной и депривированной групп на различные виды деятельности, часов-минут на чел. в сутки¹⁰

Виды деятельности	Благополучные		Депривированные	
	Рабочий день	Выходной день	Рабочий день	Выходной день
Основная работа	5-01	2-08	2-22	1-08
Дополнительная работа	0-59	0-43	1-12	1-03
Работа в ЛПХ	0-09	0-27	0-23	0-27
Ведение домашнего хозяйства (приготовление пищи, стирка, уборка и др.)	0-44	1-34	1-26	1-56
Другие дела по ведению быта и воспитанию детей	1-19	0-46	0-50	0-51
Приобретение товаров и услуг	0-14	0-22	0-23	0-18
Общественная, волонтерская деятельность	0-33	0-44	0-50	0-34
Деятельность, связанная с обучением	0-34	0-38	0-36	0-26
Досуг (кроме просмотра ТВ)	0-33	1-07	0-51	1-07
Просмотр ТВ	1-16	1-36	1-40	2-10
Сон, гигиена, уход за собой, пассивный отдых	11-05	12-20	11-53	12-38
Другое	1-33	1-35	1-34	1-22
Всего	24-00	24-00	24-00	24-00

используя материалы обследования бюджетов времени и материалы сельскохозяйственных переписей Росстата.

В целом из всего массива респондентов в ЛПХ работает каждый пятый – 18% благополучных и 22% депривированных; занятые этим видом деятельности тратят на нее соответственно 2 ч и 2 ч 10 мин. Среди них половина – респонденты трудоспособного возраста, имеющие основную работу, около 40% – неработающие пенсионеры.

Однако при более дифференцированном анализе – при переходе от уровня «индивида» к уровню «семьи» – затраты времени на ведение ЛПХ начинают существенно различаться. В целом ведут личное подсобное хозяйство 39% благополучных и 43% депривированных сельских семей. Их затраты времени на ведение ЛПХ составляют: по благополучным семьям 4,5 ч в сутки, а по депривированным – только 3,5 ч. Хотя доля благополучных семей, ведущих ЛПХ, меньше, затрачивают они на него заметно больше времени, обеспечивая больший объем производства и более значительный выход продукции.

В приусадебное хозяйство в последние годы все больше включается работающее трудоспособное население. Именно его усилиями с середины 2000-х гг. возник и оформился тип «малой фермы» – высокотоварного приусадебного хозяйства, ориентированного на мясное и мясомолочное производство. По данным двух проведенных в современной России сельскохозяйственных переписей, за период 2006–2016 гг. количество ЛПХ, которые держат 10 и более голов крупного рогатого скота, возросло в 2 раза, поголовье КРС в них – в 2,3 раза. При общем сокращении поголовья скота в ЛПХ (в частно-

сти, КРС на 53%, свиней на 62%) и уменьшении удельного веса тех ЛПХ, в которых содержится скот (КРС – с 23,6 до 12%, свиней – с 17,3 до 7,1%), в последних произошел заметный рост его поголовья (с 2,9 голов КРС в 2006 г. до 4,5 в 2016 г., с 3,1 свиней до 3,7)¹¹. То есть произошло усиление дифференциации сельских домохозяйств по масштабу и распрстраненности сельскохозяйственной занятости и концентрации сельскохозяйственного производства в наиболее крупных и специализированных из них.

Хозяйственно-экономические параметры с большей или меньшей точностью отражают и социокультурную составляющую благополучия сельских жителей. Здесь субъективность оценок акторами своего положения, обусловленная режимом производства, играет первостепенное значение¹².

Идентификация работника с целями фирмы, поиску моделей которой был посвящен весь XX в., значительно деформирована в условиях глобализации экономического порядка XXI в. Усилился управленческий деспотизм, государства не сдерживают практики накопления страсти, владеющей собственностью, и эксплуатации массовых слоев и групп, ставших «новым классом» – прекариатом¹³. Ослаблен демократический потенциал производственных коллективов. В аграрном секторе России это обусловлено двумя процессами. Во-первых, раздробленной структурой хозяйствующих субъектов, включающей множество мелких и незначительное количество крупных организаций (первых 67%, и они имеют среднегодовую численность 15 чел., вторых – 21% с численностью персонала 128 чел.)¹⁴. Если во второй группе еще сохранился социальный потенциал согласования интересов работо-

дателей и наемных работников, то в первой работники не могут рассчитывать на защиту своих прав – там господствуют социально-личностные связи между хозяином и наемным персоналом.

Опасение быть выброшенным из трудовой сферы вносит коррективы в коммуникативные процессы (сведения, информацию и интерпретацию), которые являются базой для избрания критериев оценки реального положения, норм, выбора направлений и способов рационализации действительности. Достаточно сравнить две группы ответов сельских респондентов о положительном и отрицательном восприятии своей работы на всех возможных этапах ее формирования. Такие показатели, как «нетворческий характер труда» выбирают 10,4% респондентов, работающих в коллективном хозяйстве, и 7,9% – у фермера, «плохие условия» – соответственно 6,3 и 21,1%, «не устраивает зарплата» – 14,6 и 21,1%. Одновременно положительные оценки по этим же показателям дали: по характеру труда – 16,7% работающих в коллективном хозяйстве и 28,9% работающих у фермера, по условиям труда – соответственно 29,2 и 26,3%, по зарплате – 16,7 и 31,6%. Можно видеть, что ни крупное хозяйство, ни фермерское не является «лидером» негативного или, наоборот, позитивного восприятия и что положительные оценки респонденты давали охотнее, чем отрицательные. В дифференциации ответов играет свою роль и мера развитости подворья: при хорошем уровне его многие положительные оценки интегрируют позитив крупхоза и ЛПХ. Также социологу в полевом исследовании нужно учитывать феномен приукрашивания респондентом реальных ситуаций из опасения того, что негативные оценки дойдут до непосредственного работодателя и будут иметь для него негативные последствия.

Учитывая все вышесказанное, сделаем некоторые выводы.

Общим правилом считается необходимость иметь достоверное знание о предмете или процессе, чтобы рационализировать их состояние и динамику движения в будущем. Расширение спектра субъективной самооценки своего положения сельской семьей в этом аспекте является необходимым моментом, дающим в распоряжение организаций, ответственных за развитие села, большие возможности для адекватных ответов. Выделение для этого крайних групп домохозяйств полезно как для практик управления с целью решения проблем социальной справедливости, так и для самих семей, которые могут лучше понять упущенные возможности и перспективы развития.

Социокультурные основания дифференциации семей и в целом сельского населения также должны быть расширены по двум направлениям. Во-первых, с позиции инфраструктурных предпосылок благополучия, т. е. совершенствования быта в традиционном его измерении (медицина,

коммунальные удобства, культура свободного времени и др.). Во-вторых, расширенного понимания социального – до пространства организации труда, поскольку самочувствие и духовное состояние большинства работающих, независимо от профиля и уклада предприятия, в современных условиях находятся в режиме вызовов и ограничений.

Модель измерения культуры человека результатами его деятельности на производстве, в принципе, допустимая в благополучном пространстве трудовой деятельности, требует корректировки в условиях, когда почти половина работников страны трудится при несоответствии их образования выполняемой работе¹⁵. Тем более данное измерение не подходит для людей, работающих неполный день (на селе неполный год), перебивающихся сезонными, эпизодическими приработками.

Компенсаторскую роль этому на селе играет семейное хозяйство, которое содержат успешные хозяева подворий. Эта группа невелика, но, будучи полярной, демонстрирует существенное отличие от большинства семей не только по хозяйственно-экономическим результатам, но и по творческому потенциалу, способности к упреждающему поведению относительно изменений. И в целом на селе еще сохраняется значительный контингент творческих, активных людей разных поколений, потенциал которых может быть направлен на выполнение их жизненных устремлений и на большие общезначимые социальные цели. Это признается в публицистической интерпретации, но пока на рассудочном уровне. Аграрная социология к этой теме еще не приступала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00206).

Примечания

- 1 См.: Великий П. П., Шабанов В. Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 4. С. 105–121. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121
- 2 См.: Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социс. 2014. № 1. С. 6–19.
- 3 См.: Российский статистический ежегодник. 2019 : стат. сб. М. : Росстат, 2019. С. 165.
- 4 См.: Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности : российский и международный опыт. М. : М-Студио, 2009.
- 5 См.: Прокопьев М. Г. Потребление продовольствия и эффект масштаба домашних хозяйств // АПК : экономика, управление. 2009. № 2. С. 20–31.

- 6 См.: Шабанов В. Л. Сравнительный анализ концепций абсолютной и относительной бедности применительно к сельскому и городскому населению России // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2019. № 2. С. 91–97.
- 7 См., например: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2018 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : стат. бюл. М. : Росстат, 2019. С. 71.
- 8 Рассчитано по : Итоги выборочного наблюдения «Обследование бюджетов домашних хозяйств» // Росстат, 2018. URL: <https://obdx.gks.ru/> (дата обращения: 15.02.2020).
- 9 См.: Обследование рабочей силы. 2018 : стат. бюллетень. М. : Росстат, 2019.
- 10 Рассчитано по : Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением» // Росстат, 2014. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html (дата обращения: 15.03.2020).
- 11 См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года : в 8 т. Т. 1, кн. 1. М. : Статистика России, 2018. С. 122–134.
- 12 См.: Буравой М. Жить в капитализме, путешествовать через социализм // Общественные движения в России : точки роста, камни преткновения / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : ЦСПГИ, 2009. С. 49.
- 13 См.: Тощенко Ж. Т. Прекариат : От протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018.
- 14 См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 1, кн. 1. С. 12, 122.
- 15 См.: Жизненный мир россиян : 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЦСПиМ, 2016. С. 351.

Образец для цитирования:

Великий П. П., Шабанов В. Л. Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских семей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 250–256. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

Cite this article as:

Velikiy P. P., Shabanov V. L. Economic and Socio-Cultural Foundations of Rural Families' Social Differentiation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 250–256 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

УДК 323.21

Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон

О. Ю. Голуб, Е. В. Сергеева

Голуб Ольга Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, goloub@inbox.ru

Сергеева Елена Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergeevaev@inbox.ru

Статья посвящена возможностям кризисных коммуникаций между властью и обществом в социальных сетях. Авторы придерживаются мнения, что в современных исследованиях и политических практиках недостаточно уделяется внимания изучению потенциала политической коммуникации в социальных сетях в ситуации кризиса. Рассмотрев проблематику научных исследований, посвященных коммуникации власти и общества в социальных сетях, авторы определяют несколько проблемных зон, которые в дальнейшем могут значительно углубить научную дискуссию по проблемам кризисных политических коммуникаций в социальных сетях.

Ключевые слова: политическая коммуникация, кризисная коммуникация, интернет-коммуникация, социальный диалог, социальные сети.

Поступила в редакцию: 04.05.2020 / Принята: 13.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

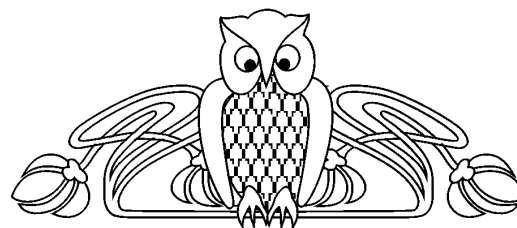
Crisis Communication of Power and Society in Social Media: Identification of Problem Zones

O. Y. Golub, E. V. Sergeeva

Olga Y. Golub, <https://orcid.org/0000-0002-6280-9011>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, goloub@inbox.ru

Elena V. Sergeeva, <https://orcid.org/0000-0002-2331-0103>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sergeevaev@inbox.ru

The article is devoted to the possibilities of crisis communications between the government and society in social networks. The authors are of the opinion that in modern research and political practices insufficient attention is paid to studying the potential of political communication in social networks in a crisis situation. Having examined the problems of scientific research of the communication of power and society in social networks, the authors identify several problem areas that can further deepen the scientific discussion on the problems of crisis political communications in social networks.

Keywords: political communication, crisis communication, Internet communication, social dialogue, social networks.

Received: 04.05.2020 / Accepted: 13.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263>

В современных условиях в связи с развитием процессов формирования гражданского общества и реализации народовластия возрастающая социально-политическая ресурсность использования информационно-коммуникационных технологий становится все более очевидной. Внедрение инновационных форм цифровой демократии способно повысить общественную активность населения в механизм принятия политических решений, предлагает гражданам новый институциональный потенциал для прямого и эффективного участия в процессах публичного управления.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий и Интернета не только привело к глубоким изменениям в механизмах функционирования большинства социальных институтов, но и кардинальным образом трансформировало базисную структуру коммуникаций в современном мире. Расширение информационного пространства создало возможность замены традиционной системы распространения массовой информации, основанной на односторонней опосредованной передаче информации от государственных структур общественности, на систему полиморфической коммуникации, что обеспечило населению возможность не только получать информацию, но и быть активным участником многочисленных социальных процессов, включая и политические властеотношения.

Открытое общественно-политическое взаимодействие – это сегодня не столько модный тренд, сколько необходимое условие и критерий эффективности функционирования власти. Организация продуктивного прозрачного партнерского взаимодействия органов государственной власти и населения способствует социальным изменениям, создает благоприятные условия для формирования и укрепления институтов гражданского общества. Доминирующая роль коммуникативно-информационных технологий в

сфере властной политики и виртуализации процесса принятия решений, их субъектов, а также понимания условий и границ их эффективности, определяет вектор конструирования властной реальности и архитектуры демократического государства. Именно благодаря современным средствам массовой коммуникации общество становится не просто получателем информации от властей, но приобретает возможность, оперативно реагируя на входящие информационные потоки, выполнять роль интерактивного индикатора происходящих изменений. Цель настоящей работы авторы видят в акцентуации внимания на проблеме эффективности платформ сетевого взаимодействия власти и общества, изучения практик открытого публичного диалога в онлайн-среде, особенно в условиях нарастания кризисных явлений.

Методологическую основу настоящего исследования составляют классические труды Дж. Мида, Б. Скиннера, Д. Уотсона, К. Ясперса, Э. Мунье, А. Шюца, Д. Белла, Ф. Дэнса, К. Ларсона, Д. МакКуэйла, Дж. Мёрдока, Э. Тоффлера, касающиеся общей проблематики феномена коммуникации. Работы отечественных авторов – С. Бориснева, Е. Дугина, М. Назарова, Л. Земляной, В. Конецкой, Г. Почепцова, В. Терина, Ф. Шаркова и других, – выполненные в русле социологии коммуникации, способствовали введению зарубежных исследовательских парадигм в отечественный научный оборот и представили толкование коммуникации как особого социального феномена, обладающего сложной внутренней структурой и собственной логикой развития.

Распространение Интернета и расширение сетевых взаимодействий, приводящие к глубоким трансформациям общественного устройства, модернизации социокультурных механизмов функционирования социума, этико-правовых норм, форм социальных коммуникаций, стимулировали активизацию исследований представителями многих научных дисциплин, в том числе политической социологии. Развитию методологического подхода М. Кастельса, М. Маклюэна, П. Штомпки, Р. М. Эмерсона, связанного с изучением новой онтологии взаимодействия в интернет-пространстве, посвящены исследования многих отечественных исследователей. Так, Т. И. Заславская, А. И. Соловьев, Р. Ф. Абдеев, Д. П. Гавра, В. П. Коломиец, О. В. Крыштановская, В. В. Петухов, В. К. Левашов, Е. Н. Давыборец, И. Н. Трофимова анализируют социальную динамику политической коммуникации, ее особенности в онлайн-среде, рассматривают вопросы коммуникативного дискурса властных структур и общества, исследуют влияние процессов информатизации и демократизации на режим взаимодействия власти и общественного мнения. Нынешние реалии актуализируют роль медиа, в том числе в построении диалога между властью и обществом. Современные средства

массовой коммуникации определяют координаты обеспечения эффективного взаимодействия властных структур и населения. Медиареальность выступает конструктом отображения виртуальных реальностей, моделируемых сквозь призму социально-психологических факторов в информационном пространстве.

Во все времена человечество, государства, организации и небольшие коллективы сталкивались и сталкиваются с опасными и трудными кризисными периодами, спектр последствий которых колеблется от катастрофы до успешной модернизации. Наиболее употребимым в имеющейся литературе является понимание кризиса как особого, нестандартного события (или ряда событий), как правило, сопряженного с высоким уровнем неопределенности. Эта неопределенность связывается с нарушением информационных связей, что составляет угрозу не только текущей деятельности, но и стратегическим нематериальным активам, таким как позитивный имидж и устойчивая репутация. По мнению Д. П. Гавры, кризис обусловлен внешними или внутренними факторами и «представляет собой реальную или воображаемую, осознанную или неосознанную ситуацию сбоя параметров нормального функционирования социального субъекта, оказывающую негативное воздействие на самого субъекта и его стейкхолдеров»¹. Исходя из данного толкования кризиса, приоритетной задачей становится разработка механизма управления социальными интеракциями, общественным мнением, процессом создания позитивного контекста взаимодействий посредством передачи информации и установления эффективной коммуникации. В «ситуации сбоя параметров нормального функционирования» принципиальное значение приобретает организация системы кризисных коммуникаций, под которой нами понимается комплекс социальных коммуникативных технологий, связанных с прогнозированием, диагностированием, управлением кризисом, адаптацией к новым условиям и нейтрализацией негативных последствий. Иначе говоря, речь идет о необходимости постоянной и планомерной деятельности, направленной на обеспечение управляемости процессов распространения информации, формирования общественного мнения, конструирования продуктивных социальных взаимодействий.

Политическая сфера и сфера государственного управления – это сложные коммуникативные системы, где информационное взаимодействие осуществляется множеством независимых акторов, наличием системы вертикальных и горизонтальных связей, идеологической и ценностной полярностью, наличием формальных и неформальных процессов. В период кризиса коммуникационные процессы между властью и обществом находятся на пике своей остроты и легко выходят из-под контроля, становясь сла-

боуправляемыми. Поддержка высокого уровня доверия, как межличностного, так и институционального, есть главное условие для благоприятного выхода из кризиса и минимизации репутационных издержек.

В условиях кризиса главными принципами коммуникативного взаимодействия власти и общества являются открытость информации, максимально широкое освещение кризисных событий, а также принятых решений и действий с помощью всех доступных коммуникационных каналов и оперативность донесения актуальной информации до адресатов. Попытки пассивного ожидания или замалчивания ситуации, как правило, неизбежно приводят к новому витку развития кризиса, созданию более тяжелой ситуации и, как результат, большим репутационным издержкам. В современном медиапространстве социальные сети и онлайн-медиа распространяют информацию практически мгновенно из первых уст, минуя посредников, обращаясь напрямую к каждому человеку. Таким образом, чтобы эффективно управлять информационными потоками во время кризиса и свести репутационные издержки к минимуму, важно использовать положительный потенциал организации кризисных коммуникаций в социальных сетях. В сфере бизнес-коммуникаций в ситуации кризиса именно социальные сети становятся приоритетным информационным центром, поскольку позволяют молниеносно отвечать пользователям от первых лиц организации и, таким образом, определять повестку дня и контролировать информационные потоки².

Контроль за информационным полем, умение играть в информационном противостоянии на опережение, идейно и ценностно обосновывать свою позицию, прогнозировать и упреждать репутационные и имиджевые удары – в этом, по нашему мнению, заключаются стратегические задачи государства и политических акторов в кризисных ситуациях. В современной динамичной и цифровой медийной среде кризисные коммуникации в политической сфере должны обладать таким качеством, как всеобщность, т.е. охватом по максимуму всех граждан страны, возможностью контактировать с каждым человеком, говорить с ним на понятном и доступном языке, создавать эффективные каналы обратной связи, вести равноправный диалог с заинтересованными группами общественности. Реализация этой функции требует сегодня использования всех возможных медийных и коммуникационных каналов, которые значительно расширились за последние годы в связи с развитием онлайн-коммуникации.

Сегодня государственные структуры, организации и компании все активнее начинают применять технологии интернет-присутствия, приобретая тем самым большие возможности коррекции имиджа и репутации и более устой-

чивое положение. Однако налаживание онлайн-взаимодействий в кризисных ситуациях требует более пристального внимания.

Для осуществления диалога власти с населением необходимо соблюдение двух принципиальных условий. Во-первых, обеспечение информационно-прозрачного характера деятельности органов власти, во-вторых – наличие обратной связи с населением и адресного взаимодействия с самыми разными целевыми аудиториями. На сегодняшний день имеются разнообразные средства и каналы коммуникации между властью и населением. Но формы этой коммуникации представляют собой преимущественно индивидуальное общение, переписку по почте или обращения по телефону через секретаря, что не способствует установлению доверительных отношений между управленческими структурами и обществом. Современные реалии актуализируют проблему разработки новых моделей организации симметричной коммуникации власти и граждан, формирования в общественном мнении россиян позитивного имиджа государственной власти и повышения уровня доверия к ее структурам. Свободное получение гражданами необходимой и интересующей их общественно значимой информации, доступ к процессу принятия решений создают условия для ответных действий властных структур, коррекции программ развития на самых разных уровнях государственной системы управления, что, по сути, является самым надежным индикатором цивилизованности и открытости государственного устройства страны, определяет легитимность политической власти и ее институтов.

Необходимость активизации процессов использования информационно-коммуникационных технологий в целях организации диалога власти и населения закреплена указами Президента Российской Федерации, федеральными законами от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»³, от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁴, основными направлениями деятельности Правительства РФ на период до 2024 г.⁵, а также стратегией развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.⁶. Доступность интернет-технологий для обеих сторон, развитые сервисы для общения обеспечивают основу для максимально удобного и простого обмена контентом, мнениями, оценками, другой информацией и в конечном итоге способствуют установлению равноправного диалога, достижению и укреплению взаимного доверия и взаимопонимания.

Между тем приходится констатировать, что, несмотря на большой потенциал интернет-коммуникации населения и представителей власти, он пока еще слабо реализуется. С одной сторо-

ны, граждане крайне заинтересованы в диалоге такого рода. Высокие темпы компьютеризации населения, развитие мобильного Интернета, наличие гражданской позиции и социальной активности создают возможность и объективную потребность в обратной связи от представителей власти. С другой стороны, власти пока не проявляют достаточной активности, существенно запаздывая в использовании новых технологий для продвижения своей политики. Те, кто принимают решения, зачастую не склонны к прозрачности и общительности⁷.

Мощным потенциалом содействия формированию взаимодействия органов власти и населения обладают цифровые коммуникации, опирающиеся на интернет-платформы. В последнее десятилетие наблюдается взрывной рост социальных сетей от периферии коммуникационного поля до охвата половины населения мира, сегодня это самые посещаемые интернет-ресурсы⁸. В России Интернет также стремительно развивается, все быстрее и глубже проникая во все сферы нашей жизнедеятельности. Социальные сети, мобильные мессенджеры, видеохостинги стали привычными атрибутами нашей жизни⁹. Как отмечает Наталья Соколова, главный исполнительный директор агентства Brand Analytics, «2019 – переломный год в признании компаниями и государством значения социальных медиа. Популярность в соцсетях становится новой валютой как для брендов, так и для медиаперсон. ... Множество примеров подтверждают – соцмедиа и аналитику соцмедиа уже без всяких оговорок можно называть “пятой властью”»¹⁰.

По мере того как возможности социальных сетей все активнее начинают использовать и представители политического истеблишмента, и региональные политики, сотрудники других властных структур, стали появляться публикации, посвященные изучению практик организации подобной коммуникации. Как отмечает О. В. Крыштановская, наблюдая за поведением политических лидеров в социальных сетях, можно «получить информацию о формирующейся повестке дня, реакции на это представителей гражданского общества, легитимности и эффективности власти. Такой социологический анализ позволяет заранее предсказать проблемы, которые проступают через дискуссии в социальных сетях, тональность комментариев и троллинг»¹¹. Результаты социологического исследования российской политической элиты и ее активности в социальных сетях (на примере социальной сети «Твиттер»), проведенные под руководством О. В. Крыштановской, показывают, что самой открытой элитной группой на сегодняшний день является губернаторский корпус, что в четыре раза больше, чем у членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации) и Правительства Российской Федерации (далее – Правительство), и

в два раза больше, чем у депутатов. Самой популярной социальной сетью у российской элиты является «Твиттер», которому отдают предпочтение более 40,0% активных в сетях чиновников. На втором месте – «Фейсбук» (23,0%), далее следуют «Живой Журнал» (16,3%) и «ВКонтакте» (16,8%). Популярность «Твиттера» в элитной среде связана с тем, что данная социальная сеть предоставляет возможность общаться напрямую с теми людьми, которые вызывают интерес, и формировать свою ленту в соответствии со своими меняющимися запросами. «Твиттер» обладает наивысшей мобильностью, позволяющей мгновенно реагировать на события, а также лаконичностью, препятствующей развитию конфликта и нежелательного диалога¹². Среди аккаунтов государственных институтов на первом месте «Президент России» (@KremlinRussia) с более чем миллионом фолловеров. Аккаунт заполняет пресс-служба президента. Его читает 54% элиты¹³.

Данные других исследований подтверждают, что социальные сети являются наиболее посещаемыми сайтами (Е. О. Чугаева¹⁴, А. А. Старцев и Н. В. Гришанин¹⁵). Больше половины совершеннолетних россиян почти каждый день пользуются хотя бы одной из них. Подобный канал организации взаимодействия органов власти с населением сегодня не просто обязательен, но и предпочтителен, поскольку имеет очевидные преимущества по сравнению с другими формами. К числу таковых можно отнести: более высокий уровень доступности информации о деятельности органа управления; оперативную коммуникацию с населением посредством соответствующих SMM-инструментов; возможность изучения потребителей информации того или иного органа власти; выявление целевых групп общественности, их потребностей и ожиданий; моделирование адекватных форм коммуникации с каждой конкретной целевой аудиторией. На социальной странице есть возможность в режиме группового обсуждения, либо проведения онлайн-опроса протестировать ту или иную коммуникационную кампанию, тот или иной проект, выяснить мнение населения по многим насущным вопросам местного, регионального и федерального значения, деятельности соответствующего органа власти.

Между тем изучение практик использования возможностей современных технологий коммуникации органами власти в региональном аспекте выявляет наличие проблемы ограниченного и малоэффективного использования социальных сетей. Так, А. М. Киселёва и Е. А. Шпак на примере Омской области выявили отсутствие процессов общения и обсуждения актуальных для населения вопросов и проблем¹⁶. Результаты авторского исследования присутствия в социальных сетях администраций муниципальных образований Саратовской области также свидетель-

ствуют о недостаточной степени организации открытого общественно-политического взаимодействия властных структур и населения.

Таким образом, можно утверждать, что социальные сети сегодня – это та среда, которая, во-первых, интенсивно втягивает в себя все коммуникационные каналы и легко транслирует абсолютно любой информационный контент, во-вторых, сама становится площадкой для формирования повестки дня, в-третьих, это открытый форум столкновения мнений и взглядов (правила и этика которого все еще недостаточно сформированы и институционализированы), в-четвертых, это возможность добраться до каждого человека, зарегистрированного на ресурсе. Эти преимущества делают социальные сети ключевым и важным коммуникационным ресурсом для политической деятельности не только в периоды стабильного развития, но, что особо важно, в период кризиса.

Однако следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, Интернет как средство коммуникации, оказывает воздействие на пользователя, с другой – имеется и обратная зависимость, которая более отчетливо проявляет себя в кризисной ситуации. Во время кризиса в Глобальной сети интегрируются все общественные проблемы и противоречия, более противоречивый характер приобретает и коммуникация в социальных сетях, она становится высокорисковой средой, способной, в свою очередь, порождать серьезные репутационные и имиджевые кризисы, а также усугублять уже существующие кризисные процессы. Риски и опасности использования социальных сетей для дестабилизации политического процесса – наиболее частая тема для обсуждения. На наш взгляд, это еще ярче иллюстрирует необходимость учитывать настроения и взгляды широкой общественности на текущую повестку дня, решения и действия власти и отдельных политических персон, в планировании и осуществлении антикризисной коммуникации.

Поэтому органами власти, в первую очередь, должен быть налажен постоянный мониторинг информации, размещенной в СМИ и социальных медиа, для выявления проблемных зон, актуальных запросов граждан либо негативно окрашенного контента и его нейтрализации. По нашему мнению, это обязательное условие для налаживания обратной связи с населением, какого-либо диалога и заинтересованности в повышении вовлеченности в процесс коммуникации. Если что-то произошло, надо оперативно реагировать и превращать негатив хотя бы в нейтральную информацию. Это единственный способ если не избежать кризисных ситуаций, то минимизировать ущерб. Очевидно, что наличие возможности свободного открытого взаимодействия с чиновниками по самому широкому спектру повседневных проблем как личного характе-

ра, так и муниципального и даже федерального масштаба позволяет сторонам лучше понимать друг друга и легче достигать компромиссов. Особенно важным считаем развитие такого вида коммуникаций на уровне малых субъектов власти (районов городов, малых городов, п.г.т. и т. д.), где надо решать проблемы локального характера, и население, заинтересованное в улучшении условий своей жизни, готово оперативно предоставить и необходимую информацию о насущных проблемах и поддержку в их решении местным властям. Возможность получить обратную связь от населения, скорректировать в соответствии с получаемыми замечаниями и предложениями собственные действия и программы одновременно способствует повышению лояльности населения и улучшению имиджа власти. Подчеркнем, активное общение и забота о подписчиках не только делает успешной официальную страницу органа власти любого уровня. Еще более важно, что это повышает степень доверия к самому органу власти, от лица которого идет общение с людьми. В свою очередь, граждане понимают, что за длинными наименованиями органов власти и сложными документами стоят люди, также заинтересованные в улучшении жизни в своем муниципальном образовании или регионе. Иначе говоря, социальные сети благодаря своим качествам оперативности, интерактивности, отсутствия барьеров, возможности передачи качественных сообщений позволяют и людям во власти быть ближе к населению, и населению устанавливать доверительные отношения с властью.

Управление кризисом как процессом предполагает в том числе извлечение уроков из допущенных промахов, собственных просчетов и ошибок, упреждающее выявление ситуаций высокого риска. Прогнозирование возможных рисков и кризисных ситуаций важно для разработки ответных действий, для создания гибкого плана, способного к обновлению, корректировке и согласованию со всеми заинтересованными группами, которые будут задействованы в период развития кризисной ситуации. Умение дать объективную оценку результатам и эффектам кризисных мероприятий, способность прогнозировать, планировать и корректировать коммуникационный процесс, в том числе с помощью выработки адекватной модели организации диалога с населением в социальных сетях, представляется важнейшим при поиске ответа на вопрос о том, будет ли иметь кризисная ситуация позитивные или негативные последствия для властных структур. Управление кризисными коммуникациями означает не просто восстановление или упрочение репутации. Важно научиться видеть в кризисе потенциальные возможности для развития.

Несмотря на бурное развитие коммуникативных практик в социальных сетях, осмысле-

ние и системное понимание их роли в процессах социально-политического взаимодействия власти и общества слабо рассмотрено в теоретическом плане, в частности, это касается и кризисных коммуникаций.

Однако справедливости ради отметим, что в последнее время стали появляться публикации, посвященные рассмотрению изменений, происходящих в коммуникационных процессах воздействия политических элит на социум, вызванных кризисными явлениями¹⁷. Так, М. А. Родионов и Т. А. Волкова анализируют взаимосвязь пандемии COVID-19 с экономическими кризисными явлениями в системной взаимосвязи с вопросами обеспечения национальной безопасности¹⁸. Авторы отмечают, что во время пандемии Интернет становится незаменимым инструментом связи и мобилизации огромного количества организаций, социальных групп, отдельных индивидуумов. От себя добавим, что подобное утверждение справедливо и для любой другой кризисной ситуации. Согласимся с мнением М. А. Родионова и Т. А. Волковой о том, что многие сферы деятельности, организации после пандемии окончательно перейдут в онлайн-режим, в том числе государственные и муниципальные органы и структуры, общественные организации, которые не сделали этого раньше¹⁹.

Научная разработанность проблем кризисной политической коммуникации в социальных сетях недостаточна, что связано с рядом объективных обстоятельств:

– сложностью объекта исследования: бурным ростом, высокой скоростью изменений, большим разнообразием социальных сетей, не в полной мере проявившимся их коммуникативным потенциалом;

– российские политики и государственные деятели отстают от зарубежных коллег по использованию потенциала социальных сетей для кризисной политической коммуникации, что иллюстрирует лишь наличие отдельных частных успешных или неуспешных случаев коммуникации, но не позволяет выявить более или менее устойчивые закономерности. Чаще поднимаются вопросы о том, как социальные сети становятся источником дестабилизации политического процесса, формирования оппозиции и распространения протестных настроений и действий. Это связано с тем, что первоначально социальные медиа более активно использовала оппозиция как свободную дискуссионную платформу для транслирования собственных политических целей. Осознание необходимости использования социальных сетей в официальной, публичной коммуникации для таких целей, как информирование, увеличение доверия, выявление наиболее проблемных и кризисных точек роста, стало формироваться сравнительно недавно;

– научные методы и способы изучения социальных сетей находятся в фазе своего актив-

ного становления, не всегда возможно для исследователей использовать массивы больших данных (BigData), а их самостоятельный анализ без использования специальных программных возможностей затруднителен и ставит исследователей в зависимость от систем мониторинга социальных сетей;

– в большинстве своем доминирует описательный стиль рассмотрения возможностей коммуникации в социальных сетях, что не приводит к раскрытию специфики общения политиков онлайн.

В заключение подчеркнем следующее. Коммуникации в системе власть – общество отражают объективное распределение общественно-политических сил. Постоянная коммуникация с помощью новых интернет-ресурсов и социальных медиа, обязательный мониторинг настроений и ожиданий в обществе позволяют более эффективно воздействовать на общественное мнение, оперативно решать актуальные проблемы граждан, преодолевать кризисные ситуации и в конечном итоге помогают сформировать образ власти, реагирующей на социальные запросы и открытой к диалогу с населением. Нынешняя ситуация такова, что без осуществления социального диалога не будет доверия. Без доверия не поднять авторитет властных структур в глазах населения, не сформировать позитивный имидж органов власти.

Безусловно, исследование, посвященное изучению практических моделей сетевого взаимодействия власти и общественного мнения, особенностей политической коммуникации в онлайн-среде, должны быть продолжены. Обозначим следующие проблемные вопросы, требующие научного осмысления и имеющие большое практическое значение.

1. В чем заключаются принципы, этические нормы и правила в коммуникации в социальных сетях? Каковы условия формирования коммуникативной компетентности и коммуникативной культуры государственных служащих?

2. Какие формы и виды контента наиболее востребованы политическими акторами? Нужно ли идти за популярными тенденциями в социальных сетях или же придерживаться единого официального стиля общения? Где грань между личной и публичной коммуникацией в социальных сетях политиков? Нужна ли эмоциональность и яркое идейно-ценностное измерение публичной коммуникации?

3. Кто из политических акторов в большей степени заинтересован в организации кризисных коммуникаций: федеральный, региональный, местный; правящая или оппозиционная элита?

4. Какова роль прогнозирования, диагностирования и управления рисками и кризисами в кризисном политическом менеджменте?

5. Каковы количественные и качественные характеристики общения политических и государственных деятелей в социальных сетях, что

может говорить об успешности коммуникации – количество просмотров или в оперативное реагирование на проблемы и вопросы, высказанные пользователями?

Социологический анализ практик открытого и многостороннего публичного диалога в онлайн-среде, изучение трансформаций дискурсивного пространства, выработка критериев продуктивного использования различных форм сетевой демократии в зависимости от характера решаемых проблем и социально-коммуникативного типа аудитории, уровня развития коммуникативной культуры позволят создать базу для формирования механизма выявления, формирования и выражения общественного мнения как показателя цивилизованности, легитимности, эффективности политической власти и институтов гражданского общества.

Примечания

- 1 Гавра Д. П. Ситуационно-перцептивная матрица как инструмент кризисных коммуникаций // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума : в 2 т. / отв. ред. В. В. Васильева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 154.
- 2 См., например: Кейс : 9 принципов антикризисных коммуникаций. URL: <https://www.sostav.ru/publication/kejs-9-printsipov-antikrizisnykh-kommunikatsij-28738.html> (дата обращения: 03.05.2020).
- 3 См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федер. закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776 ; 2018. № 1 (ч. 1), ст. 7.
- 4 См.: Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179 ; 2019. № 52 (ч. 1), ст. 7790.
- 5 См.: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20, ст. 2817.
- 6 См.: О стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.
- 7 См.: Крыштановская О. В. Элита в сетях : новые

формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 2. С. 10.

- 8 Согласно исследованию Digital 2020 April Global Statshot, количество пользователей социальных сетей составляет на сегодняшний момент 3,81 млрд чел., или 49% всего населения, и этот сегмент показывает самый активный прирост пользователей в 8,7%, или 304 млн чел. с апреля 2019 (См.: URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/04/digital-around-the-world-in-april-2020> (дата обращения: 03.05.2020)).
- 9 По данным Проект WEB-Index, российская аудитория всех интернет-пользователей на февраль 2020 г. составила 96,7 млн чел. (79% населения страны), аудитория самых популярных социальных сетей : Facebook – 39 380,3 тыс. чел., Instagram.com – 59 430,7 тыс. чел., Whatsapp.com – 71 337,2 тыс. чел., Odnoklassniki.ru – 52 292,0 тыс. чел., Vk.com – 69 808,0 тыс. чел., Youtube.com – 81 244,0 тыс. чел. (См.: URL: <https://webindex.mediascope.net/> (дата обращения: 03.05.2020)).
- 10 URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019> (дата обращения: 03.05.2020).
- 11 Крыштановская О. В. Указ. соч. С. 6.
- 12 Там же. С. 8.
- 13 Там же. С. 9.
- 14 См.: Чугаева Е. О. Интернет-коммуникации как современные методы диалога власти и общества // Коммуникология : электрон. науч. журнал. 2018. Т. 3, № 3. С. 85–92. URL: <https://drive.google.com/file/d/1GZrO4tdXGeVSM0fje9QmxL00ENliy34z/view> (дата обращения: 09.06.2020).
- 15 См.: Старцев А. А., Гришанин Н. В. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 5. С. 108–119. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-5-108-119
- 16 См.: Киселева А. М., Шпак Е. А. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Вопр. управления. 2015. № 6 (18). С. 66–75.
- 17 См.: Акимович Е. В. Обобщенная модель кризисных коммуникаций органов государственной власти в ситуациях социальной напряженности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 5А. С. 128–136.
- 18 См.: Родионов М. А., Волкова Т. А. Динамика коммуникационных процессов политических элит в условиях кризиса, связанного с пандемией COVID-19 // Коммуникология : электрон. науч. журнал. 2019. Т. 4, № 4. С. 8–20. URL: https://drive.google.com/file/d/1YCR9Hl-0JE0Fp_R4BhQAnYrMP2qCVhF/view (дата обращения: 03.05.2020).
- 19 Там же. С. 11.

Образец для цитирования:

Голуб О. Ю., Сергеева Е. В. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 257–263. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263>

Cite this article as:

Golub O. Y., Sergeeva E. V. Crisis Communication of Power and Society in Social Media: Identification of Problem Zones. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 257–263 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263>

УДК 316.42

Экспертное знание в управлении регионом

М. С. Ивченкова

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, m.ivchenkova@gmail.com

В условиях трансформации социальных процессов, обоснованной развитием технологий, неограниченным доступом к информации, увеличением скорости социального времени на повестку дня выходит необходимость изменения подходов к государственному управлению как на федеральном, так и на региональном уровне. В обществе появляется запрос на транспарентность, социогуманитарную экспертизу и широкое освещение всех этапов процесса принятия политических решений. Удовлетворит этот запрос можно путем привлечения независимых экспертов на разных этапах государственного управления. В статье на примере Саратовской области описываются основные способы применения экспертного знания в управлении регионом. Автором делаются заключения о достаточно развитом диалоге власти и общества и вовлечении в этот диалог социогуманитарного экспертного знания.

Ключевые слова: публичная политика, эксперт, экспертное знание, аналитический центр, управление регионом.

Поступила в редакцию: 06.05.2020 / Принята: 13.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Expert Knowledge in Regional Governance

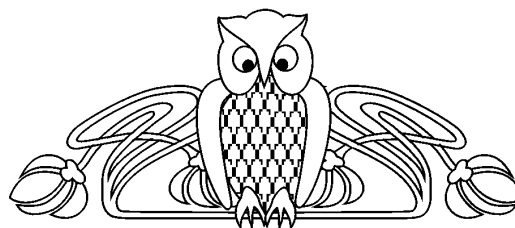
M. S. Ivchenkova

Mariya S. Ivchenkova, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35 korpus 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia, m.ivchenkova@gmail.com

Under the conditions of social processes' transformation based on technology development, on unlimited access to information and on rising the speed of social time, there is a need of changing the approaches in governance both on federal and regional levels. There is a public demand for transparency, social expertise and wide coverage at all stages of decision making process. This kind of public request could be granted by involving independent experts at various stages of governance. The article covers the main ways of using expert knowledge in regional governance by the example of Saratov region. The author makes the conclusions that the dialogue between the authorities and society in Saratov Region is rather elaborated and social expert knowledge is presented in it.

Keywords: public policy, expert, expert knowledge, analytical center, regional governance.

Received: 06.05.2020 / Accepted: 13.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267>

Современный социум переживает серьезные трансформации вследствие ускорения социального времени, почти неограниченного доступа к информации, цифровизации ежедневных практик. Изменяется структура традиционных социальных, политических и экономических институтов, причем трансформируются не только организационные формы, видоизменяются их ценностная и контентная структуры, приобретая свойства «текучести», в терминологии Зигмунта Баумана¹.

В условиях нестабильности социальных институтов социум начинает формировать запрос на более оперативное реагирование на изменение традиционных, зачастую бюрократизированных, механизмов социального взаимодействия под реалии времени, характеризующегося высокой конкурентностью, скоростью и изменчивостью. Оперативного реагирования и быстрой адаптации требуют все сферы социального взаимодействия, но особо остро эта задача стоит в области политических процессов и, в частности, в области государственного управления.

Опыт развитых стран демонстрирует эффективность включения большого количества акторов в политический процесс, особенно в поле публичной политики. Именно здесь реализуется принцип управления «как способ концентрации публичных ресурсов для решения актуальных задач, стоящих перед конкретным обществом»². Такой подход реализуем через конструктивный диалог власти, научного сообщества, бизнеса и широкой общественности с целью поиска наиболее оптимального решения. Стоит отметить, что, обращаясь к опыту развитых демократий, мы не имеем в виду слепое копирование универсальных либеральных ценностей для российского общества, но мы говорим об эффективности обращения к экспертному знанию на различных этапах принятия политических решений.

Процесс поиска, подготовки и принятия политического решения в постоянно трансформирующемся обществе малоэффективен без анализа текущей ситуации, прогнозирования различных сценариев социальных последствий принятого решения, оценки рисков, а также мониторинга результатов внедрения. Сопровожде-

ние принятия политического решения требует не только постоянного мониторинга, но и социогуманитарной экспертизы всех его этапов. Здесь большое значение приобретают социальное прогнозирование, планирование и моделирование, что реализуемо широким методологическим аппаратом социологии.

«Социология должна уделять самое пристальное внимание экспертизе законопроектов, призванных регулировать социогуманитарные процессы в обществе на основе учета национального менталитета россиян и тенденций общекультурного развития мирового сообщества»³. По мнению академика М. К. Горшкова, результаты социологических исследований могут найти свое применение при выработке государственной политики и создании эффективных моделей социально ориентированного управления⁴.

Социогуманитарная экспертиза может быть реализована основными участниками политического процесса: структурами НКО и научным сообществом. Но ввиду особенностей современных общественных процессов необходимы более гибкие формы, «пограничные структуры»⁵, способные быстро реагировать на политический запрос, оперативно представлять аналитическую информацию, сопровождать деятельность власти в решении многоаспектных проблем, когда управление традиционными методами не работает. К таким структурам можно отнести экспертное сообщество в самом общем смысле, в более институциональном виде – экспертные советы при органах власти и аналитические центры (или «фабрики мысли»), а в более частном – независимых экспертов, ученых, лидеров мнений.

Экспертное сообщество, включенное в политический процесс, становится актором публичной политики. Его главная цель – производство экспертного знания. Это знание существенно отличается от научного тем, что оно должно быть адаптировано по форме и виду как для лиц, принимающих политические решения, так и для других акторов публичной политики – гражданских активистов, СМИ, представителей бизнеса, политических партий.

Форма представления информации является важным элементом и лежит в зоне ответственности эксперта. Зачастую результаты исследований, которые заказывают властные структуры, представляются в виде объемных отчетов, монографий и научных статей. При получении высококачественного научного материала заказчики сталкиваются с проблемами языковых манипуляций ученых, когда за наукоёмкими фразами теряется смысл изучаемой проблемы. Это подтверждается данными исследования, проведенного коллегами из МГИМО, изучавшими степень доверия заказчиков (в том числе государственных структур) к социальным наукам при заказе научных исследований: 58% опрошенных отметили,

что основная проблема, с которой они столкнулись в полученных отчетах, – это формулировки и сложные научные конструкты речи⁶.

Независимые эксперты и ученые как представители экспертного сообщества, включенного в поле публичной политики, имеют большой потенциал в построении диалога между властью и социумом с целью поиска наиболее эффективных решений для инновационного развития нашей страны.

Результаты исследования 2020 Edelman Trust Barometer в этом году демонстрируют драматическое падение доверия населения к традиционным институтам (мониторинг уровня доверия населения проводится ежегодно с 2000 г. консалтинговой компанией Edelman)⁷. Люди по всему миру, вне зависимости от социально-демографических характеристик, не доверяют ни государству, ни бизнесу, ни СМИ, ни НКО, причем самый низкий уровень доверия к этим институтам зафиксирован у россиян. Лишь 25% населения в России доверяют НКО; 35% – бизнес-структурам; 33% опрошенных доверяют государству; СМИ – чуть меньше трети, 28%. Интересным видится тот факт, что люди склонны доверять больше не институтам, а отдельным личностям. Высокий уровень доверия зафиксирован именно к техническим специалистам – 68%; ученым и независимым экспертам – 66%; «такому же человеку, как я» – 61%; обычному служащему – 54%; одинаково доверяют руководителю компании, отраслевому эксперту и преуспевающему предпринимателю – по 47%; представителям советов директоров и НКО – по 44%, а вот журналистам доверяют лишь 36% респондентов, представителям официальной власти – 33%.

Данные исследования позволяют предположить, что в новом мире информационного изобилия и цифровых технологий общество предъявляет новые требования и к процессам управления. На первый план социального запроса к государственному управлению на всех уровнях выходит прозрачность этапов принятия решения, их освещение на более независимых и свободных от контроля и цензуры площадках, таких как социальные сети экспертов, ученых, лидеров мнений, популярных блогеров. Кроме того, есть запрос на трансляцию научной информации и экспертного знания в форме более доступной широкой общественности с целью как просвещения, информирования, так и ведения конструктивного диалога.

Возвращаясь к осмыслению особой роли социогуманитарной экспертизы в политическом процессе, интересно рассмотреть степень вовлеченности экспертного сообщества в управление регионом на примере Саратовской области.

С середины 1990-х гг. в Саратовском регионе функционирует общественный совет, институционализированный в ноябре 2007 г. в Общественную палату Саратовской области.

Примечательно, что Закон Саратовской области об областной Общественной палате стал основой Федерального закона об Общественной палате РФ. Этот факт свидетельствует о развитой практике открытого диалога власти и общества в регионе.

Основной задачей палаты является обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти области и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития области, защиты прав и свобод граждан, развития демократических институтов⁸. Состав палаты частично назначается губернатором области и областной думой, половина же формируется на основе рейтингового голосования назначенных членов палаты из представителей различных общественных организаций региона. Процесс вступления в палату прозрачен и зависит исключительно от деловой репутации конкретного эксперта и его проактивности. На отдельные заседания и общественные слушания по решению членов палаты могут приглашаться отраслевые специалисты, лидеры мнений, оппозиционно настроенные активисты, независимые эксперты и ученые.

Особо острые и общественно значимые вопросы повестки дня заседаний палаты подкрепляются данными научных исследований. Для комментариев могут быть приглашены ученые как естественного, так и социогуманитарного профиля.

Деятельность Общественной палаты оценивается как активная, заседания всегда широко освещаются региональными СМИ, информация распространяется по средствам новых медиа: в социальных сетях членов палаты и приглашенных экспертов, в городских и областных пабликах.

«Общественная палата в нашей области очень авторитетная площадка. Здесь, конечно, всегда присутствует диалог власти и общества, но зачастую он носит односторонний характер. Власть получает лояльность от широкой общественности, идя на небольшие уступки в рамках обсуждаемых проблем. Глобально же изменить решение власти у общественников возможности нет», – из интервью с членом Общественной палаты Саратовской области, проведенного автором в начале мая 2020 г.

Еще одной площадкой публичной политики, на которой востребовано экспертное знание, являются общественные советы при региональных министерствах. Как показал авторский анализ, ученые-социологи Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского активно приглашаются как эксперты для обсуждения социально значимых вопросов на всех уровнях регионального управления.

Сотрудники социологического факультета СГУ регулярно участвуют в качестве приглашенных экспертов в заседаниях областных министерств и ведомств. На постоянной основе сотрудники социологического факультета (3 человека) входят в состав коллегий и общественных советов при Министерстве образования, Министерстве социального развития, Министерстве молодежной политики и спорта и Министерстве внутренней политики и общественных отношений Саратовской области.

Центр региональных социологических исследований СГУ, работающий на базе социологического факультета, регулярно получает заказы на проведение социологических исследований в городе и области как от областных органов государственной власти, так и от муниципальных. Результаты исследований представляются в форме аналитических записок и отчетов НИР, публикуются в СМИ и на сайте факультета. Права на дальнейшее использование результатов исследований в большинстве случаев остается за учеными факультета для дальнейшего использования в научной и преподавательской деятельности.

Активно приглашаются для социогуманитарной экспертизы управленческих процессов ученые и других факультетов СГУ – экономисты, юристы, историки, филологи и другие, что говорит о сформированной практике у органов государственного управления обращаться к экспертному знанию. Такое нетипичное для российских регионов явление объясняется, в первую очередь, традициями вуза. СГУ – один из старейших высших учебных заведений страны и мощный научно-исследовательский центр. Еще в Советском Союзе он выполнял некоторые функции «фабрик мысли». Информационно-аналитическую поддержку власти осуществляли гуманитарные ученые, а прикладные разработки естественников использовались для развития и поддержания военно-промышленного комплекса страны.

Ко второй причине мы бы отнесли само качество экспертного сообщества в регионе. Это сформировавшаяся за годы реформ общность интеллектуалов с наработанной деловой репутацией, большим уровнем доверия как со стороны власти, так и со стороны населения, со значимым социальным весом. Кроме того, у многих экспертов есть опыт работы в тех или иных органах региональной или муниципальной власти, а это показатель реализации, пусть и не в полном объеме, «принципа вращающихся дверей» «фабрик мысли» американской политической системы⁹.

Проведенный анализ показывает достаточно высокий уровень вовлеченности экспертного сообщества в поле публичной политики региона. Возникшие в 1990-е гг. – в основном из инициативы активных граждан и общественных организаций – дискуссионные площадки

получили развитие и до сих пор эффективно действуют, выполняя функции институтов гражданского общества. Можно говорить о сложившихся традициях общественно-политического участия ученых Саратовского национального исследовательского государственного университета в управлении регионом. Отдельно стоит отметить востребованность социологических исследований властными структурами различного уровня.

Такие заключения вселяют большой оптимизм в отношении дальнейшего развития Саратовской области. Каждый регион нашей страны обладает особенностями социального и экономического развития, специфичными культурными, этническими, конфессиональными характеристиками, зачастую имеет особенности в демографических процессах. Все это обуславливает необходимость спецификации и адаптации универсальных принципов управления к реалиям конкретного региона. На наш взгляд, именно экспертное знание становится идеальным медиатором между региональной властью и социумом, той «пограничной структурой», уровень доверия к которой со стороны всех участников политического процесса может стать максимально высоким, что создаст условия для поиска социально ориентированных решений в управлении регионом.

Примечания

- ¹ См.: Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008.
- ² Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации : «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 51.
- ³ Горшков М. К. Российское общество как оно есть : (опыт социологической диагностики) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 1. С. 45.
- ⁴ Там же. С. 44.
- ⁵ См.: Сунгуров А. Ю. Указ. соч. С. 65–70.
- ⁶ См.: Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности : риски, уязвимости, вызовы безопасности / С. А. Кравченко, Н. Н. Зарубина, А. И. Подберезкин [и др.] ; под общ. ред. С. А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2018. С. 262.
- ⁷ См.: 2020 Edelman Trust Barometer. URL: <https://www.edelman.com/trustbarometer> (дата обращения: 01.05.2020).
- ⁸ См.: Закон Саратовской области об Общественной палате Саратовской области от 22.02.2017 // Общественная палата Саратовской области : [сайт]. URL: <http://оп64.рф/о-палате/закон-об-оп/> (дата обращения: 25.04.2020).
- ⁹ См.: Ивченкова М. С. Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе // Вестн. Ин-та социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.594>

Образец для цитирования:

Ивченкова М. С. Экспертное знание в управлении регионом // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 264–267. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267>

Cite this article as:

Ivchenkova M. S. Expert Knowledge in Regional Governance. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 264–267 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267>

УДК 316.334.22

Основные признаки социальной незащищенности труда в России

А. Н. Кочетов

Кочетов Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, karataeva-m@mail.ru

В статье рассматриваются факторы, разрушающие социальную защиту труда в России, которые создают социальную напряженность и антагонизм власти и трудового народа. Эксплуатация наемных работников неизбежна при любом общественном строе, независимо от того, кто их эксплуатирует – частный собственник или государство, но главным критерием социально ориентированного государства должна быть защищенность труда. Незащищенность проявляется, прежде всего, в следующих факторах: занижение цены труда и нарушение закона стоимости рабочей силы; произвол работодателей в распределении фонда оплаты труда в организациях; дискриминация работников при приеме и увольнении; распространение заемного труда

Ключевые слова: социальная защита, цена труда, дискриминация работников, произвол работодателей, заемный труд.

Поступила в редакцию: 10.02.2020 / Принята: 10.03.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Main Signs of Social Insecurity of Labor in Russia

A. N. Kochetov

Aleksey N. Kochetov, <https://orcid.org/0000-0001-6180-5994>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, karataeva-m@mail.ru

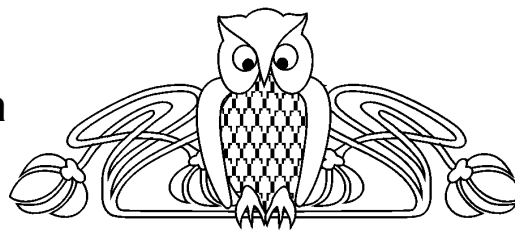
The article deals with the factors that destroy the social protection of labor in Russia and create social tension and antagonism between the government and the working people. Exploitation of employees is inevitable under any social order, regardless of who exploits them – the private owner or the state, but the main criterion of the socially-oriented state should be the protection of labor. Insecurity is manifested primarily in the following factors: underestimation of the price of labor and violation of the cost of labor law; arbitrariness of employers in the distribution of the wage fund in organizations; discrimination of workers under the admission and dismissal; the spread of borrowed labor.

Keywords: social protection, labor price, discrimination of workers, arbitrariness of employers, borrowed labor.

Received: 10.02.2020 / Accepted: 10.03.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-268-273>

Российское правительство вынуждено признать падение доходов населения РФ. Но оно не хочет признать истинную причину, которая заключается в инертности и пропагандистской сущности его социальной политики. Бедность и образ жизни большинства населения на уровне выживания, возникшие в результате реформ 1990-х гг., приобрели устойчивый характер и в силу «эффекта привыкания» стали нормой.

Реальные располагаемые денежные доходы населения России падают пятый год подряд – с 2014 г. В 2018 г., согласно Росстату, они сократились еще на 0,2%¹.

Основную социальную особенность российского общества на всем протяжении его исторического развития подметил еще В. О. Ключевский: «...государство пухло, народ хирел». Позже об этом писал Н. А. Бердяев: «...это продолжает быть верным и для советского коммунистического государства, где интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства»². Чтобы завуалировать это состояние, советская пропаганда воспевала «человека труда». Указанная историческая социальная традиция сохраняется и сейчас, в России она неизменна при любом общественном строе. В России могут оценить предприимчивость, новацию, инициативность и даже криминальный талант, но никогда адекватно не оценивали честный добросовестный труд и достойно его не оплачивали.

В современном марксизме идея освобождения труда трансформировалась в идею защиты труда. Эксплуатация наемных работников неизбежна при любом общественном строе, независимо от того, кто их эксплуатирует – частный собственник или государство, но главным критерием уровня социального прогресса должна быть *реализованная на практике* защищенность труда. Поэтому любой аспект этой проблемы особо актуален. Актуальность этой темы подчеркнул М. Делягин в декабре 2016 г.: «...незащищенность труда в России – тупик для экономического развития страны»³. Я согласен с этим тезисом и делаю акцент на социальном аспекте этой проблемы. Система социальной защиты в РФ прописана в нормативных актах, довольно полно представлена в научной литературе и учебных пособиях. Но вопрос в том, в какой мере она реализуется на практике? В статье не ставится задача еще раз проанализировать эту систему, *новизна подхода* в данном случае состоит в том,

чтобы выделить признаки, которые стали факторами, разрушающими социальную защиту наемных работников. В ней по пунктам выделяются те из них, которые, на наш взгляд, являются основными и соединяют в себе финансовую и правовую составляющие. В общественном сознании трудовой части населения сложилось мнение, что такой защищенности в реальной жизни нет. Задача данной статьи – выявить, в каких конкретных показателях заключается социальная незащищенность труда наемных работников, и через них обнаружить несоответствие между официально декларируемым механизмом социальной защиты труда и реальными практиками. Источники – официальная статистика, нормативные документы, аналитические материалы из Интернета и публикации. Их достаточно для раскрытия этих показателей и не требуется дополнительных самостоятельных исследований.

Выделяем четыре параметра:

- 1) занижение цены труда и нарушение закона стоимости рабочей силы;
- 2) произвол работодателей в распределении фонда оплаты труда в организациях;
- 3) дискриминация работников при приеме и увольнении;
- 4) распространение заемного труда.

Разберемся с каждым из них подробнее.

1. На рынке труда ставки заработной платы определяются законом равновесной цены труда. Но конъюнктура спроса и предложения определяет только колебания цены труда. В ее основе должен лежать закон стоимости рабочей силы, по которому уровень квалификации работника изначально включается в величину труда. Следовательно, всегда, независимо от этой конъюнктуры, цена труда высококвалифицированных работников должна быть выше. *Государственная политика в области заработной платы не должна игнорировать основные законы формирования цены труда.*

Занижение цены труда напрямую связано с тем, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ), который устанавливается законодательно как социальный норматив, в действительности таковым не является и его размер всегда был ниже прожиточного минимума. Но и «прожиточный минимум» в России, который определяется в регионах, не должен быть ориентиром для МРОТ, потому что отражает минимальный уровень потребления человека. По рекомендации Международной организации труда (МОТ), он должен достигать 50% средней зарплаты. Размер МРОТ в России – произвольно заниженная величина, ничем не обоснованная и противоречащая законам стоимости рабочей силы и равновесной цены труда.

В 2016 г. МРОТ составлял 6204 руб. при прожиточном минимуме 9776 руб. (63% от этой величины). С 2009 г. показатель МРОТ стал уменьшаться по отношению к величине про-

житочного минимума вопреки поставленной задаче о выравнивании этих величин⁴. В феврале 2018 г. принято решение довести МРОТ в 2019 г. до уровня прожиточного минимума – 11 163 руб. Согласно Федеральному закону от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда», МРОТ в 2019 г. составил 11 280 руб.⁵ 24 октября 2019-го Госдума решила его увеличить в 2020 г. до 12 130 руб. Но увеличение МРОТ не касается работников, получающих зарплату выше этого уровня.

Под ответ на вопрос, почему рядовой персонал в России получает так мало, пытаются подвести научную базу. Главная причина – низкая производительность труда, говорит А. Гогунова, руководитель группы аналитиков консалтинговой компании Korn Ferry Nau Group (KFNG) в России и СНГ. Как подсчитала ОЭСР, в 2016 г. производительность труда в США оценивалась в 63 долл. в час на человека, в странах ЕС – 48, в Польше – 29, тогда как в России – 24 долл. в час на человека. *Но этот стандартный показатель не годится для оценки производительности интеллектуального труда. По нему нельзя измерить и оценить труд учителей, врачей, профессоров вузов, научных работников и других, которые получают зарплату меньше некоторых охранников.*

Росстат представляет следующие данные о средней зарплате всех занятых в России: 2007 г. – 13 593 руб., 2010 г. – 20 952 руб., 2017 г. – 39 167 руб., 2018 г. – 40 691 руб.⁶ Но в большинстве регионов она не превышает 30 тыс. руб.

С 2007 по 2018 г. номинальная зарплата всех занятых выросла почти в 3 раза, «бюджетников» (включая госслужащих) – в 2 раза и в 2018 г. составляла около 30 тыс. руб. Цены, по данным Росстата, за это время также выросли приблизительно в 3 раза. По майским указам президента номинальное увеличение заработной платы отдельных категорий работников бюджетной сферы составило в 2019 г. 6% от предыдущего года. Но, во-первых, это решение не означает создание механизма индексации оплаты труда. Во-вторых, «зарплаты учителей и медиков привязаны к уровню региональных доходов. Поэтому доведение их доходов до должного уровня – это приоритетная цель для местных бюджетов. Именно регионы должны изыскивать возможности для дополнительного роста зарплат бюджетников»⁷. Но большинство местных бюджетов не располагают необходимыми средствами. В-третьих, это никак не компенсирует огромное отставание зарплат «бюджетников» в предыдущие годы и не решит проблемы.

Судя по выступлению заместителя председателя Правительства РФ Т. Голиковой в рамках X Гайдаровского форума, никто «наверху» не видит здесь проблемы. Она заявила, что «работники, имеющие любое высшее образование, имеют самый низкий риск бедности» (0,51).

Можно догадаться, какие должностные персоны с «любым высшим образованием» попали в эту выборку Росстата. Этот сомнительный показатель не может опровергнуть очевидный факт несправедливого занижения оплаты интеллектуального труда.

Индекс потребительских цен Росстата не отражает истинного роста цен на товары. Во-первых, индекс потребительских цен строится только по 99 продовольственным товарам. Средний ассортимент супермаркета составляет 5–7 тыс. наименований. Во-вторых, Росстат включает самый дешевый товар в категории, анализируется самая низкая стоимость на товар из списка. По данным независимых аналитиков, цены на продукты питания в разные годы за этот период росли на 30–50% в год⁸. В-третьих, цены на товары первой необходимости, которые составляют основу жизни человека, растут во много раз быстрее, чем на товары длительного пользования, которые тоже включены в индекс потребительских цен. Росстат включает в «индекс» изменение стоимости 503 товаров и услуг. Но большинство населения не потребляет и трети этих услуг, они составляют незначительную часть их бюджета.

Занижение цены труда происходит потому, что не исполняется закон об индексации заработной платы. Вопреки мировой практике, российское министерство финансов считает, что индексация зарплат станет причиной взлета инфляции. На наш взгляд, нельзя считать индексацию зарплат «госбюджетников» причиной роста инфляции. Индексация не означает роста реальной заработной платы, а лишь ее номинальное увеличение в соответствии с индексом роста потребительских цен. Увеличение номинального размера заработной платы бюджетников (а их 12 млн вместе с «управленцами» из 70 млн занятого трудом населения) не может оказывать существенного «давления» на потребительский рынок. Скорее, рост личных доходов и расходов богатых и обеспеченных предпринимателей в большей мере может повлиять на рост цен. О «поголовной» индексации зарплат всех работающих по найму речи не идет. Этот механизм должен применяться как инструмент против явного нарушения закона стоимости рабочей силы, которое состоит в несоответствии зарплаты работника уровню его квалификации и степени сложности его труда. Несправедливость в оплате труда касается в основном высококвалифицированных специалистов с высшим образованием, прежде всего «бюджетников».

Ложный теоретический постулат о повышении зарплаты как причины роста цен и инфляции уже давно пропагандируется либералами. Все согласны, что надо стабилизировать цены. Но правительство не предложило в этом направлении ни одной меры. Дело в том, что экономика, созданная в 1990-е гг., рассчитана на постоянный

рост цен и существование инфляции. Падение курса рубля по отношению к доллару выгодно компрадорам, «олигархам», которые экспортируют свою продукцию за рубеж, поскольку затраты на оплату труда они производят в рублях, а прибыль получают в долларах. Развитие производства, ориентированного на внутренний потребительский рынок, сдерживается низкой покупательной способностью большинства населения из-за низкой зарплаты. Кроме того, это развитие тормозится также политикой Центробанка, который отказывается инвестировать в национальное производство денежные средства, полученные от продажи сырья. *По всем экономическим законам, индексация заработной платы наемных работников увеличивает их покупательный спрос и стимулирует развитие экономики, что само по себе содержит антиинфляционную направленность.*

В 2007 г. Минфин РФ заявил, что индексация зарплат, заложенная в единой тарифной сетке (ЕТС), себя не оправдала. Но она себя не оправдала в силу того, что была единой для всех профессионально-отраслевых категорий «бюджетников», не учитывала принципиальной разницы между ними по характеру, содержанию и критериям оценки их труда. Необходимо было создать систему различных профессионально-отраслевых тарифных сеток: отдельно для образования, отдельно для здравоохранения, отдельно для научно-исследовательских организаций и т.д.

2. С отменой ЕТС сложился произвол работодателей в оплате труда наемных работников. Они субъективно и чаще всего несправедливо распределяют фонд оплаты труда не только в частных, но и в государственных организациях. В результате резко возросла дифференциация зарплат между руководителями и рядовыми работниками. В 2017 г. в Трудовой кодекс внесена поправка № 347, где установлена предельная разница между зарплатой руководителей и подчиненных – в 8 раз – для государственных и автономных организаций⁹. Но это тоже много. В Европе эта разница составляет 3–3,5 раза. Кроме того, в указанной поправке оговорен ряд условий, при которых эту разницу можно увеличивать в акционерных и частных предприятиях, и это превышение может быть в десятки раз. В такой ситуации уровень квалификации потерял свое значение, зато возрос фактор степени приближенности отдельных персон к работодателю, к «хозяину». Указанная дифференциация усиливает социальное неравенство, и показатели этого неравенства имеют тенденцию к его росту. Эксперт из Российского государственного гуманитарного университета в телевизионной передаче на ОТР в декабре 2018 г. привел такие цифры: в 1995 г. 1% населения России принадлежало 28% совокупного богатства, сейчас – 47%. Одним из способов уменьшения катастрофической со-

циальной поляризации в России могло бы стать введение прогрессивной шкалы налогообложения на доходы физических лиц, как в других странах. Но правительство отвергает эту меру.

Социальная поляризация, конечно, в первую очередь, создается нетрудовым неравенством, концентрацией капиталов и доходов от прибыли, что по своей сущности является несправедливым, но характерным для «дикого» капитализма. Критерий социальной справедливости важнее критерия неравенства, потому что неравенство бывает несправедливым и справедливым. *Справедливое – по труду, прежде всего, по степени его сложности и квалификации.* Равенство тоже может быть несправедливым – «уравниловка». Справедливым работник считает соответствие между выполненной работой и произведенной оплатой. Несправедливо он расценивает как несоответствие между ними. Величина этого несоответствия, по восприятию человека, и представляет собой меру несправедливости.

В трудовых коллективах советского периода квалификационный статус каждой должности был нормативно закреплён, в том числе и по оплате труда. Позднее ЕТС также нормировала квалификационный статус в «бюджетной» сфере. Сейчас в большинстве организаций этот статус размыт. В таких условиях произвол работодателей в распределении фонда оплаты труда разрушает справедливое трудовое неравенство и становится дополнительным фактором социальной поляризации.

Эту несправедливость пытаются оправдать зарубежные эксперты. По мнению управляющего директора Antal Russia М. Гермерсхаузена, «высокие вознаграждения топ-менеджеров российских компаний объясняются тем, что они руководят компаниями в условиях высокой неопределённости рынка и они получают доплату за риск уголовного преследования по обвинениям в экономических преступлениях. Этот риск выше, чем в Европе или США»¹⁰. Получается, что наши руководители должны получать надбавку за их вороватость. Кроме того, по мнению этих экспертов, в слишком высокой дифференциации зарплат виноваты сами рядовые работники: согласно докладу Boston Consulting Group, «люди не готовы учиться и развиваться, потому что не верят в то, что это поможет им продвинуться по службе и заметно увеличить доход»¹¹. Станный и ложный вывод. Он не может быть отнесен к высококвалифицированным профессионалам на рядовых должностях научных работников, преподавателей, врачей, инженеров и других работников умственного труда. В отношении производственной сферы следует согласиться с С. Бирюлиным, гендиректором Sapiens Consulting, что зарплаты руководителей и топ-менеджеров слишком высоки, несмотря на низкую производительность труда. В России их вознаграждения привязаны не к производитель-

ности труда, а к доле фонда оплаты труда в выручке¹². И чем эта доля ниже, тем лучше для них, потому что тогда в выручке выше доля прибыли, из которой в основном складывается их доход. *В отличие от частных компаний, в бюджетных организациях руководители и их приближенные своей высокой доход получают в рамках фонда оплаты труда, увеличивая до предела себе зарплату.*

3. В ст. 2 Трудового кодекса РФ сформулирован запрет дискриминации в сфере трудовых отношений. Он предусматривает:

– при приеме – «в создании требований к потенциальным наемным работникам с указанием возраста кандидатов, оказании предпочтения сотрудникам одного пола»;

– при увольнении признаки дискриминации со стороны работодателя: «– инициирование в одностороннем порядке процедуры увольнения лиц пенсионного возраста и работников с детьми в возрасте до 3 лет; – настаивание на увольнении по собственному желанию; – умышленное доведение до разрыва трудового контракта путем морального давления на работника; – наложение дисциплинарных взысканий без состава правонарушения с последующим увольнением».

Основное внимание уделяется гендерной дискриминации и защите материнства. Однако в России сложились более глубокие виды дискриминации, которые не может предотвратить нынешний Трудовой кодекс. О гендерной дискриминации написано много. Однако, на наш взгляд, эта проблема ушла в прошлое. В последнее время в России сложилась тенденция при назначении на руководящие должности среднего и низового уровня (а иногда и высшего) отдавать предпочтение женщинам. Этому способствует посреднический характер нашей экономики, системы занятости и преобладание офисной бюрократии с ее формализмом и конформизмом, к чему женская адаптивная психология более приспособлена.

При приеме на работу более злободневной стала дискриминация по возрасту, которая, прежде всего, связана с незащищенностью квалификации выпускников вузов и колледжей. В поведении работодателей существует противоречие. С одной стороны, они отказывают в трудоустройстве выпускникам из-за того, что у них нет стажа, с другой – отказывают работникам предпенсионного возраста с большим стажем и опытом работы. Как говорят результаты исследования «Статус и профессиональное будущее руководителей в возрасте 50+ хедхантинговой компании “Контакт” (InterSearch Russia)», «в современной России число сотрудников старше 50 лет на позициях высшего и среднего менеджмента в компаниях не превышает 5%, а 35,5% работодателей вообще не принимают на работу руководителей старше 50 лет»¹³. *И в первом, и во втором случае невостребованной становится квалифика-*

ция. Здесь проявляется еще одно противоречие в поведении работодателей. Отказывая выпускникам вузов и не обладая достаточно большим количеством рабочих мест с соответствующей степенью сложности труда, они, тем не менее, предъявляют завышенные квалификационные требования при приеме на свои вакансии. Чаще всего, этим работодателям не нужна сама по себе профессиональная квалификация, они требуют наличия любого вузовского диплома независимо от полученной специальности.

Что касается дискриминации при увольнении, то в данной ситуации Трудовой кодекс РФ не защищает работника от произвола работодателя. Полный перечень законных оснований, по которым работник может быть уволен по желанию только нанимателя, содержится в ст. 81 Трудового кодекса РФ. Основные из них: ликвидация предприятия, сокращение трудового штата, нарушение трудовой дисциплины, несоответствие квалификации сотрудника занимаемой им должности и др. В случае необоснованного увольнения предусмотрено обращение в трудовую инспекцию, но на практике оно не защищает работника. Если даже инспекция станет на сторону работника, то в возникшем конфликте руководитель найдет способ, как в дальнейшем избавиться от него. Чтобы облегчить увольнение неугодных сотрудников, работодатели заключают трудовые договора не дольше, чем на один год, используют внеочередные аттестации, принуждают сотрудников писать заявления об увольнении по собственному желанию с открытой датой. Более того, Минтруд заявил, что рассмотрит предложение бизнес-сообщества о распространении нормы об увольнении «по утрате доверия» на коммерческие компании. Сейчас эта норма действует лишь в отношении госслужащих. Предложение Минтруда вызвало возмущение у профсоюзов. Если данная норма пройдет, то это будет означать полное бесправие наемных работников.

4. С конца 1990-х гг. в России резко возросло использование заемного труда. Заемный труд – это работа, которую сотрудник выполняет по распоряжению своего начальника, но в интересах другого лица, не являющегося его официальным работодателем. Как правило, «заемные работники» формально числятся в штате кадрового агентства. С ним у сотрудника заключен договор на выполнение работы, через него происходит начисление заработной платы. Между компанией-нанимателем и агентством заключены дополнительные договоры. Фирма-наниматель платит кадровому агентству, которое «сдает в аренду» сотрудника.

До принятия в 2016 г. Федерального закона № 116-ФЗ¹⁴ в нашей стране заемным трудом были заняты несколько миллионов человек, и их число не уменьшается. Это по оценке разных аналитиков, Росстат не дает точных данных. Но-

вый Закон регламентирует данную сферу и говорит о том, что «объектом аренды может быть имущество, но никогда – человек». Трудовой кодекс РФ в 2016 г. дополнен статьей 56.1. По ней принимать сотрудников «взаимы» можно только при соблюдении следующих условий: «– сотрудник может работать в принимающей фирме не более девяти месяцев; – заработная плата заемных сотрудников должна быть не меньше, чем у оформленных по трудовому договору; – заемным сотрудникам, должна выплачиваться компенсация за работу с вредными и опасными условиями труда»¹⁵. При направлении своего сотрудника для работы в новую фирму по договору частное агентство занятости заключает с «заемным работником» дополнительное соглашение к трудовому договору. *Форма заемного труда освобождает работодателя от всякой обязанности социальной защиты работников.* Работодатель может в любое время расторгнуть срочный трудовой договор, он не регламентирует режим работы, условия труда. «Заемные» сотрудники не могут в полной мере воспользоваться всеми возможностями действующего трудового законодательства, социального страхования.

Приведенные показатели позволяют сделать следующие выводы.

Указанные факторы, разрушающие систему социальной защиты труда, соединяют финансовую, правовую и социальную составляющие. Существующий Трудовой кодекс не может устранить эти факторы и на практике защитить наемных работников. Проблему занижения цены труда и произвола работодателей в этой сфере можно решить путем введения отраслевых тарифных сеток и контроля государственных органов за оплатой труда.

В развитых странах от произвола работодателей наемных работников защищают профсоюзы и конвенции МОТ. В России, по закону, увольнение обязаны согласовывать с профсоюзной организацией, но профсоюзные функционеры в трудовых коллективах полностью подчинены работодателям. А в большинстве коммерческих структур их вообще нет. Именно отсутствие в России независимых отраслевых профсоюзов является главным препятствием в решении данной проблемы, нет силы, которая противостояла бы вседозволенности работодателей.

Социальная незащищенность труда усиливает социальную поляризацию, разрушая справедливое неравенство по труду, порождает антагонизм между работодателями и наемными работниками, между богатыми и бедными. Это вытекает из самой сущности либерально-олигархического общества, которое по своей природе отвергает принцип социальной справедливости. По показателям социальной защиты либерально-олигархический строй современной России – это шаг назад по сравнению с советским тоталитарным обществом.

Примечания

- ¹ См.: Реальные доходы населения. 2018. URL: <http://investorschool.ru/realnye-dokhody-naseleniya-rossii-dinamika-s-2000-po-2017> (дата обращения: 11.06.2019).
- ² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 9.
- ³ Делягин М. Бесправие труда – удавка для России // Московский комсомолец. 2016. 10 дек.
- ⁴ См.: Минимальный размер оплаты труда в России. 2017. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.01.2018).
- ⁵ См.: О минимальном размере оплаты труда : федер. закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁶ См.: Средняя зарплата в России в 2018 г. URL: <https://advokat-tmy.ru/banki/srednyaya-zarplata-v-rossii-v-2018-godu> (дата обращения: 28.10.2018).
- ⁷ См.: Кому повысят зарплату с мая 2019 – 2020 года // EKSystems. URL: <https://eksystems.ru/komprovysyat-zarplatu-s-maya2019-2020-goda> (дата обращения: 14.10.2019) ; Повышение зарплат бюджетникам в 2019 году в России. URL: <http://rf.biz/2018-00-00/19930-povyshenie-zarplat-bjudzhetnikam-v-2019-godu-v-rossii-poslednie-novosti-27.html> (дата обращения: 28.11.2018).
- ⁸ См.: Рост цен. URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2013/06/13/inflation> ; <https://25signals.ru/reference/statistika-urovnya-inflyacii> (дата обращения: 05.11.2018).
- ⁹ См.: Новая редакция ТК РФ с изменениями на 2020 год. URL: <http://tkodeksrf.ru/> (дата обращения: 09.02.2020).
- ¹⁰ Система оплаты труда в России несправедлива // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/11/02/740295-oplati-truda-rossii> (дата обращения: 04.12.2018).
- ¹¹ Россия 2025 : от кадров к талантам. URL: <https://yandex.ru/search/> (дата обращения: 04.12.2018).
- ¹² См.: Система оплаты труда в России несправедлива.
- ¹³ Статус и профессиональное будущее руководителей в возрасте 50+ хедхантинговой компании «Контакт». 2018. URL: <https://www.e-xecutive.ru/career/hr-indicators/1989512-pochemu-v-rossii-diskriminiruyut-rabotnikov-starshego-vozrasta> (дата обращения: 04.12.2018).
- ¹⁴ См.: Закон о запрете заемного труда. 2016. URL: <https://korholding.ru/zakonob-zaprete-zaemnogo-truda> (дата обращения: 09.02.2020).
- ¹⁵ Заемный труд. 2016. URL: <https://www.business.ru/article/586-zaemnyy-trud-v-2016-godu-mojno-li-ispolzovat> (дата обращения: 06.02.2019) ; Закон о запрете заемного труда. URL: <https://korholding.ru/zakonob-zaprete-zaemnogo-truda> (дата обращения: 14.10.2019).

Образец для цитирования:

Кочетов А. Н. Основные признаки социальной незащищенности труда в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 268–273. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-268-273>

Cite this article as:

Kochetov A. N. The Main Signs of Social Insecurity of Labor in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 268–273 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-268-273>

УДК 323.396+316.66

Технологии медиации в развитии солидарности субъектов общественного контроля

Е. В. Баханова

Баханова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, координатор региональных программ, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», bakhanova@inbox.ru

В статье анализируются возможности применения медиации как технологии совершенствования общественного контроля. Предметом анализа, который ведется в рамках положения теорий социального агента П. Бурдьё и групповых отношений Дж. Тернера, являются базовые характеристики медиатора как субъекта социального управления. Субъекты общественного контроля различаются структурными характеристиками, отражают иногда противоположные установки и мотивацию участия в общественном контроле. Это дискредитирует остальных субъектов и негативно сказывается на достижении целей внедрения общественного контроля в целом. Предыдущие исследования социальных сетей взаимодействия при реализации общественного контроля государственной системы исполнения наказаний показали, что в сети социального взаимодействия включены акторы – «медиаторы», выполняющие функции организации взаимодействия между общественными организациями, объединениями граждан, активными индивидами и органами государственной власти. Предполагается, что на повышение эффективности общественного контроля позитивное воздействие оказывает феномен солидарности среди членов – общественных контролеров. Проведен анализ определений понятия «медиатор», выделены характеристики медиатора как субъекта социального управления. Сделан вывод, что общественный контроль можно рассматривать как инициативную солидаристскую совместную деятельность лишь в случае совпадения ценностей и целей контрольных действий относительно общественного контроля, активного соучастия в данной профессиональной деятельности и признания участниками контрольных действий друг друга.

Ключевые слова: общественный контроль, солидарность, медиатор, медиация.

Поступила в редакцию: 10.04.2020 / Принята: 13.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

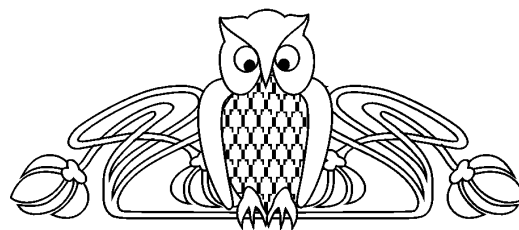
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Technologies of Mediation in the Development of Solidarity of Subjects of Public Control

E. V. Bakhanova

Elena V. Bakhanova, <https://orcid.org/0000-0001-6754-2013>, Moscow University for Industry and Finance "Synergy", 80 Leningradsky Ave., Moscow 190125, Russia, bakhanova@inbox.ru

The article analyzes the possibilities of using mediation as a technology for improving public control. The subject of analysis, which is conducted within the framework of the theories of the social agent by P.

Bourdieu, the group relations by J. Turner are the basic characteristics of the mediator as a subject of social management. The subjects of public control differ in structural characteristics and sometimes reflect opposing attitudes and motivation for participation in public control. This discredits other entities and negatively affects the achievement of the goals of introducing public control in general. Previous studies of social interaction networks in the implementation of public control of the punishments' execution state system showed that the network of social interaction includes the actors – "mediators" that perform the functions of organizing interaction between public organizations, associations of citizens, active individuals and state authorities. It is revealed that the phenomenon of solidarity among the members of public controllers has a positive effect on improving the public control effectiveness. The analysis of the definitions of the concept of the mediator is carried out, the characteristics of the mediator as a subject of social management are highlighted. It is concluded that social control can be regarded as a proactive solidarity joint activity only if the values and goals of the control actions coincide with social control, active participation in this professional activity and the participants recognize each other's control actions.

Keywords: public control, solidarity, mediator, mediation.

Received: 10.04.2020 / Accepted: 13.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-274-278>

Внедрение общественного контроля в деятельность государственных органов многовариантно воздействует на весь социум, побуждая корректировать законодательство, изменять институциональную структуру, использовать новые формы и методы взаимодействия. В каждом регионе, в каждом муниципальном районе, центре и поселении создается множество общественных палат при всех органах государственной исполнительной власти. В функции данных структур входит наблюдение за выполнением государственных контрактов, выявление нарушений при их исполнении. Иногда они даже имеют полномочия подписания актов выполненных работ.

Проведенный анализ показал, что общественные советы на треть состоят из педагогов образовательных организаций, на треть из членов общественных структур, получающих в последние два года субсидии из областного бюджета, и на остальную часть – из бывших сотрудников органов государственной и муниципальной власти. Общественный контроль – это деятельность субъектов общественного контро-

ля по наблюдению, проверке и оценке соответствия общественным интересам деятельности объектов общественного контроля¹. Также можно дать следующее определение в терминологии концепции мультиагентного подхода П. Бурдые: общественный контроль – целенаправленное взаимодействие социальных агентов, объединенных на основании эмерджентности ресурсного потенциала (экономического, культурного, символического)².

Общественный контроль можно рассматривать через процедуры и средства мультиагентного взаимодействия. Это достаточно интересная схема взаимодействия, которая, в частности, показала, что более 60% контрольных процедур дублируются общественными контролерами и уполномоченными государственными структурами контроля³. Кроме того, проведенные ранее исследования показали, что конструктивному развитию общественного контроля мешает отсутствие солидарности и сплоченности среди членов контрольных структур. С одной стороны, органы государственной власти вынуждены доверять выбранным членам контрольных структур, взаимодействовать с субъектами общественного контроля для получения рекомендаций по улучшению соблюдения норм права. С другой стороны, субъекты общественного контроля внутри своей, можно сказать, профессиональной группы различаются структурными характеристиками, отражают иногда противоположные установки и мотивацию участия в общественном контроле. Это, безусловно, дискредитирует остальных субъектов и негативно сказывается на достижении целей внедрения общественного контроля в целом.

Неслучайно в своем Послании к Федеральному Собранию в феврале 2019 г. уже Президент РФ обращает внимание на необходимость изменения всей системы контроля и более широкого привлечения общественности к контролю за реализацией реформ: «...с 1 января 2021 года прекратим действие всех существующих в настоящее время нормативных актов в сфере контроля, надзора и ведомственные региональные приказы, письма и инструкции. За оставшиеся два года (два года есть впереди) при участии делового сообщества нужно обновить нормативную базу, сохранить только те документы, которые отвечают современным требованиям, остальные – сдать в архив»⁴. По определению первого заместителя министра финансов Российской Федерации Т. Г. Нестеренко, нацпроекты – это новая система проектного управления, которая обеспечивает контроль и мониторинг. «Мы жестко увязали результаты с ресурсами. Мы декомпозировали результаты каждого федерального проекта до участников. Мы должны сформировать отчеты каждого участника по каждому результату. Мы должны обеспечить внятную систему мониторинга и управления рисками»⁵.

Вызывают интерес предлагаемые технологии и способы реализации контрольных действий. Процедура контроля наполняется специализированными цифровыми платформами сбора и обработки обращений, новыми способами обучения экспертов, изменением законодательства, внедрением КРП в оценку работы региональных властей по достижению целей национального развития и созданием общественных уполномоченных профессиональных структур (например, общественные наблюдательные комиссии) и многое другое.

С социологической точки зрения, проблема эта чрезвычайно актуальная, многообразная и недостаточно изученная, так как предмет исследования сосредоточен преимущественно на характеристиках результата контрольных действий и особенностях структурной организации общественного контроля (А. С. Ахиезер⁶, О. Б. Иванов⁷, Е. Н. Иванова⁸, С. А. Рюмшин⁹), а не на процессуальных характеристиках контрольных действий и возможности их использования субъектами контроля. Другими словами, созданы идеальные теоретические условия для осуществления контроля, но пока некому их наполнить реальными действиями с ожидаемым результатом. Основываясь на положениях, что: 1) предыдущие исследования социальных сетей взаимодействия при реализации общественного контроля государственной системы исполнения наказаний показали, что в сети социального взаимодействия включены акторы – «медиаторы», выполняющие функции организации взаимодействия между общественными организациями, объединениями граждан, активными индивидами и органами государственной власти; 2) на повышение эффективности общественного контроля позитивное воздействие оказывает феномен солидарности среди членов общественных контролеров, предпринята попытка изучить «медиаторов», «институтов-посредников», «внешних социальных групп» по осуществлению общественного контроля.

Медиация – технология взаимодействий, которая в последнее время становится все более востребованной и, соответственно, популярной. В РФ разработан Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и созданы уже более 130 профессиональных организаций медиаторов. В общественном контроле структуры, реализующие медиативные техники, были выделены на основании проведенного ранее анализа социальных сетей взаимодействия. Так, например, они имеют достаточно высокий интегрированный показатель по частоте контакта с общественными наблюдательными комиссиями, общественными структурами всех профилей и с органами власти. К ним относятся Уполномоченный по правам человека в регионе, аппарат

Общественной палаты региона, Общественные советы при УМВД и УФСИН. В Ульяновской области к ним также относится Совет по развитию гражданского общества и правам человека. В Ростовской области активно действует объединение экспертов совместного проекта Уполномоченного по правам человека в РФ и Совета Европы «Российские ОНК – новое поколение», в Пермском крае – Пермская гражданская палата, Пермский региональный правозащитный центр, Ассоциация гражданских инспекторов. Подобные организованные внешние для общественных контролеров структуры действуют во многих регионах под разным названием. Можно предположить, что именно они могут стать средствами развития солидарности или разрешения конфликтных ситуаций при проведении общественного контроля.

Несмотря на различия в названии, можно предположить, что у данных структур есть общие характеристики, которые помогут описать медиаторов общественного контроля как субъекта социального управления. Для подобного анализа в данном исследовании применяется метод многомерной типологизации. Теоретико-методологическим основанием исследования стали положения теорий социального признания Хоннета, интрагрупповых отношений Дж. Тернера, солидарности и ритуала Р. Коллинза. Медиация как механизм перехода от конфликта к солидарности рассматривается в исследованиях Г. Ф. Похмелькиной, К. Е. Гафнера, О. Г. Петушкова, И. В. Гурьяновой, А. И. Стребкова, О. А. Стребкова, О. В. Аллахвердовой, Ю. В. Даровских, Е. В. Пенионжек, Д. А. Чхартишвили. Выбраны и апробированы методы подбора, обобщения, сравнения эталонных характеристик медиаторов и их отождествление с характеристиками действующих структур как базового уровня. Выявлен профиль изучаемого субъекта социального управления.

Анализ литературы показал, что в узком смысле медиатор понимается как специалист преимущественно базового юридического профиля, занимающийся урегулированием открытых конфликтов или споров в гражданских правоотношениях. В широком смысле – это достаточно многопрофильный специалист, который обеспечивает то необходимое безопасное пространство, в котором стороны конфликта могут развить понимание, доверие друг к другу и совместно работать над решением своих проблем и в дальнейшем, безболезненно общаться друг с другом¹⁰.

В Оксфордском словаре медиатор определяется как «лицо или организация, которая пытается получить согласие между людьми или группами, не согласными друг с другом». Ключевыми признаками медиации являются «наличие структуры, графика и динамики, которых нет в обычных переговорах» и «отсутствие призна-

ния ответственности одной из сторон»¹¹. Спектр медиаторов сейчас настолько широк, что к ним относят от адвокатов и уполномоченных по правам человека до организаций по адаптации мигрантов и федеральной системы немедицинской помощи малоимущим. Социально-психологические и профессиональные требования к медиаторам достаточно высоки, и сам термин «медиатор» носит комплексный характер.

Кодекс профессиональной этики медиатора-посредника Некоммерческого партнерства «Лига медиаторов» определяет основные знания, умения и навыки медиаторов: правовые, идейные, умственные, эмоциональные¹². В Центре развития переговоров и мирных стратегий факультета философии Санкт-Петербургского государственного университета при оценке успешности освоения программы медиатора оцениваются такие качества, как работоспособность, умение учиться, наличие определенных профессиональных знаний и необходимый уровень общей культуры, умение слушать и анализировать, ясно излагать свои мысли, управлять своими эмоциями, гибкость в мышлении и в поведении. Быстрому формированию компетентности посредника способствует и мотивация к обучению. Кроме того, отмечается, что овладению навыками медиатора способствуют доброжелательность к людям, настойчивость и терпение в достижении целей, работоспособность, терпимость к критике и умение работать в агрессивной среде – всего 37 критериев, характеризующих медиатора¹³.

Анализ показал, что по отношению к медиатору как субъекту социального управления выделяют следующие характеристики:

- информированность – располагают соответствующей информацией и технологиями;
- функциональность – разрабатывают управленческие проекты,
- структурированность – создают специальные учреждения для реализации этих проектов;
- делегированы широкие полномочия в принятии решений;
- ответственность – несут ответственность за принятые решения.

Важным фактором является то, что субъекты управления вырабатывают программы для разрешения определенных вопросов. Такие программы выступают регуляторами действий управляемых субъектов. При этом в социальном управлении управляемые субъекты, исполняя программы, могут полностью руководствоваться нормами и целями, предусмотренными программой, а могут отступать от предписанных программ. Таким образом, если программы, выбранные субъектами управления, не могут восприниматься исполнителями как руководство к действию, то управление в этом случае может и не иметь места, что и является самым важным отличием социального управления от всех других видов управления¹⁴.

При сопоставлении системных описаний держательской характеристики медиаторов общественного контроля можно установить некоторое соответствие. Прежде всего, предполагается, что информированность медиатора как субъекта социального управления включает правосознание, общительность и уравновешенность. В сфере общественного контроля медиаторами выступают органы, структуры, которые назначены для исполнения полномочий и, соответственно, уже обладают профессиональными знаниями. К профессиональным знаниям и умениям добавляются личностные характеристики уравновешенности и общительности.

Функциональная сторона медиатора подразумевает наличие достаточно большого количества контактов с разными профессиональными сообществами для выработки и согласования предлагаемых вариантов решения конфликта с экспертными группами. Практически при каждом рассмотренном медиаторе общественного контроля созданы и действуют экспертные советы. Так, Уполномоченный по правам человека в Ульяновской области при разрешении сложных ситуаций собирает экспертные советы из специалистов в сфере ЖКХ или инвалидности, др. Группа из 5–7 человек уполномоченных государственных структур и общественных представителей обсуждает возможные решения вопроса, который потом уполномоченный будет рекомендовать обратившимся.

Структурированность медиаторов проявляется в способности к самоорганизации, в том числе с участниками конфликта. Самоорганизация участников конфликтной ситуации является детерминантой ее медиативности. В сплоченных социальных сообществах создаются наиболее подходящие условия для примирения. В качестве детерминант вероятности самоорганизации, в частности в семейной сфере, рассматриваются такие феномены, как самооценка и самоэффективность.

Делегированные полномочия медиатору общественного контроля определяются полномочиями его как должностного лица. При этом еще одним важным фактором является доверие к данному должностному лицу со стороны конфликтующих сторон. При выполнении этого условия возможно урегулирование конфликта. Ответственность медиатора – также необходимый элемент успешных переговоров. Ответственность определяется уровнем субъективного контроля.

Определенные выше параметры поддаются измерению, и в дальнейшем предполагается провести сравнительный анализ проявления данных характеристик медиаторов, выявить модель параметров этих характеристик. Предположительно общественный контроль можно рассматривать как инициативную солидаристскую совместную деятельность лишь в случае

совпадения ценностей и целей контрольных действий относительно общественного контроля, активного соучастия в данной профессиональной деятельности и признания участниками контрольных действий друг друга¹⁵. Как справедливо отмечает Б. В. Поспелов, «медиация, имея большой потенциал, в силу своего универсального характера, может выступать эффективным регулятором отношений практически во всех сферах общественной жизни»¹⁶. Она предоставляет возможность всем слоям общества договориться на равных условиях. К рекомендациям и актам Общественных наблюдательных комиссий за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания (ОНК) уже прислушиваются в Управлении ФСИН и ставят на контроль к выполнению региональными структурами. Подобное влияние общественных комиссий во всех других сферах будет только расширяться, конечно, при условии такого же профессионализма в проведении, как у членов ОНК.

Именно понимание сути общественного контроля и наличие близких параметров модели профессиональной деятельности у членов общественных контрольных комиссий позволит говорить о развитии солидарности среди них. Развитие солидарности членов общественных комиссий через технологии медиации – абсолютно новая тема в работе структур гражданского общества. Солидарность относится к группе таких понятий, как сплоченность, доверие, идентичность, и рассматривается как одна из приоритетных концепций в развитии общественных отношений глобализованного мира и одна из ведущих идеологий государственного управления (например, Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, в концепциях шведского социализма, ряда лейбористских и христианско-демократических партий стран Западной Европы, др.). Термин «солидарность» (лат. *in solidum* – за целое) заимствован из юридической практики и обозначал совместное договорное обязательство каждого из должников по возврату долга в целом. П. Леру использовал его в философских размышлениях для обозначения одного из принципов социального существования, предполагающего объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности¹⁷. И можно предположить, что деятельность агентов общественного контроля (в терминологии П. Бурдые) должна быть направлена на достижение одной цели социального управления в условиях солидарной деятельности. Развитие медиативных технологий в общественном контроле будет способствовать еще большему совершенствованию процедур проведения общественного контроля.

Примечания

- ¹ См.: *Бзегежева Л. К.* Проблемы и перспективы развития системы общественного контроля в Российской Федерации // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2016. № 1. С. 91–97.
- ² См.: *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- ³ См.: *Баханова Е. В.* Солидарность в общественном контроле системы исполнения наказаний // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 120–129. DOI: 10.17223/1998863X/37/13
- ⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 05.04.2020).
- ⁵ Нацпроекты входят в этап практической реализации URL: <https://tass.ru/nacionalnyie-proekty/6297827> (дата обращения: 05.04.2020).
- ⁶ См.: *Ахиезер А. С.* Россия : критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. : словарь. Т. 2. Теория и методология. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1998.
- ⁷ См.: *Иванов О. Б.* Роль института общественного контроля России в разрешении социально-политических конфликтов // Власть. 2017. Т. 25, № 10. С. 29–35.
- ⁸ См.: *Иванова Е. Н.* Методы эффективной работы медиатора в разных сферах практики // Вестн. ННГУ. 2015. № 4. С. 131–136.
- ⁹ См.: *Рюшин С. А.* Медиация – социальное взаимодействие в преодолении противоречий и конфликтов через компромисс // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 10 (88). С. 45–52.
- ¹⁰ См.: *Гусейнов А. З.* Роль медиации в решении семейных конфликтов // Медиация в семейном конфликте : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 25–30.
- ¹¹ Оксфордский словарь студента URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/mediate> (дата обращения: 05.04.2020).
- ¹² См.: Профессиональный стандарт медиатора URL: <http://www.arbimed.ru/professionalnyy-standart-mediatora> (дата обращения: 05.04.2020).
- ¹³ См.: *Аллахвердова О. В.* Обучение медиаторов и формирование компетенций // Вестн. СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 3. С. 51–59.
- ¹⁴ См.: *Горбухов В. А.* Основы социального управления. М.: Форум, 2009.
- ¹⁵ См.: *Баханова Е. В.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Поспелов Б. И.* Проблемные вопросы развития медиации в России // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 39.
- ¹⁷ См.: *Ахиезер А. С.* Указ. соч.

Образец для цитирования:

Баханова Е. В. Технологии медиации в развитии солидарности субъектов общественного контроля // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 274–278. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-274-278>

Cite this article as:

Bakhanova E. V. Technologies of Mediation in the Development of Solidarity of Subjects of Public Control. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 274–278 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-274-278>

УДК 378.4

Академическая мобильность в странах-участницах ЕАЭС

И. Н. Бурганова

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет, burganovain@yandex.ru

В статье исследованы процессы академической мобильности на примере стран-участниц Евразийского экономического союза. Рассмотрены причины оптимизации сотрудничества на евразийском пространстве, которые связаны с важностью создания единых стандартов в подготовке специалистов, появления конкурентной среды среди вузов, формированием единой базы для беспрепятственного въезда и выезда преподавателей и студентов. Также отмечено, что фактором интенсификации процессов академической мобильности является сохранение позиций русского языка. Дается анализ ключевых проблем при налаживании диалога в образовательной сфере. В частности, обращается внимание на разницу в учебных программах стран-участниц ЕАЭС, недостаточную разработанность механизма академического обмена, асимметричность участия студентов в академической мобильности в странах ЕАЭС, недофинансирование университетов по организации процессов мобильности преподавателей и студентов евразийского пространства, слабую материально-техническую оснащенность по обеспечению образовательного процесса по программам обмена. Изучены условия обеспеченности процессов академической мобильности: совершенствование нормативной базы сотрудничества стран ЕАЭС, обеспечение преференций для преподавателей и студентов; дальнейшее совершенствование по согласованию образовательных программ, участие всех стран ЕАЭС в Болонском процессе, создание специализированных стандартов по унификации евразийского образовательного пространства.

Ключевые слова: академическая мобильность в ЕАЭС, евразийская интеграция, Болонский процесс.

Поступила в редакцию: 02.03.2020 / Принята: 13.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

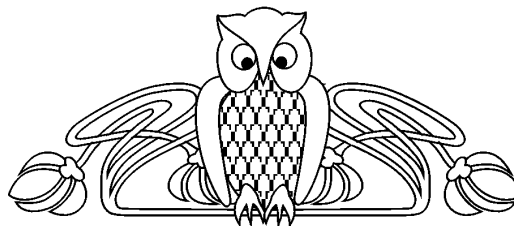
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Academic Mobility in the Countries-Participants of the EEU

I. N. Burganova

Inna N. Burganova, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>, Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia, burganovain@yandex.ru

The article examines the processes of academic mobility in the member countries of the Eurasian economic Union (EEU). The reasons for optimizing cooperation in the Eurasian space are considered, which are related to the importance of creating common standards in training specialists, the emergence of a competitive environment among the Universities and the formation of the unified

base for the smooth entry and exit of teachers and students. It is also noted that the factor of intensification of academic mobility processes is the preservation of the position of the Russian language. The analysis of key problems in establishing the dialogue in the educational sphere is given. In particular, the attention is drawn to the difference in the educational programs of the EEU member States, the lack of development of the academic exchange mechanism, the asymmetry of students' participation in academic mobility in the EEU countries, the underfunding of universities to organize the mobility of teachers and students in the Eurasian space, the weak material and technical equipment to ensure the educational process for the programs' exchange. The article examines the conditions for ensuring academic mobility: improving the regulatory framework for cooperation between the EEU countries, providing preferences for teachers and students; further improving the coordination of educational programs, participation of all EEU countries in the Bologna process, creating specialized standards for the unification of the Eurasian educational space.

Keywords: academic mobility in the Eurasian Union, Eurasian integration, Bologna process.

Received: 02.03.2020 / Accepted: 13.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-279-285>

Под академической мобильностью понимается перемещение учащегося или сотрудника, имеющего отношение к образованию, на определенный период в другое образовательное или научное учреждение (в своей стране или за рубежом) как индивидуально, так и в рамках совместной образовательной и (или) исследовательской деятельности¹.

Рост контактов участников международного сообщества в современных условиях в гуманитарном сегменте детерминирован различными факторами, начиная от необходимости выстраивания единых стандартов в подготовке специалистов до создания конкурентной среды среди университетов. В этом смысле интенсификация процессов академической мобильности между странами решает несколько задач:

1) становится отправной точкой отчета в понимании важности диалога участвующих сторон. Словесная риторика об актуальности коммуникации преподавателями и студентами трансформируется в конкретный механизм получения серьезного опыта в более «солидных» и «продвинутых» вузах;

2) оптимизирует диалог национальных акторов (государств), поскольку его участники за-

интересованы в создании коммунитарной среды для беспрепятственного въезда и выезда преподавателей и студентов;

3) служит локомотивом для создания разветвленной среды университетов, где внедряются принципы «болонской» системы;

4) способствует более тесному взаимодействию по всему спектру гуманитарного сотрудничества;

5) реализация самой идеи Болонского процесса (БП) оказывает позитивное воздействие на всю систему высшего образования, так как предусматривает ее масштабную трансформацию в сторону качественного роста конкурентоспособности вузов, интеграции в мировое образовательное пространство преподавателей и студентов.

Однако несмотря на сильные стороны участия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в Болонском процессе, наблюдается расхождение между соотношением интенсификации контактов в сфере академической мобильности и реальным количеством преподавательского состава и бакалавров, которые выезжают для получения более качественного опыта.

Анализ литературных данных показывает разнообразную палитру мнений по поводу процессов академической мобильности. Базу данного исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов по процессу академической мобильности в странах ЕАЭС, а также нормативные документы стран-участниц ЕАЭС, статистические данные этой организационной структуры. Вопросы развития международной академической мобильности в условиях глобализации рассматриваются в работе М. В. Харкевича². Непосредственно проблемное поле в образовательной сфере между странами-участницами ЕАЭС исследуется С. Н. Юном³.

Ретроспективный анализ участия стран ЕАЭС (Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения) в Болонском процессе удобнее рассматривать в контексте непосредственного подписания соответствующей нормативной базы. Несмотря на то, что Киргизия пока не присоединилась к Болонской Декларации, она, тем не менее, является активной участницей мобильности в академической сфере на пространстве ЕАЭС.

Одним из первых государств, включившихся в болонский формат, стала Россия. В 2003 г. Москва подписала Декларацию о создании общеевропейского пространства высшего образования, Ереван (Армения) – в 2005 г., Астана (Казахстан) – в 2010 г., Минск (Беларусь) – в 2015 г.⁴

Само планирование Болонского процесса подразумевают ригидную схему. Ее количественное содержание аккумулирует качественное изменение высшего образования в целом. Любые недоработки, шероховатости сводят на нет модернизацию образовательной системы.

Так, Болонский процесс включает в себя следующие шаги:

1) ввод двухуровневого высшего образования – бакалавриата и магистратуры;

2) создание системы зачетных единиц;

3) обеспеченность качеством образования;

4) развитие процессов академической мобильности преподавателей и студентов;

5) поддержка трудоустройства студентов и обеспечение конкурентоспособности европейского образования;

6) реализация идеи развития европейского высшего образования. А также добавление третьего уровня высшего образования – докторантуры (PhD).

Поскольку автора статьи волнуют процессы академической мобильности на евразийском пространстве, то представляется возможным рассмотреть их в контексте диалога стран-участниц ЕАЭС. Дело в том, что согласованная образовательная политика в области академических контактов позволит понять, произошел ли рост конкурентоспособности евразийских вузов на фоне европейских университетов.

Сама коммунитарная включенность акторов постсоветского пространства в процессы академической мобильности подчеркивает их значимость для Москвы, Астаны, Минска, Еревана и Бишкека.

Для данных государств академическая мобильность стала важным аспектом включенности евразийского образовательного пространства в процессы глобализации.

Причинно-следственный анализ позволяет выявить ряд факторов, которые определяют положительную динамику в образовательном сотрудничестве.

Во-первых, дело в том, что указанные партнеры первоначально координировали свои совместные действия по линии ЕАЭС. Организация подобного формата позволяет выстроить общее пространство по формированию Единого экономического пространства (ЕЭП), что обеспечивает ликвидацию барьеров для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. То есть создание общего рынка труда вызывает решение таких вопросов, как унификация образовательных и профессиональных стандартов, взаимности признания документов об образовании, ученых степеней и званий. Как итог, возник эффект «домино», когда участники ЕАЭС приняли решение о сотрудничестве в области гуманитарного сотрудничества, в том числе и в системе высшего образования⁵.

Во-вторых, реализация идеи БП позволит создать конкурентную среду среди выпускников вузов, которые смогут получить свое образование за счет унифицированного подхода в подготовке новых специалистов на рынке труда⁶.

В-третьих, процессы депопуляции на постсоветском пространстве выступают дополнитель-

ным стимулом к возрастанию академической мобильности между странами-участницами ЕАЭС.

Во-четвертых, общая близость территориальных границ также становится дополнительным источником оптимизации диалога в образовательной сфере.

В-пятых, на поток студентов и преподавателей влияет общее историческое прошлое в рамках Советского Союза. Важнейшим фактором консолидации академической мобильности является сохранение позиций русского языка, который до сих пор в ходу у граждан постсоветского пространства. Нельзя забывать и о том, что образовательная система бывших советских республик имеет общие корни.

Одной из первых попыток активизации сотрудничества между странами-участницами ЕАЭС явилось Соглашение в области образования в 2009 г. Дело в том, что создание ЕАЭС (в 2015 г.) произошло на основе нормативной базы Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Помимо развития прямых связей между образовательными учреждениями ЕврАзЭС в ст. 3 данного документа прописывалась мысль о содействии развитию академической мобильности и взаимному обмену обучающимися, педагогическими и научно-педагогическими кадрами⁷. Однако несмотря на логичность включенности образовательной сферы в основной перечень, по которому формируется общий рынок ЕАЭС, оно вошло только отдельными пунктами. Например, стороны ЕАЭС пришли к единому мнению о взаимном признании дипломов об образовании (ст. 97 Договора ЕАЭС устанавливает исключения для лиц, претендующих на педагогическую, юридическую, медицинскую или фармацевтическую деятельность в другом государстве-члене ЕАЭС. Данные лица должны пройти процедуру признания документов об образовании)⁸.

Также участники ЕАЭС договорились о праве на получение образования детьми работников в государстве трудоустройства родителей (ст. 98). В то же время дипломы об ученых степенях и званиях в соответствии со ст. 98 Договора требуют прохождения процедуры признания в соответствии с нормативной базой страны-участницы ЕАЭС. Практически данная норма о взаимном признании дипломов об ученых степенях и званиях действует только между Российской Федерацией и Беларусью. Точка зрения Казахстана на сближение систем образования в области академической мобильности остается достаточно осторожной. Власти Астаны были против присоединения пунктов, касающихся интеграции в гуманитарном секторе, в Договор ЕАЭС. Это объяснимо, поскольку доля обучающихся из этой республики в России остается очень высокой. Например, количество граждан Казахстана, обучавшихся в университетах РФ, выросло за 2016–2017 гг. на 50% по сравнению

с 2013–2014 гг. и составило 67,4 тыс. Скепсис властей Астаны в отношении миграции граждан Казахстана в РФ связан с нежеланием потери образовательных ресурсов, поскольку зачастую наиболее сильные студенты уезжают для получения высшего образования.

Анализ статистических данных дает следующую картину. Так, например, ФГАНУ «Социоцентр» констатирует, что суммарная доля граждан ЕАЭС, которые обучались в вузах РФ в 2014–2015 гг. по очной форме, составила около 22% от всех иностранных граждан. Всего граждан ЕАЭС, которые обучаются в университетах РФ, на этот период количественно составило очно – 45 416 и заочно – 57 575 чел. Причем общая динамика среднего ежегодного роста числа студентов из стран ЕАЭС в 2009–2015 гг. составила около 15%, что превышает средний темп роста иностранных студентов в России (8%). Но в 2014–2015 гг. был зафиксирован рост в 18,1%. Оценочно студенты из стран ЕАЭС, обучавшиеся в России, потратили 11 302,6 млн руб.⁹

В то же время существуют серьезные барьеры в совместном налаживании работы в процессах обеспечения академической мобильности студентов и преподавателей в данном интеграционном объединении. Противоречивая динамика в области академической мобильности наблюдается, с одной стороны, в том, что количество студентов из стран ЕАЭС растет по отношению ко всем иностранным студентам, которые обучаются в Российской Федерации. С другой – около половины из них обучаются на заочных отделениях, что нивелирует значение академической мобильности стран-участниц ЕАЭС.

Так, например, по данным Министерства образования и науки (2017 г.), в России проходили обучение 24 тыс. студентов из Белоруссии. Однако больше 80% из них заочники. Наблюдается общая асимметрия в процессах академической мобильности¹⁰. Например, студенты-очники из Беларуси составляют около 4,8 тыс., что в 4 раза меньше, чем обучающихся на очном отделении из Казахстана. В то же время в 2017 г. в Польше проходили обучение более 5 тыс. студентов из Беларуси. Что касается студентов из России, которые обучаются в Беларуси, то их меньше 1 тыс. чел., а в Казахстане количество белорусских студентов составляет 2–3 тыс. Если сравнивать данные за 10 лет, то количество казахстанских студентов в университетах КНР за это время выросло почти в пять раз – в 2007 г. их число составляло 3 тыс., а в 2017 г. уже 14 тыс.

Данная асимметрия также видна в том, что в Россию из Беларуси ежегодно приезжают учиться гораздо больше студентов, чем едут из России в Беларусь. Так, российских студентов в Беларуси в 2014–2015 гг. обучалось 1,9% из общего числа всех российских студентов, кто учится за границей. В тот же временной период количество белорусских обучающихся в РФ из числа всех

уехавших за рубеж составило 70%. При этом общее количество студентов из постсоветского пространства составляет 72,5%. Показательным моментом является то, что, по результатам мониторингового обследования обучающихся (2016 г.), в академической мобильности участвуют не более 1% студентов из Беларуси¹¹. В РФ такой показатель равен 5%. При этом Москва участвует в Болонском процессе с 2003 г., а Минск – с 2015. Что также говорит пока о слабой включенности этих стран в академическую мобильность.

Особое место России в академическом обмене стран ЕАЭС можно объяснить следующими обстоятельствами:

1) Россия и Беларусь достаточно давно тесно сотрудничают в формате Союзного государства;

2) статус русского языка до сих сохраняется, что дает возможность белорусским студентам чувствовать себя уверенно на российском пространстве.

Важно отметить, что большой трудностью в синхронизации процессов академической мобильности являются разные варианты обязательного тестирования в вузы стран-участниц ЕАЭС. Например, в Российской Федерации существует формат ЕГЭ, в Республике Беларусь абитуриенты сдают ЦТ, в Казахстане – ЕНТ.

Также в России не реализуется программа по льготному поступлению в университеты олимпиадников из других государств ЕАЭС, даже если эти абитуриенты получили первое место на международной олимпиаде.

На фоне проблем координации процессов академической мобильности между странами-участницами ЕАЭС можно отметить активизацию Европейского союза в области продвижения образовательных проектов на постсоветском пространстве¹². Так, например, в 2016 г. ЕС на процессы академической мобильности выделил более 21 млн евро. Как итог, около 5700 студентов и преподавателей были задействованы в данных программах, в то время как с 2007 по 2013 г. количество студентов и преподавателей составляло 5800 человек.

Вообще, ЕС осуществляет дифференцированную политику в области программ финансирования процессов академической мобильности. Среди самых известных – Erasmus+, DAAD, а также национальные и частные фонды. Данные по этим программам также демонстрируют слабую динамику. Например, в 2015 г. только 153 студента из Беларуси приняли участие в Erasmus+.

В приведенной ниже таблице представлены данные по академической мобильности в странах-участницах ЕАЭС¹³.

Таким образом, ключевыми проблемами при налаживании процессов академической мобильности являются:

1) различия в учебных программах, учебных планах, способах и содержании сдачи выпускных экзаменов ЕАЭС;

2) отсутствие доверия стран-участниц ЕАЭС к образовательным системам друг друга;

3) недостаточная разработанность механизма в программах академического обмена стран-участниц Евразийского пространства;

4) нехватка необходимых специалистов в обеспечении процесса академической мобильности;

5) трудность в нострификации и эквивалентности необходимых документов об образовании, об ученых званиях и ученых степенях;

6) проблема «утечки мозгов»;

7) асимметричность участия студентов в академической мобильности в странах ЕАЭС;

8) недофинансирование университетов по организации процессов мобильности преподавателей и студентов евразийского пространства;

9) слабая материально-техническая оснащенность по обеспечению образовательного процесса по программам обмена;

10) невозможность или нежелание осуществления академической мобильности у преподавательского состава;

11) сложность реализации индивидуальных образовательных траекторий из-за жесткости государственных образовательных стандартов;

12) трудности в унифицированной платформе по преподаванию программ академического обмена. С одной стороны, русский язык теряет популярность среди остальных участниц ЕАЭС, поскольку государства постсоветского пространства с 1991 г. взяли курс на суверенизацию, что нивелирует его (языка) значения. С другой стороны, использование другого языка (английского) в качестве преподаваемого вряд ли возможно всеми участниками образовательного пространства ЕАЭС ввиду его элементарного незнания на уровне носителей.

Поэтому странам-участницам ЕАЭС необходимо выработать совместную программу по академической мобильности¹⁴, где должны быть прописаны ключевые позиции по расширению процессов академической мобильности (например, по созданию общего стипендиального фонда для участников программ академической мобильности, введению мер, позволяющих засчитывать дисциплины, изучение которых было произведено в других странах ЕАЭС, по предоставлению общежитий/гостиниц, оплата проезда и проч.).

Важно помнить, что важнейшими условиями обеспечения процессов академической мобильности являются:

1) равные права на образование и его доступность всем лицам, проживающим на территории стран ЕАЭС;

2) создание единого пространства на общей языковой основе¹⁵;

3) наличие договорных соглашений о взаимном признании документов об образовании;

4) сохранение безвизового режима при перемещении граждан государств-участников ЕАЭС;

Численность обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования, прибывших из других государств-членов ЕАЭС (на начало учебного года), чел.

Обучающиеся, прибывшие из стран	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018
Армения					
Беларуси	13	2	3	4	4
Казахстана	22	31	24	30	25
Кыргызстана	–	–	–	–	–
России	1208	1050	1165	1211	1127
Всего	1243	1083	1192	1245	1158
Беларусь					
Армении	56	44	36	39	21
Казахстана	181	214	272	316	272
Кыргызстана	11	15	14	16	18
России	1767	1580	1573	1632	1546
Всего	2015	1853	1895	2003	1857
Казахстан					
Армении	16	21	15	19	24
Беларуси	8	11	12	9	17
Кыргызстана	815	828	1075	1443	1042
России	1224	1035	887	959	1146
Всего	5563	6205	6234	5565	4817
Кыргызстан					
Армении	–	–	–	–	–
Беларуси	–	–	–	–	–
Казахстана	4338	4828	5058	4665	3290
России	1225	1377	1186	910	1527
Всего	5563	6205	6234	5565	4817
Россия					
Армении	3840	3902	3606	3245	3049
Беларуси	25 055	18 427	14 964	12 414	10 792
Казахстана	46 862	55 969	66 821	67 403	65 700
Кыргызстана	4140	4663	5729	6627	7247
Всего	79 897	82 961	91 120	89 689	86 788
ЕАЭС					
Армении	3912	3967	3657	3303	3094
Беларуси	25 076	18 440	14 979	12 427	10 813
Казахстана	51 403	61 042	72 165	72 404	69 287
Кыргызстана	4966	5506	6818	8086	8307
России	5424	5042	4811	4712	5346
Всего	90 781	93 997	102 430	100 932	96 847

5) наличие и дальнейшее функционирование совместных университетов (например, Российско-Армянского (Славянского) университета в г. Ереване, Белорусско-Российского университета в г. Могилеве);

6) наличие и дальнейшее создание филиалов российских вузов в странах-участницах ЕАЭС;

7) выделение квот для граждан стран ЕАЭС всеми участниками данного интеграционного объединения;

8) создание специальных программ комфортного вхождения в университетскую среду студентов, которые приезжают получать образование в страны-участницы ЕАЭС;

Таким образом, важнейшими мерами по увеличению роста академической мобильности являются:

- во-первых, совершенствование нормативной базы сотрудничества стран ЕАЭС;
- во-вторых, обеспечение преференций для преподавателей и студентов;
- в-третьих, дальнейшая работа по согласованию образовательных программ;
- в-четвертых, участие всех стран ЕАЭС в Болонском процессе. Дело в том, что из пяти государств ЕАЭС пока лишь Кыргызстан не участвует в соглашениях по Болонской декларации;
- в-пятых, создание специализированных стандартов по унификации евразийского образовательного пространства, введение общего языка для обучения в вузах стран ЕАЭС;
- в-шестых, упор на формирование совместного гуманитарного пространства, ориентированного на общие культурные контакты (фестивали, выставки), единую площадку в области евразийских СМИ (телевидение, радио, интернет-ресурсы);
- в-седьмых, отмена паспортного контроля по периметру границ ЕАЭС.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Возрастание сотрудничества стран ЕАЭС связано с такими факторами, как важность создания единых стандартов в подготовке специалистов, появление конкуренции среди вузов, формирование единой базы для беспрепятственного въезда и выезда преподавателей и студентов.

2. Положительная динамика гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС связана с тем, что ее появление случилось на основе нормативной базы Евразийского экономического сообщества. Серьезной причиной оптимизации процесса академической мобильности является сохранение позиций русского языка, который до сих пор в ходу у граждан постсоветского пространства. При этом образовательная система бывших республик Советского Союза имеет общие корни.

3. Ключевыми документами в налаживании образовательных контактов являются Меморандум по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве; Соглашение о сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в области образования.

4. Ключевыми проблемами реализацией процессов академической мобильности являются: различия в учебных программах, учебных планах, способах и содержании сдачи выпускных экзаменов ЕАЭС; недостаточная разработанность механизма в программах академического обмена; нехватка необходимых специалистов в обеспечении процесса академической мобильности; трудность в нострификации и эквивалентности необходимых документов об образовании, об ученых званиях и ученых степенях; асимме-

тричность участия студентов в академической мобильности в странах ЕАЭС; недофинансирование университетов по организации процессов мобильности преподавателей и студентов евразийского пространства; слабая материально-техническая оснащенность по обеспечению образовательного процесса по программам обмена; невозможность или нежелание осуществления академической мобильности; сложность реализации индивидуальных образовательных траекторий из-за жесткости государственных образовательных стандартов; отсутствие представительств, которые бы занимались международным образовательным сотрудничеством; бюрократизация самой процедуры оформления документа по обмену.

5. Механизм оптимизации процессов академической мобильности включает в себя: совершенствование нормативной базы сотрудничества стран ЕАЭС; обеспечение преференций для преподавателей и студентов; дальнейшее совершенствование по согласованию образовательных программ; участие всех стран ЕАЭС в Болонском процессе; создание специализированных стандартов по унификации евразийского образовательного пространства; формирование совместного гуманитарного пространства, ориентированного на общие культурные контакты (фестивали, выставки); единую площадку в области евразийских СМИ (телевидение, радио, интернет-ресурсы); отмену паспортного контроля по периметру границ ЕАЭС.

Примечания

- 1 См.: Семин Н. В., Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л., Лукшин А. В., Муравьева А. А., Олейникова О. Н. Академическая мобильность в России : нормативно-методическое обеспечение. М. : Изд-во МГУ, 2007. (Инновационный Университет).
- 2 См.: Харкевич М. В. Глобализация и высшее образование : возможности для России // Вестн. МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 270–276.
- 3 См.: Юн С. Н. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союз : проблемы и перспективы // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 50. С. 89–92. DOI: 10.17223/19988613/50/13
- 4 См.: О Болонском процессе и Европейском пространстве высшего образования. URL: <http://i-bteu.by/ru-ru> (дата обращения: 12.01.2020).
- 5 См.: Подписан Меморандум по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве. 14 апреля 2016 г. // Содружество народов Евразии. URL: <http://evrazia-ural.ru/novosti/podpisan-memorandum-po-voprosam-obrazovatel'nogo-i-nauchno-tehnologicheskogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 12.12.2019).
- 6 См.: Садовничий В. А. Московский государственный университет им. М. Ломоносова на пути обновления // Образование и наука в России : состояние и

- потенциал развития : сб. науч. ст. Вып. 2. М. : ИСПИ РАН, 2017. С. 135.
- ⁷ См.: Соглашение о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в области образования. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902312974> (дата обращения: 03.01.2020).
- ⁸ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
- ⁹ См.: ФГАНУ «Социоцентр» : [сайт]. URL: <http://sociocenter.info/ru> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁰ См.: *Сутырин В.* Евразийская программа академической мобильности «Эврика» // Точки роста ЕАЭС : экономика, безопасность, общество / Евстафьев Д. Г., Кусаинов А. М., Масаулов С. И. [и др.] ; Российско-белорусский экспертный клуб, Центр изучения перспектив интеграции. М., 2018. С. 36–39. URL: <http://eurasia.expert/upload/Tochki-rosta-EAES.pdf> (дата обращения: 06.01.2020).
- ¹¹ См.: *Титаренко Л. Г.* Интеграционные образовательные процессы и развитие модернизационного потенциала белорусского студенчества // Социологический альманах. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-obrazovatelnye-protsessy-i-razvitie-modernizatsionnogo-potentsiala-belorusskogo-studenchestva> (дата обращения: 03.01.2020).
- ¹² См.: *Полохало Ю. Н., Косов Ю. В.* Российское высшее образование в условиях глобализации : проблема сохранения национальных традиций и использования зарубежного опыта // Управленческое консультирование. 2007. № 4. С. 112–121.
- ¹³ Статистический ежегодник Евразийского экономического союза ; Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2018.pdf (дата обращения: 04.01.2020).
- ¹⁴ См.: *Кроливецкая С. М.* Перспективы развития экспортного потенциала высшего образования Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 12. С. 73–78. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-12-73-78>
- ¹⁵ См.: *Чавыкина М. А.* Академическая мобильность в странах ЕАЭС : современное состояние и перспективы развития // Креативная экономика. 2017. Т. 11, № 9. С. 931–942. DOI: [10.18334/ce.11.9.38350](https://doi.org/10.18334/ce.11.9.38350)

Образец для цитирования:

Бурганова И. Н. Академическая мобильность в странах-участницах ЕАЭС // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 279–285. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-279-285>

Cite this article as:

Burganova I. N. Academic Mobility in the Countries-Participants of the EEU. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politicalogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 279–285 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-279-285>

УДК 316.752

Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях

Е. В. Сайганова

Сайганова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, SaiganovaEV@yandex.ru

В статье рассмотрены актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи, изменение ценностных ориентиров под воздействием внешних факторов. Показано, какими предстают перед молодежью перспективы развития патриотизма и патриотического воспитания на территории региона, раскрываются основные понятия патриотизма и современная трактовка, выделяются основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях. Рассматриваются происходящие изменения в социальной дифференциации общественных структур, разрушение духовных ценностей, которые оказали и продолжают оказывать негативное влияние на молодое поколение, примером чему служит протестный потенциал молодежи. В данном контексте в статье рассматривается и анализируется необходимость постановки как перед системой образования, так и перед всеми остальными социальными институтами задач воспитания любви к своему Отечеству и решения их. На сегодняшний день концепция мер, направленных на повышение уровня патриотического воспитания студенческой молодежи, является приоритетной частью государственной молодежной политики. Достижение цели путем решения ряда задач патриотического воспитания молодых людей в России обеспечивается через реализацию единой государственной молодежной политики, которая осуществляется органами государственной власти и местного самоуправления при содействии общественных организаций.

Ключевые слова: патриотизм, Родина, поколения, ценности, молодежь, социальные институты.

Поступила в редакцию: 13.04.2020 / Принята: 15.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Basic Factors of Formation of Patriotic Mood at Young Generation in Modern Social Conditions

Е. В. Saiganova

Elena V. Saiganova, <https://orcid.org/0000-0003-3916-2800>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, SaiganovaEV@yandex.ru

The article deals with the actual problems of Patriotic education of young people, the change of value orientations under the influence of external factors. The perspectives of the youth patriotism education development reveal the basic concepts of patriotism and the modern interpretation and the main factors in the Patriotic moods'

formation among the young generation under modern social conditions are highlighted. The article considers the ongoing changes in the social differentiation of social structures and the destruction of spiritual values which have had and continue to have a negative impact on the young generation, the protest potential of young people being the example. In this context, the article considers and analyzes the need to solve and set tasks for the education system and for all other social institutions on the issues of upbringing the love to their Motherland. Today the concept of measures aimed at improving the students' Patriotic education level is a priority of the GMP (state youth policy). Achieving the goal of Patriotic education of young people in Russia by solving a set of tasks is ensured by the implementation of the unified state youth policy, which is carried out by state authorities and local authorities with the assistance of public organizations.

Keywords: patriotism, homeland, generations, values, youth, social institutions.

Received: 13.04.2020 / Accepted: 15.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290>

Понятие патриотизма и отношение молодежи к патриотическому сознанию всегда волновало ученых социологов и политологов. Какая она нынешняя молодежь? Какие проблемы ее волнуют? Чем она отличается от предыдущих поколений? Каковы ее патриотические настроения, как она видит себя в российской идентичности? Сейчас как никогда становится актуальным изучение патриотических настроений современной молодежи для возможности прогнозирования ее потенциала. Для начала, конечно же, необходимо дать определение понятия «патриот» по словарю русского языка С. И. Ожегова: «Человек, преданный своему народу, любящий свое отчество, готовый на жертвы совершающий подвиги во имя интересов своей родины»¹.

В настоящее время эта тема также не утратила своей популярности. Теоретические аспекты патриотизма анализировали Ю. Волков, Н. Бинеева², А. Попов, О. Шевченко, И. Печуров³, И. Халий⁴ и др. Проблему патриотизма школьников изучали Е. Пронина⁵, Е. Салганова⁶. Патриотизм в студенческой среде анализировали Н. Воробьева, Ю. Гатен, Е. Яблочко⁷ и др.

В Саратовской области патриотическое воспитание детей и молодежи осуществляется в рамках подпрограммы «Патриотическое воспитание детей и молодежи Саратовской области»

государственной программы «Развитие образования в Саратовской области до 2020 года». Для фиксации изменений патриотического сознания молодежи ежегодно проводится сравнительный анализ статистических показателей. Данные ежегодные исследования, которые проводятся на базе социологического факультета Саратовского государственного университета, в дальнейшем способствуют повышению эффективности реализации программ патриотического воспитания на территории региона. На сегодняшний день состояние патриотического сознания молодых людей как по всей стране, так и в Саратовской области и городе Саратове в частности является неоднородным, что обусловлено различными факторами.

Для того чтобы узнать настроения и выявить корреляцию патриотического сознания молодежи Саратовской области, в октябре–ноябре 2019 г. было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 670 респондентов методом анкетирования по вероятностной квотной выборке. Были проанализированы многозначные трактовки патриотизма в общественном мнении молодого поколения города Саратова (по гендерному составу 57% женского и 43% мужского пола в возрасте от 14 лет и старше).

Большинство респондентов, принимавших участие в опросе, обучаются на социологическом факультете (64%), также участвовали студенты факультета психологии – 16%, факультета психолого-педагогического и специального образования – 10%, юридического факультета – 7% и учащиеся колледжа радиоэлектроники – 3%.

Понятие «патриотизм» у каждого человека чаще всего не имеет конкретной формулировки и в целом вызывает различные ассоциации, поэтому важно было узнать, как понимают патриотизм студенты. В результате опроса были получены

следующие данные: больше всего опрошенных пояснили, что патриотизм – это «любовь к Родине», «уважение к своей Родине, гордость за свою страну», а также «любовь к родному городу, деревне, дому» (64, 61 и 49% соответственно); понимают его как «любовь к национальной культуре», «любовь к народу», «любовь к семье, близким» 37, 31 и 27% респондентов соответственно. Наименьшее количество набрали «стремление к безопасному глобальному миру» (17%), «стремление к социальной справедливости» (15%), «прославление побед Родины» (12%) и лишь 7% указали, что «патриотизм в условиях глобализации теряет свое значение». Можно сказать, что студенты в большей степени имеют представление о том, что же такое патриотизм (рис. 1).

Уровень патриотического настроения среди опрошенных молодых людей можно оценить выше среднего показателя, так как 59% назвали себя патриотами и только 21% респондентов не считают себя таковыми; 20% затруднились с ответом, что свидетельствует о том, что 1/5 часть от общего количества участников опроса еще не определились до конца и не сформировали для себя взгляды относительно понятия «патриотизм». Возможно, данная проблема связана с тем, что в нашей стране вопросам патриотического воспитания не всегда уделялось должное внимание.

При оценке патриотических настроений среди своего ближайшего окружения 41% респондентов считают, что большая часть их окружения являются патриотами, 39% сходятся во мнении, что среди их близких мало патриотов, 20% затруднились ответить.

Если говорить об уровне патриотизма в стране, то, по мнению опрошенных, на настоящий момент патриотами можно назвать «меньшинство» – 46%, «около половины» – 40%,

Рис. 1. Ответы-ассоциации молодых людей на понятие «патриотизм»

«большинство» – 12%, затруднились ответить 2% респондентов

Подавляющее большинство респондентов (76%) согласилось с необходимостью уделять внимание патриотическому воспитанию современной молодежи, 20% отметили ответ «не нужно» и 4% – затруднились с ответом на данный вопрос

Если говорить о мероприятиях, посвященных патриотизму, проводимых на территории области, то большинство респондентов осведомлены о них (67%).

Наиболее известными и популярными мероприятиями среди молодых граждан являются «День Победы» (83%), «День народного единства» (67%), Всероссийская акция «Вахта памяти» (33%) и Всероссийская патриотическая акция «Во славу Великой Победы» (28%) (рис. 2).

В ходе исследования выяснилось, что постоянно данные мероприятия посещают редко 52%

респондентов, вообще не посещают 36%, а вот процент посещаемости всех данных мероприятий составил 12%.

Из этого следует, что жители Саратовской области знают о мероприятиях, проводимых на территории области, областного центра и Российской Федерации, однако постоянная их посещаемость не очень высока. Скорее всего, это связано с тем, что осведомленность о проводимых мероприятиях на территории региона недостаточна.

Для анализа жизненных ценностей молодежи была использована адаптированная методика М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей. Как следует из данных рис. 3, главной ценностью для молодых людей является семья (84%), на втором месте стоит здоровье (53%), на третьем – друзья и образование (по 51%), на четвертом – карьера (48%) и на пятом месте – деньги (27%), также 4% опрошенных

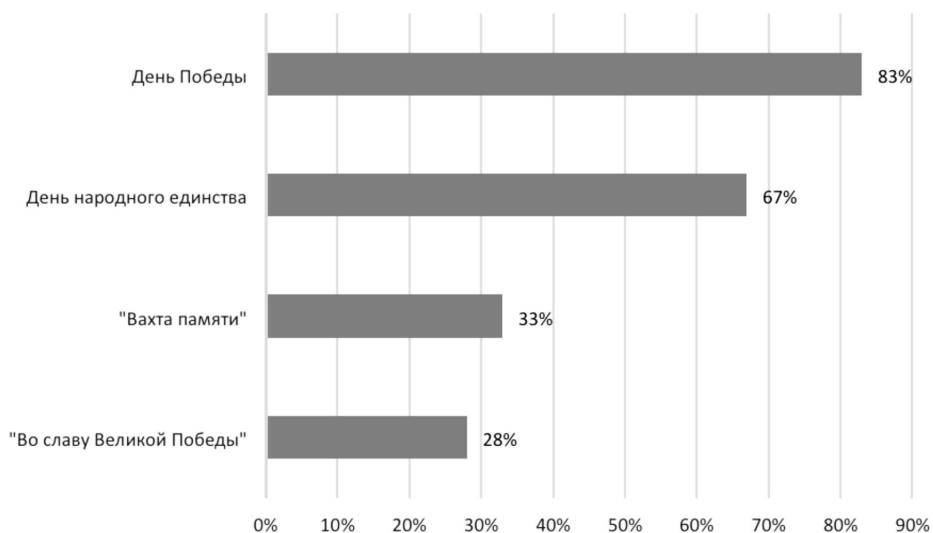

Рис. 2. О каких патриотических мероприятиях Вы знаете?

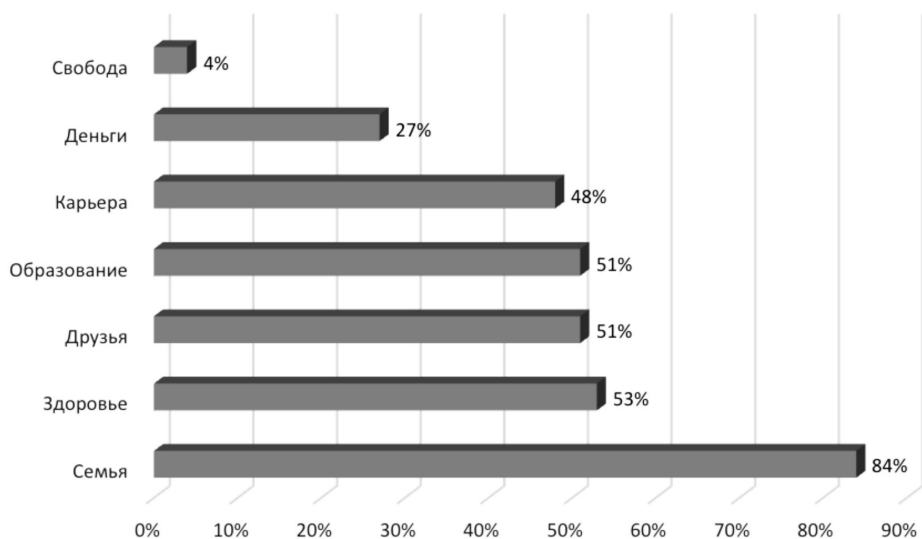

Рис. 3. Какие ценности для Вас являются главными?

указали свободу как ценность (рис. 3). Сумма ответов превышает 100%, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов.

По мнению молодых людей, формировать патриотизм должна прежде всего семья. На это указывают 72% опрошенных (рис. 4). На втором месте у учащихся – СМИ (67%), а на третьем – сам молодой человек (42%), 36% выбрали «друзья, знакомые», 29% – «органы власти», 28% – «молодежные общественные объединения», 17% – «университет», 7% – «звезды кино и шоубизнеса» и всего лишь 4% выбрали «школа». Несмотря на то что существует определенная точка зрения относительно того, что в современном обществе идет утрата семейных ценностей и потеря традиций, по данным опроса можно заметить, что для большинства респондентов самой важной жизненной ценностью все еще остается семья, и именно она помогает и направляет молодых людей. В связи с быстрым развитием об-

щества и технологий нельзя отрицать тот факт, что средства массовой информации постепенно становятся фактором, который формирует ценностные ориентации молодежи.

Что касается, вариантов решения проблем формирования у современных молодых людей патриотического сознания, то большинство считают необходимым «коренным образом изменить отношение к проблеме патриотизма и патриотического воспитания со стороны руководства государства, правящей политической элиты» (52%), варианты «активизация работы на местах, в регионах» и «коренное изменение отношения к патриотизму и патриотическому воспитанию в средствах массовой информации» выбрали по 34% опрошенных. Также 32% уверены, что следует «уделять должное внимание деятельности в этом направлении учебных учреждений» (рис. 5).

Результаты исследования свидетельствуют, что современное состояние патриотизма моло-

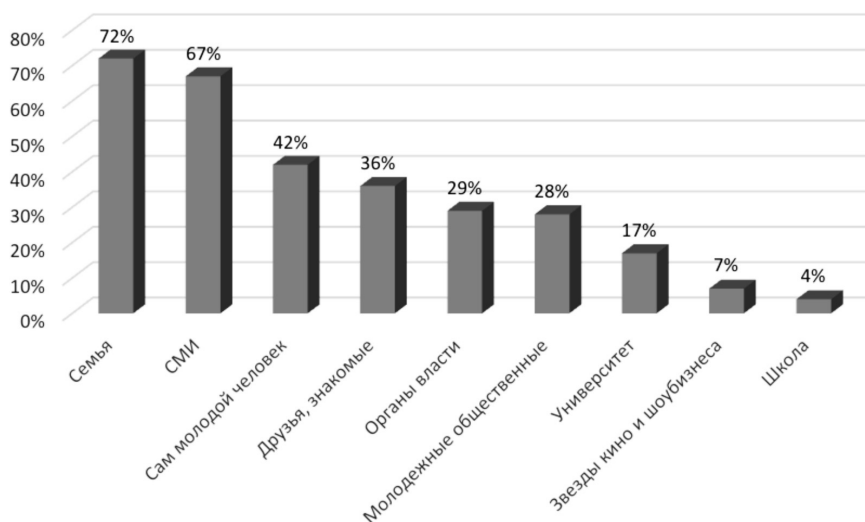

Рис. 4. Какие факторы и социальные институты в большей степени, по Вашему мнению, влияют на формирование патриотизма?

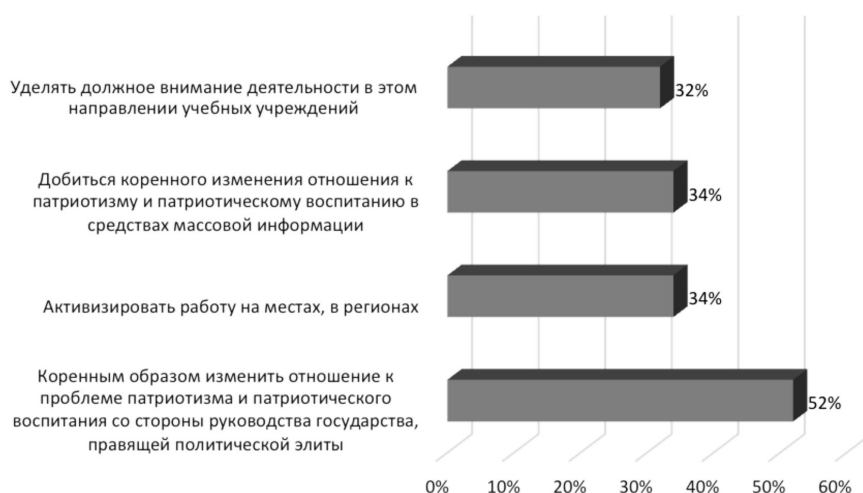

Рис. 5. Каковы варианты решения проблемы формирования патриотизма?

дежи характеризуется как проблемное в силу продолжающейся трансформации ценностей и норм в обществе. Ведущими причинами существующих проблем формирования патриотизма молодежи выступают: отсутствие полноценной развитой системы общественной работы с молодыми людьми, ненацеленность на патриотизм семьи, недостаточная информированность. В итоге – безразличие и равнодушное отношение самой молодежи к патриотизму, низкая гражданская и общественная активность. Лишь в последние несколько лет наметился приоритет патриотического воспитания в процессе социализации подрастающего поколения. Ведущими факторами формирования патриотизма у молодежи могут и должны стать семья, возрождение столь дефицитных чувств уважения и любви к Отечеству. Именно через взаимоотношения с участниками боевых действий и встреч с ветеранами (в условиях повышенной занятости современных родителей) часто происходит знакомство подрастающего поколения с важнейшими патриотическими ценностями. Именно взаимодействие поколений во многом определяет степень эффективности и стабильности патриотического воспитания. Проблема формирования патриотизма в молодежной среде связана и с отсутствием четких механизмов привлечения молодежи к патриотической деятельности. Решать проблему развития патриотических чувств и убеждений следует через активизацию деятельности молодежных общественных организаций: как за счет собственных усилий, так и при помощи государства. Необходимо не только организовывать развлекательные мероприятия, но также предоставлять теоретическое обоснование о том, что такое патриотизм, разрабатывать новые средства работы с молодыми людьми, в разных видах и формах, рассчитанных на определенные возрастные категории.

Таким образом, можно сказать, что для формирования «зрелого патриота», который любит свою Родину и готов отстаивать ее интересы,

действительно необходимо разрабатывать уже к существующим и реализующимся программам дополнительно целый комплекс мер по воспитанию патриотизма начиная с младшего дошкольного возраста, и только по прошествии определенного времени мы увидим совершенно новые показатели в плане понимания и восприятия молодыми людьми себя как патриотов.

Примечания

- 1 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 22-е изд. М.: Русский язык, 1990. С. 1822.
- 2 См.: Волков Ю. Г., Бинева Н. К. Социологическое измерение гражданственности и патриотизма в российских исследованиях // Формирование гражданского патриотизма на Юге России: материалы Школы молодого социолога «Формирование гражданского патриотизма на Юге России» (1–3 ноября 2017 г., Институт социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Ю. Г. Волков; сост.: Н. З. Губнелова, В. О. Вагина. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017. С. 10–17.
- 3 См.: Попов А. В., Шевченко О. М., Бинева Н. К., Печуров И. В. Социокультурные особенности патриотизма и формирования государственно-гражданской идентичности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2017. № 4. С. 221–225. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-221-225
- 4 См.: Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социс. 2017. № 2. С. 67–74.
- 5 См.: Пронина Е. И. Особенности воспитания гражданственности и патриотизма старших школьников // Социс. 2011. № 5. С. 97–103.
- 6 См.: Саганова Е. И. Патриотизм учащейся молодежи: состояние, проблемы и формирование. URL: http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/59134/1/978-5-91256-403-1_2018_063.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
- 7 См.: Воробьева Н. В., Яблочко Е. Патриотизм современного студента // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 531–535. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86117.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

Образец для цитирования:

Саганова Е. В. Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 286–290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290>

Cite this article as:

Saiganova E. V. Basic Factors of Formation of Patriotic Mood at Young Generation in Modern Social Conditions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 286–290 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290>

УДК 316

Социальное самочувствие полицейских: гендерные и поселенческие особенности

С. А. Алексеев, Д. А. Шпилев, Е. Н. Шлягина

Алексеев Сергей Анатольевич, подполковник полиции, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России, alekseev_sa52@mail.ru

Шпилев Дмитрий Анатольевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, shpilev72@mail.ru

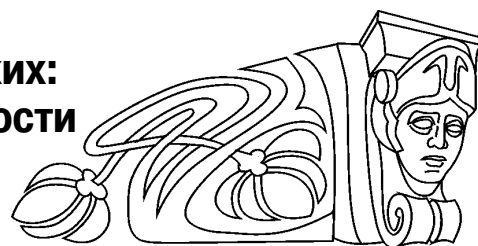
Шлягина Евгения Николаевна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, evaryabinina@yandex.ru

Необходимость исследования социального самочувствия сотрудников полиции обусловлена высокой значимостью данной профессии для охраны прав и законных интересов населения России, для обеспечения общественного порядка. В данной статье рассматриваются гендерные и поселенческие особенности социального самочувствия сотрудников полиции, влияющие на восприятие полицейскими уровня своей социальной защищенности, оплаты труда и премирования, карьерных перспектив, удовлетворенности жилищными условиями, отношениями с коллегами, друзьями, соседями, а также семейной жизнью. Статья основывается на результатах анкетного опроса 333 сотрудников полиции, несущих службу на территории Российской Федерации. Авторы выявляют различия в оценках особенностей работы полицейских, а также проблем, с которыми они сталкиваются в процессе службы, в зависимости от гендерной и территориальной принадлежности респондентов. В частности, результаты опроса подтверждают, что полицейские, работающие в области, в отличие от городских коллег, имеют больше материальных проблем, меньше ощущают социальную поддержку со стороны государства, не так сильно рассчитывают на использование полезных знаний и связей, полученных во время службы, по завершении карьеры полицейского. Мужчины-полицейские больше сосредоточены на профессиональных и материальных аспектах своей жизни (отношение с коллегами, оплата труда и благополучие семьи, социальная защита), в то время как женщины-полицейские больше волнуют проблемы здоровья, эмоционально-психологического состояния, наличия крепкой семьи.

Ключевые слова: социальное самочувствие, сотрудник полиции, гендер, брак, семья, местожительство, карьера, дети.

Поступила в редакцию: 15.01.2020 / Принята: 01.02.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Police Officers' Social Well-Being: Gender and Settlement Characteristics

S. A. Alekseev, D. A. Shpilev, E. N. Shliagina

Sergey A. Alekseev, <https://orcid.org/0000-0002-9520-465X>, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 3 Ankudinovskoye Sh., Nizhny Novgorod 603144, Russia, alekseev_sa52@mail.ru

Dmitry A. Shpilev, <https://orcid.org/0000-0002-9499-0580>, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 3 Ankudinovskoye Sh., Nizhny Novgorod 603144, Russia; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, shpilev72@mail.ru

Evgenia N. Shliagina, <https://orcid.org/0000-0002-0797-3679>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, evaryabinina@yandex.ru

The need to study the social well-being of police officers is due to the high importance of this profession for protecting the rights and legitimate interests of the Russian population, and for ensuring public order. It examines the gender and settlement characteristics of the police officers' social well-being, which affect the police officers' perception of their level of social protection, remuneration and bonuses, career prospects, satisfaction with housing conditions, relations with colleagues, friends, neighbors, and family life. The article considers the results of a questionnaire survey of 333 police officers serving in the territory of the Russian Federation. The authors identify differences in the assessments of the peculiarities of the work of police officers, as well as the problems they encounter during the service, depending on the gender and territorial affiliation of the respondents. In particular, the results of the survey confirm that police officers, working in the region, have more material problems, feel less social support from the state, do not rely so much on the use of useful knowledge and contacts gained during the service at the end of a policeman's career. Male police officers are more focused on the professional and material aspects of their lives (relationships with colleagues, pay and family welfare, social protection), while female police officers are more concerned with health problems, emotional and psychological conditions, and having a strong family.

Keywords: social well-being, police officer, gender, marriage, family, domicile, career, children.

Received: 15.01.2020 / Accepted: 01.02.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-291-298>

Тема социального самочувствия сотрудников полиции в последнее время начинает вызывать у ученых различного профиля серьезный интерес¹. Как правило, речь идет о психологических проблемах сотрудников², о мерах социальной защиты полицейских³, их профессиональной деформации⁴, о влиянии семейных отношений полицейских на их профессиональную деятельность⁵, о формировании бытовой толерантности сотрудников⁶, о влиянии результатов реформы МВД на общественное мнение о полиции⁷. Гендерные аспекты труда и быта сотрудников также активно исследуются⁸. При этом практически отсутствуют исследования (основанные на анализе первичных эмпирических данных, т. е. на опросах самих сотрудников полиции), сопоставляющие профессиональное и бытовое самочувствие мужчин и женщин полицейских, а также различия в оценках своего социального самочувствия у полицейских, работающих в городах и сельской местности. Данная статья призвана внести некоторый вклад в исправление этой ситуации.

Характеристика выборки

Анкетный опрос «Условия труда и быта сотрудников органов внутренних дел» проводился в период с октября по декабрь 2019 г. среди сотрудников полиции, проходивших повышение квалификации в Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В опросе приняли участие 333 респондента – сотрудника полиции. Из них 71% мужчин, 24% женщин, еще 5% респондентов не указали своего пола. Респонденты проживают в Самарском (31%), Нижегородском (21%) и Пензенском (11%) регионах, в Республике Мордовия (5%) и Чувашской Республике (5%), в Ивановской (3%) и Владимирской областях (2%), в Республике Марий Эл (2%) и Пермском крае (2%). Не указали место своего проживания 14% респондентов. При этом в городах проживают 79% опрошенных, в районах – 8%, в поселках – 7%, в селах и деревнях – 5%.

Наибольшее количество участников опроса относится к следующим возрастным группам: от 20 до 25 лет – 36%, от 26 до 30 лет – 30%, от 31 до 35 лет – 15%. В выборке несколько снижена доля респондентов в возрасте до 20 лет (3%), от 36 до 40 лет (8%), а также в возрасте от 41 года и

старше (3%). Кроме того, невысока доля женщин во всех возрастных группах, что соответствует гендерным реалиям, сложившимся в исследованных подразделениях полиции. В выборке больше респондентов со средним специальным и высшим образованием. Однако эти небольшие недостатки выборки легко компенсируются введением взвешенных коэффициентов, учитывающих размер соответствующих групп респондентов, и не оказывают существенного влияния на репрезентативность результатов замера.

Большинство респондентов состоят в браке, зарегистрированном (46%) или в сожительстве (который нередко называют гражданским браком, 11%). Разведены 6%, при этом наибольшее количество разведенных респондентов приходится на возрастную группу от 26 до 30 лет. Никогда не состояли в браке 36% респондентов.

У 42% опрошенных есть дети (19% – 1 ребенок, 18% – 2, 4% – 3 детей), у 52% – нет, 4% респондентов ожидают прибавления в семействе.

Имеют звание младшего сержанта 13%, младшего лейтенанта – 27%, лейтенанта – 14%, что вполне соответствует опрошенным возрастным группам.

Гендерные особенности социального самочувствия полицейских

Респондентам был задан вопрос о том, как изменилась их жизнь за последние два-три года и с каким чувством они смотрят в будущее.

Прежде всего, стоит отметить высокий уровень оптимизма респондентов, их уверенность в будущем, ощущение стабильности. В данном случае отсутствуют серьезные гендерные отличия, однако необходимо обратить внимание на более оптимистичный настрой у женщин.

При оценке респондентами материального положения своих семей также отсутствуют значительные гендерные отличия (табл. 1). Высокий уровень жизни имеют только 7% опрошенных сотрудников полиции, на уровне верхнего среднего класса находятся 10% респондентов. Интересно, что в двух этих группах женщин чуть больше. Как правило, это замужние женщины. Это означает, что в вопросах материального обеспечения семьи успешно участвуют и их мужья. Большинство

Таблица 1

Материальное положение семей респондентов, %

Оценка материального положения	Выборка	Мужчины	Женщины
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	7	6	11
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей	10	8	10
Денег достаточно для приобретения продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать	62	63	63
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	15	16	14
Денег не всегда хватает даже на приобретение продуктов питания	3	4	3

респондентов принадлежат к уровню среднего и нижнего среднего класса (62%). Остальные респонденты ощущают себя бедными (15%) и очень бедными (3%). В двух последних группах чуть больше мужчин, которым необходимо обеспечивать свои семьи, поэтому недостаточность денежных средств ощущается наиболее остро.

Проблемы, волнующие полицейских

Респондентам был предложен многоальтернативный вопрос, включавший в себя перечень из 18 проблем, которые потенциально могут волновать сотрудника полиции. При ответе на некоторые вопросы четко проявились различия в восприятии ряда проблем мужчинами и женщинами (табл. 2).

Как видно из данных табл. 2, проблемы трудоустройства и невозможности продвинуться по службе волнует женщин гораздо в большей степени, чем мужчин. Действительно, количество мужчин-полицейских у нас в стране выше, да и карьеру в полиции (в маскулинной среде) женщинам объективно делать труднее. Высокий уровень преступности женщин также беспокоит больше, чем мужчин, поскольку женщины по природе своей и сами более осторожны, и больше переживают за судьбу своих близких. Мужчины, в свою очередь, ведут себя более рискованно, а также меньше заботятся о своем здоровье, что видно из ответов, представленных в таблице. Мужчин как добытчиков для своих семей больше волнуют постоянные материальные трудности и высокие цены на товары в магазинах. Из-за интенсивной профессиональной нагрузки у

мужчин-полицейских остается очень мало времени на свои семьи. Кроме того, мужчин нервирует большое количество документов, с которыми им приходится иметь дело на службе. Женщин необходимость бумажной работы напрягает в меньшей степени, так как они более аккуратны и кропотливы. Оценки остальных проблем не имели существенных гендерных отличий.

Далее респондентам с помощью трех групп табличных (матричных) вопросов (табл. 3, 4, 5) было предложено выразить свое согласие или несогласие с различными тезисами. Респонденты оценивали тезисы, посвященные таким темам, как повседневная работа, материальное обеспечение и социальное самочувствие, здоровье и семейная жизнь. В первых двух группах вопросов была использована пятизначная оценочная шкала: «Категорически не согласны» – «Скорее согласны» – «Затрудняюсь ответить» – «Скорее согласны» – «Совершенно согласны». По полученным данным по каждой таблице был рассчитан коэффициент согласия (табл. 3, 4).

Так, женщины в большей степени согласны с тем, что у сотрудников полиции достаточно продолжительный отпуск (это время можно использовать на семью и детей), и с тем, что в случае гибели сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей государство будет помогать его семье. Важно, что у респондентов-мужчин данный тезис получил отрицательный коэффициент согласия, т. е. полицейские мужчины относятся к этому утверждению очень скептически.

Таблица 2

Проблемы, наиболее актуальные для полицейского, %

Перечень проблем	Выборка	Мужчины	Женщины
Проблема трудоустройства	8	5	14
Неважные отношения с коллегами по работе	2	3	1
Невозможность продвинуться по службе	16	12	23
Высокий уровень преступности в стране	12	8	19
Большое количество писанины, бюрократизма	60	62	56
Сильный стресс на работе	22	21	26
Отсутствие нормальных жилищных условий	23	24	21
Высокие цены на товары в магазинах	32	35	21
Низкое качество медицинского обслуживания	26	24	33
Постоянные ссоры в семье	4	4	5
На работе все хорошо только у тех, кто по благу	6	6	6
Приходится брать и давать взятки	1	1	0
Формальный подход начальства к работе	7	8	6
Граждане постоянно сравнивают полицию с милицией	10	9	13
Постоянные материальные трудности	31	33	26
Необходимость заниматься приписками в отчетах	7	7	8
Нет времени на семью из-за работы	48	50	43
Интриги на работе	7	8	6

Таблица 3

Тезисы о социальном самочувствии с коэффициентом согласия, гендерный аспект

Тезисы для оценки	Мужчины	Женщины
У сотрудников полиции достаточно продолжительный отпуск	0,91	1,04
Из-за своей работы сотрудник полиции постоянно оторван от семьи	1,05	1,04
У сотрудников полиции всегда хорошие отношения со своими коллегами по службе	0,27	0,07
В случае гибели сотрудника полиции при выполнении служебных обязанностей государство будет помогать его семье	-0,04	0,34
В настоящее время обеспечивается хорошая правовая защита сотрудников полиции	-0,81	-0,88
Профессиональная подготовка сотрудников полиции находится на высоком уровне	0,31	0,30
Работа сотрудника полиции связана с целым рядом рисков для жизни и здоровья	1,29	1,27
Сотрудник полиции пользуется в нашем обществе большим уважением	-0,94	-1,05
Сотрудник полиции чувствует себя полностью социально защищенным	-0,97	-0,77
В последние годы материально-техническое оснащение полиции значительно улучшилось	-0,32	-0,74
У сотрудника полиции всегда хорошие жилищные условия	-1,16	-1,01
Сотрудники полиции получают хорошую пенсию по выслуге лет	-0,79	-0,62
Сотрудники полиции всегда следят за своим здоровьем	-0,39	-0,80
Работа сотрудника полиции всегда связана со стрессом и перенапряжением	0,86	0,83
У сотрудника полиции хорошая зарплата	-0,91	-1,0
Родные и близкие сотрудника полиции постоянно беспокоятся за него	1,12	1,03
У полицейских всегда крепкие семьи	-0,51	-1,12
При возникновении проблем эмоционального характера у сотрудника полиции ему всегда поможет грамотный психолог	-0,63	-0,78

Таблица 4

Тезисы о работе сотрудника полиции с коэффициентом согласия, гендерный аспект

Тезисы для оценки	Мужчины	Женщины
Большинство полицейских продолжают семейную традицию службы в силовых структурах	0,08	0,12
На службу в полицию приходят с целью скорейшего решения жилищного вопроса	-1,41	-1,54
Сотрудники полиции имеют неограниченную власть над простыми людьми	-1,25	-1,41
Значительная часть полицейских происходит из социально неблагополучных семей	-1,3	-1,43
На работу в полицию приходят ради быстрого обогащения	-1,31	-1,36
Если ты работаешь в полиции, то тебя уважают все соседи	-0,72	-0,66
Сотрудники полиции рано выходят на пенсию	0,39	0,56
Сотрудники полиции и их родственники получают бесплатное медобслуживание в ведомственных поликлиниках и больницах	-0,18	0,29
Служба в полиции – это возможность получить хорошее высшее образование	0,4	0,39
После срочной службы в армии работа в полиции – наилучший выбор	-0,43	0,16
Дети сотрудников полиции бесплатно приглашаются на различные интересные мероприятия и праздники	-0,78	-0,26
В полиции заботятся о своих ветеранах и пенсионерах	-0,33	0,37
Служба в полиции – хороший шанс быстро сделать карьеру	-0,71	-0,5
Сотрудники полиции не испытывают материальных трудностей	-1,31	-1,32
В полиции можно получить знания и связи, которые пригодятся после службы	0,37	0,23

Таблица 5

Восприятие реальной ситуации сотрудниками полиции, гендерный аспект

Суждения для оценки	Мужчины	Женщины
Денежное довольствие сотрудников является основным средством их материального обеспечения	2,92	2,87
Размер премий и поощрительных выплат вполне компенсирует трудности, возникающие в работе сотрудника полиции	1,56	1,66

Окончание табл. 5

Суждения для оценки	Мужчины	Женщины
Размер надбавок к должностному окладу за выполнение сложных задач меня полностью устраивает	1,56	1,68
У сотрудников полиции в случае необходимости есть возможность получить хорошую материальную помощь	1,79	1,86
За хорошую работу сотрудники полиции награждаются государственными наградами и почетными званиями РФ	2,04	2,18
Меры дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД являются чересчур строгими	2,34	2,16
Полицейские честно сообщают о том, что какие-либо лица склоняют их к совершению коррупционного правонарушения	2,27	2,28
Сотрудник полиции уверен, что является представителем государственной власти и находится под защитой государства	2,01	2,04
Сотрудник полиции имеет достойный уровень жизни и не испытывает материальных трудностей	1,69	1,73
Члены семьи сотрудника полиции гордятся его профессией	2,4	2,42
Жизнь и здоровье сотрудника полиции страхует за счет бюджетных средств	2,62	2,62
Соседи испытывают настороженность, общаясь с членами семьи полицейского	1,6	1,63
Сотрудник полиции вынужден дружить только с другими полицейскими	1,49	1,54
Во время прохождения службы сотрудники полиции имеют собственный легальный бизнес	1,18	1,27
Сотрудник полиции спокоен и уверен в своем будущем	1,93	1,87

При этом мужчины больше женщин уверены в том, что у сотрудников полиции всегда хорошие отношения со своими коллегами по службе, а родные и близкие полицейского постоянно беспокоятся за него.

С целым рядом тезисов респонденты не согласились (эти тезисы получили отрицательный коэффициент согласия). Так, мужчины в большей степени не согласны с тем, что сотрудник полиции чувствует себя полностью социально защищенным, и с тем, что сотрудники полиции получают хорошую пенсию по выслуге лет.

Женщины меньше согласны с тем, что сотрудник полиции пользуется в нашем обществе большим уважением, что сотрудники полиции всегда следят за своим здоровьем, что при возникновении проблем эмоционального характера у сотрудника полиции ему всегда поможет грамотный психолог. Респонденты-женщины также не согласны с тем, что у полицейских всегда крепкие семьи. Кроме того, женщины обращают внимание и на материальные аспекты профессиональной и семейной жизни, не соглашаясь с тем, что в последние годы материально-техническое оснащение полиции значительно улучшилось, а зарплата сотрудника стала хорошей.

Таким образом, мы видим, что мужчины больше сосредоточены на профессиональных и материальных аспектах своей жизни (отношение с коллегами, оплата труда и благополучие семьи, социальная защита). Женщин больше волнуют проблемы здоровья, эмоционально-психологического состояния, наличия крепкой семьи.

Анализ коэффициентов согласия, полученных в табл. 4, в общем и целом подтверждает выводы, сделанные по данным табл. 3.

Как видно из данных табл. 4, респонденты-мужчины в большей степени уверены в том, что в полиции можно получить знания и связи, которые пригодятся после службы. Женщины отметили, что сотрудники полиции рано выходят на пенсию.

Если в табл. 3 наиболее противоречивую оценку у мужчин и женщин получил тезис о государственной поддержке семьи в случае гибели сотрудника, то в табл. 4 максимально противоречивые оценки у респондентов получили целых три тезиса. Так, мужчины, по сравнению с женщинами, категорически не согласны с тем, что сотрудники полиции и их родственники получают бесплатное медобслуживание в ведомственных поликлиниках и больницах, что после срочной службы в армии работа в полиции – наилучший выбор и что в полиции заботятся о своих ветеранах и пенсионерах.

Остальные тезисы получили у респондентов обоюдо отрицательный коэффициент согласия. Так, женщины больше, чем мужчины не согласны с тем, что на службу в полицию приходят с целью скорейшего решения жилищного вопроса, что сотрудники полиции имеют неограниченную власть над простыми людьми, что значительная часть полицейских происходит из социально неблагополучных семей.

Мужчины в большей мере не согласны с тем, что, если ты работаешь в полиции, то тебя уважают все соседи, что дети сотрудников полиции бесплатно приглашаются на различные интересные мероприятия и праздники, что служба в полиции – хороший шанс быстро сделать карьеру.

Таким образом, видно, что мужчины больше сосредоточены на вопросах службы и карьеры, однако они вполне осознают трудности работы полицейского и понимают, что для продвижения

по карьерной лестнице приходится прикладывать много усилий. Что касается оценки полицейскими-мужчинами социальных льгот, то или сотрудники не используют все эти возможности, или объем предоставляемых льгот пока недостаточен.

В третьей группе вопросов использовалась трехзначная оценочная шкала: «никогда» – «иногда» – «чаще всего». Респондентам было предложено оценить, какие из приведенных суждений наибольшим образом отражают реальную ситуацию (см. табл. 5).

Мужчины больше, чем женщины, согласны с тем, что денежное довольствие сотрудников является основным средством их материального обеспечения, что сотрудник полиции спокоен и уверен в своем будущем, как и с тем, что меры дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД являются чересчур строгими, что сотрудник полиции опасается, что в отношении него будет возбуждено уголовное дело.

Женщины больше убеждены в том, что сотрудник полиции имеет достойный уровень жизни и не испытывает материальных трудностей, а размер премий и поощрительных выплат вполне компенсирует трудности, возникающие в работе сотрудника полиции. Кроме того, по их мнению, у сотрудников полиции в случае необходимости есть возможность получить хорошую материальную помощь. Они также считают, что за хорошую работу сотрудники полиции награждаются государственными наградами и почетными званиями РФ. Чуть чаще мужчин женщины-полицейские считают, что сотрудники полиции вынуждены дружить только с другими полицейскими. Для женщин более приемлемо, что во время прохождения службы сотрудники полиции имеют собственный легальный бизнес.

Таким образом, как уже было сказано выше, мужчины связывают свое будущее с работой, именно она дает им спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Как правило, для мужчин денежное довольствие – единственный источник дохода, поэтому все меры дисциплинарной ответственности, угрожающие карьере и материальному благополучию, являются для них крайне нежелательными.

Женщины в материальном плане более спокойны, их вполне устраивают все существующие формы поощрения за хорошую работу. Общаться во вне рабочее время они предпочитают с семьями своих коллег. При этом женщины более терпимы к занятию легальным бизнесом параллельно со службой.

В этом плане очень интересным является сравнительный анализ восприятия ситуации в семьях сотрудников полиции мужчинами и женщинами. Мужчины больше, чем женщины, уверены в том, что дом и семья – это надежный тыл полицейского. Семья, по мнению мужчин, должна жить дружно, а в брак следует вступать один раз на всю жизнь. Женщины настроены на брак с

мужчинами-полицейскими. Интересно, что среди опрошенных в процентном отношении в зарегистрированном браке состоит больше мужчин, а в незарегистрированном – больше женщин. Бездетных женщин также больше.

Поселенческие особенности социального самочувствия полицейских

Отметим, что и у городских, и у сельских респондентов практически одинаковое восприятие будущего – 37% опрошенных смотрят в будущее со спокойствием, более 50% – с надеждой и оптимизмом. Тревога и пессимизм в обоих случаях фиксируются менее чем у 10% респондентов.

У большинства городских жителей жизнь за последние два–три года улучшилась, у большинства сельских – не изменилась.

Что касается наиболее актуальных проблем, волнующих полицейских, то городских жителей больше волнует невозможность продвинуться по службе, а сельских – большое количество писанины, бюрократизм. Кроме того, жителей области также больше волнует отсутствие времени на семью из-за работы.

Городские полицейские считают, что у них всегда хорошие отношения со своими коллегами по службе, а также что работа сотрудника полиции связана с целым рядом рисков для жизни и здоровья. Скорее всего, ощущение повышенного риска вызвано анонимностью и атомизированностью городского общества, поэтому ощущение опасности сильнее, чем в сельской местности, где все друг друга хорошо знают. Но при этом именно в области родные и близкие полицейского больше беспокоятся за него.

Что касается тезисов, получивших отрицательный коэффициент согласия, то именно городские сотрудники в большей степени не согласны с тем, что у полицейских всегда крепкие семьи и что у сотрудников полиции хорошая зарплата. То же относится и к оценке сотрудниками своих жилищных условий. Кроме того, городские полицейские чаще не согласны с тем, что сотрудник полиции пользуется в нашем обществе большим уважением. Действительно, разводов в городе больше. У полицейских, проживающих в области, как правило, есть свое подсобное хозяйство и частный жилой дом, именно поэтому жилищные условия у них лучше, а свое хозяйство помогает легче переживать ситуации с нехваткой денежных средств. Поскольку в сельской местности людей связывают не только служебные, но и личные, соседские отношения, то взаимное уважение сохраняется у людей, как правило, независимо от их профессий.

Полицейские, работающие вне города, больше не согласны с тем, что сотрудник полиции чувствует себя полностью социально защищенным и что в настоящее время обеспечивается хорошая

правовая защита сотрудников полиции, а также с тем, что они получают хорошую пенсию по выслуге лет. Тезис о том, что в случае гибели сотрудника при исполнении служебных обязанностей государство будет помогать его семье, получил у городских полицейских положительный коэффициент согласия (хоть и минимальный), а у полицейских, работающих в области, – отрицательный. Вероятно, такие оценки связаны с тем, что случаев, когда сотруднику полиции требуется хорошая социальная и правовая защита, а также забота о его семье, в сельской местности меньше, чем в городе.

Респонденты, работающие в области, не согласны с тем, что сотрудники полиции всегда следят за своим здоровьем. Это может быть связано с тем, что в области еще не сформировалась фитнес-культура, а также общее отношение к своему здоровью у негородских жителей проще. Тезис о том, что большинство полицейских продолжают семейную традицию службы в силовых структурах, получил у респондентов, работающих в городе, положительный коэффициент согласия, а у их сельских коллег – отрицательный, т.е. наследование профессии родителей более типично для городских сотрудников полиции.

Кроме того, работающие в городе больше уверены в том, что в полиции можно получить знания и связи, которые пригодятся после службы.

Что касается тезисов, получивших отрицательный коэффициент согласия, то полицейские, работающие в сельской местности, в большей степени не согласны с тем, что сотрудники полиции не испытывают материальных трудностей, и они, и их родственники получают бесплатное медобслуживание в ведомственных поликлиниках и больницах, что дети сотрудников полиции бесплатно приглашаются на различные интересные мероприятия и праздники, что в полиции заботятся о своих ветеранах и пенсионерах. Негородские полицейские имеют больше материальных проблем, меньше ощущают социальную поддержку со стороны государства, кроме того, они не так сильно рассчитывают на использование полезных знаний и связей, полученных во время службы, по завершении карьеры полицейского. Это подтверждается и тем, что респонденты, работающие в области, в большей степени не согласны, что служба в полиции – хороший шанс быстро сделать карьеру, что после срочной службы в армии работа в полиции – наилучший выбор.

Городские полицейские меньше уверены в том, что сотрудников полиции уважают все соседи, в полицию приходят с целью скорейшего решения жилищного вопроса, что значительная часть полицейских происходит из социально неблагополучных семей. Городские полицейские, не зная (в отличие от полицейских, работающих в области) своих соседей лично, не уверены в их хорошем отношении к себе. Выявляется понимание того, что карьера в полиции делается не быстро, а продолжение военной карьеры позволяет

скорее решить острые социальные вопросы, например жилищный.

Полицейские, работающие в городе, считают, что зарплата сотрудников является основным средством их материального обеспечения, что члены их семей гордятся профессией полицейского, что сотрудник полиции спокоен и уверен в своем будущем. Действительно, по завершении службы в полиции у городских полицейских гораздо больше возможностей трудоустройства по сравнению с их сельскими коллегами.

Сотрудники, работающие в сельской местности, считают, что размер премий и поощрительных выплат вполне компенсирует трудности, возникающие в работе полицейского, да и претензий к заработной плате у них чуть меньше. Это еще раз подтверждает вывод о том, что подсобное хозяйство помогает переживать возникающие финансовые трудности. Однако сотрудники, работающие на селе, больше их городских коллег опасаются того, что в отношении них может быть возбуждено уголовное дело. Скорее всего, это связано с тем, что факт неприятностей по службе у сотрудника полиции мгновенно станет достоянием общественности, а в сельской местности все друг друга знают и помнят о всех неприятностях, произошедших с каждой семьей.

Полицейские, работающие в сельской местности, склонны считать, что их соседи испытывают настороженность, общаясь с членами семьи полицейского, что сотрудники могут ощущать неприязненные отношения со стороны близких или знакомых, поэтому, в отличие от городских полицейских, сельские сотрудники полиции в ряде случаев вынуждены дружить только с другими полицейскими. Вызвано это тем, что в сельской местности штрафы, аресты и иные формы наказания персонафицированы и связаны с конкретным сотрудником полиции, который вполне может быть хорошим знакомым, одноклассником или соседом.

Интересным является сравнение ситуаций в семьях сотрудников полиции, работающих в городе и сельской местности. Как правило, в семьях у негородских сотрудников полиции двое и более детей, а брак заключается один раз и на всю жизнь (состоящих в браке среди них тоже больше). При этом городские сотрудники полиции в большей степени уверены, что их супруги понимают и поддерживают.

Социальное самочувствие сотрудников, имеющих детей, несколько отличается от бездетных сотрудников. В частности, их жизнь более стабильна и спокойна, но она не стала лучше за последние годы, и потому настроение у них менее оптимистично, чем у бездетных сотрудников. Первых меньше беспокоят карьерные возможности и перспективы, но сильно заботит отсутствие достаточного времени на семью из-за большого количества работы, т.е. оторванность от семьи. При этом у сотрудников, не имеющих детей, лучше отношения с коллегами по работе,

они больше времени уделяют своей профессиональной и физической подготовке, задумываются о хорошем образовании, знаниях и связях, которые дает служба в полиции, а также о риске, связанном с работой полицейского.

Сотрудники с детьми больше беспокоятся о том, будет ли государство помогать семье в случае их гибели при исполнении служебных обязанностей, о правовой защите сотрудников. Им не хватает денег (даже в форме премий и поощрительных выплат, не так сильны ожидания получить награду за хорошую работу), они меньше следят за своим здоровьем, больше думают о жилищных проблемах. Сотрудники с детьми считают, что члены их семей беспокоятся о них, при этом значительно в меньшей степени, по сравнению с бездетными сотрудниками, они убеждены в крепости семей полицейских.

Сотрудники с детьми меньше бездетных сотрудников убеждены в том, что полицейские имеют неограниченную власть над простыми людьми, что на работу в полицию приходят ради быстрого обогащения, а также в достаточности мер пенсионного и социального обеспечения полицейских, в достаточности заботы об их детях. При этом их внеслужебное общение часто ограничивается дружбой с другими семьями полицейских. Поскольку беспокойство о своем будущем у сотрудников с детьми сильнее, они чаще задумываются о необходимости заниматься легальным бизнесом параллельно с работой.

Таким образом, при анализе социального самочувствия полицейских становятся очевидными гендерные и поселенческие факторы, влияющие на общее восприятие ситуации респондентами, проявляющиеся в различных оценках уровня социальной защищенности, оплаты труда и премирования, карьерных перспектив, удовлетворенности жилищными условиями, отношениями с коллегами, друзьями, соседями, а также семейной жизни.

Примечания

¹ См.: Любчук О. К., Лунев В. Е. Социально-психологический портрет полицейского: методика и результаты исследования // Вестн. по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 112–124; Хилюк С. О. Особенности успешной адаптации к службе сотрудников органов внутренних дел // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2, № 5 (22). С. 728–730.

- ² См.: Русецкая Д. В. Психокоррекция негативных психических состояний у сотрудников правоохранительных органов // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всерос. симпозиума психологов / под ред. Д. В. Сочивко. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 757–764; Халфина Р. Р., Бакеев Д. А., Минуллин А. З. Особенности психологического становления сотрудников органов внутренних дел в процессе служебной деятельности // Вестн. ТГПУ. 2015. № 3 (156). С. 68–71.
- ³ См.: Волошина А. А. Рекомендации по организации и осуществлению социальной защиты сотрудников правоохранительных органов и членов их семей на примере ОВД РФ // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 188–190.
- ⁴ См.: Мальцева Т. В., Макаренко Ю. Б. К вопросу о профессиональной деформации личности сотрудников полиции // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: сб. ст. / ред. кол.: Л. Ф. Логинова [и др.]. М.: Перо, 2019. С. 117–123.
- ⁵ См.: Гончарова Е. М., Марьясис И. Б. Проблемы супружеских отношений в контексте развития семьи и их влияние на профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. тр. II Междунар. конф. / под ред. И. Н. Медведева, А. С. Осиповой. М.: МУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2018. С. 283–287.
- ⁶ См.: Хилюк С. О., Царева В. С. Проблемы бытовой толерантности сотрудников органов внутренних дел // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1, № 5 (22). С. 663–665.
- ⁷ См.: Реутов Е. В., Филонов Н. В. Эффективность реформы МВД России в свете общественной оценки полиции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 49–54.
- ⁸ См.: Чеманкова Е. Д. Создание гендера женщинами-полицейскими // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6 (154). С. 437–451; Коротких В. Н. Отражение гендерных стереотипов о женщинах-полицейских в современном российском социальном пространстве // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 222–227; Браженская Н. Е. Влияние профессиональной деятельности на изменение гендерной идентичности женщин-полицейских // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, № 4. С. 168–172.

Образец для цитирования:

Алексеев С. А., Шпилев Д. А., Шлягина Е. Н. Социальное самочувствие полицейских: гендерные и поселенческие особенности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 291–298. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-291-298>

Cite this article as:

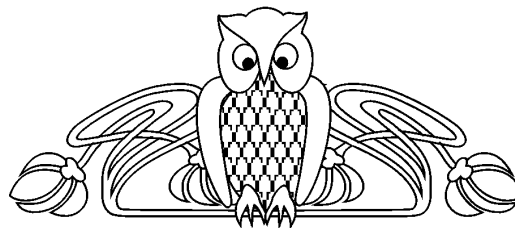
Alekseev S. A., Shpilev D. A., Shliagina E. N. Police Officers' Social Well-Being: Gender and Settlement Characteristics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 291–298 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-291-298>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.334.55/56

«Модельная сельская семья» («Сис ыал») как способ самоорганизации пожилой семьи

К. Д. Барашкова

Барашкова Клавдия Дмитриевна, аспирант, старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом, Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, bardka@mail.ru

В статье рассматривается действующая нормативная и правовая база Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) в сфере оказания государственной социальной помощи долголетним пожилым семьям. В статье ставится акцент на нарастающем особом интересе и внимании со стороны социальной политики государства к долголетним пожилым семьям, прожившим совместно 50 и более лет, которые как социально-демографическая категория населения являются малоизученной группой с научной точки зрения. Рассмотрены государственные и муниципальные виды помощи пожилым семьям-долгожителям в некоторых городах, областях и автономных округах России. В статье анализируются виды государственной помощи, материальной поддержки и наград долголетним пожилым семьям-юбилярам, реализуемые в Республике Саха (Якутия). Выявляются особенности социальной самоорганизации пожилой семьи в пределах конкретной сельской местности. В статье представлен социальный проект «Модельная сельская семья» – «Сис ыал» как условие и вершина самоорганизации семейной жизнедеятельности и способ сохранения долголетия пожилых семей. Посредством выборочного глубинного интервью с представителями расширенных семей конкретного муниципального образования выявлены основные факторы и условия формирования жизнедеятельности пожилой семьи и ее роли в социальном окружении. Проект «Сис ыал» нацелен на сохранение и социальную поддержку традиционных семейных ценностей, территориальной идентичности месту родового проживания.

Ключевые слова: пожилые люди, пожилая семья, социум, социокультурные условия, сельская местность, модельная сельская семья.

Поступила в редакцию: 01.02.2020 / Принята: 03.02.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

“Model Rural Family” (“Sis yal”) as a Way of Self-Organization of an Elderly Family

K. D. Barashkova

Klavdia D. Barashkova, <https://orcid.org/0000-0001-8153-4845>, North-Eastern Federal University, 58 Belinsky St., Yakutsk 677000, Russia, bardka@mail.ru

The article examines the current regulatory and legal framework of the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia) in the field of state's social assistance to long-term elderly families. The article focuses on the growing special interest and attention to the social policy of the state to long-term elderly families who have lived together for 50 years or more, who as a socio-demographic category of the population present an insufficiently studied group from the scientific point of view. The state and municipal types of assistance to elderly long-lived families in some cities, regions and autonomous districts of Russia are considered. The article analyzes the types of state's aid, material support and awards to long-term elderly families-anniversaries implemented in the Republic of Sakha (Yakutia). The features of social self-organization of an elderly family within a specific rural area are revealed. The article presents the social project «Model rural family» – «Sis yal» as a condition and peak of self-organization of family life and a way to preserve the longevity of elderly families. By means of the selective in-depth interview with representatives of extended families of a particular municipality the main factors and conditions for the formation of the life of an elderly family and its role in the social environment are identified. The project «Sis yal» is aimed at preserving and social support of traditional family values, territorial identity to the place of ancestral residence.

Keywords: elderly people, elderly family, society, socio-cultural conditions, rural area, model rural family.

Received: 01.02.2020 / Accepted: 03.02.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-299-302>

Увеличение доли пожилых людей в демографической структуре общества, усиливающаяся нестабильность семейно-брачных отношений, трансформация модели традиционной семьи в условиях глобальных социальных и природных изменений – далеко не полный перечень факторов, влияющих на институт семьи. Феномен старости, в том числе пожилой семьи, представляет собой сложную мировоззренческую проблему ценности жизни.

Демографическое старение требует особой инфраструктуры, ориентированной на удовлетворение социальных потребностей людей старше 65 лет. Подобные модернизации в первую очередь касаются сферы здравоохранения и социального обслуживания. Вместе с различными видами социального обслуживания создаются условия, обеспечивающие активное долголетие граждан пожилого возраста.

Социальная защита и поддержка пожилых людей в России выполняется на федеральном и

региональном уровнях. Нормативная правовая база Российской Федерации охватывает категории населения, нуждающиеся в социальной помощи, и защищает права, статус и положение в том числе пожилых граждан.

Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 г. разработана для исполнения поручения Президента РФ, данного по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста» 5 августа 2014 г. Необходимость подготовки стратегии обусловлена увеличением численности и доли граждан старше трудоспособного возраста в населении России, а также усложнением структуры социально-экономической группы пожилых людей¹.

Региональные нормативные акты регулируют отношения в сфере организации приемных семей для граждан пожилого возраста в Республике Саха (Якутия)², устанавливая меры социальной поддержки ветеранов тыла и ветеранов труда, постоянно проживающих на территории Республики Саха (Якутия), регламентируют оказание комплексной медико-социальной помощи гражданам старшего поколения³.

Нормативная, правовая база Российской Федерации обращена к помощи пожилым людям, но государственные меры оказания помощи обходят вниманием пожилые семьи. Только в ряде республик, областей и крупных городов Российской Федерации оказывается материальная помощь в виде денежных премий в соответствии со стажем совместно прожитой жизни (Удмуртия, Ханты-Мансийский автономный округ, Владимирская и Пензенская области, города Москва и Санкт-Петербург). Целевые меры поддержки семей долгожителей приняты в Республике Саха (Якутия). По отношению к пожилым семьям можно выделить только муниципальные виды помощи в виде премий (денежных наград) семьям-долгожителям.

В Москве распоряжением главы города учреждена премия: за 50 лет совместной жизни – 20 тыс. руб., 55–60 лет – 25 тыс. руб., 65–70 лет совместной жизни – 30 тыс. руб. В Пензенской области семьям, прожившим совместно 50 и более лет, полагается 5 тыс. руб., в Самаре – 10 тыс. руб.⁴

В Санкт-Петербурге семьи с большим стажем совместной жизни получают несколько больше: за 50, 60, 70 лет совместной семейной жизни – по 50, 60 и 70 тыс. руб. соответственно. Основное условие получения премии – иметь гражданство РФ и прописку в г. Санкт-Петербурге⁵.

В Удмуртии прожившим совместно 50 и более лет семьям-юбилярам, присуждается денежная премия в 50 тыс. руб. и за каждый последующий год прибавляется по 1 тысяче⁶. Такое же вознаграждение положено пожилым семьям,

прожившим совместно 50 и более лет в Ханты-Мансийском автономном округе⁷.

Во Владимирской области по постановлению Совета депутатов семьи, прожившие от 50, 60 и 70, получают аналогичные возрасту денежные премии. Премия присуждается пожизненно⁸.

В Якутии в 2015 г. на госсобрании депутатов Ил Тумэн депутатом из г. Нерюнгри был подготовлен и предложен законопроект «О единовременной денежной выплате супругам к юбилеям совместной жизни»: за 50 лет совместной жизни – 10 тыс. руб., 60 лет – 20 тыс. руб., 70 лет – 30 тыс. руб. Проект не был реализован.

В настоящее время в республике за семейное долголетие полагаются следующие виды наград:

– медаль «За любовь и верность» вручается в День любви, семьи и верности. Медаль присуждается семьям, прожившим совместно не менее 25 лет. Награждаемые семьи должны быть достойными членами общества, отличаться вкладом в общественные дела, в трудовую деятельность, воспитание детей;

– включение в книгу «Золотые семьи Якутии», которая посвящена семьям-долгожителям. Организаторы и ответственные – органы Управления ЗАГС и Правительство Республики Саха (Якутия). Основные требования для включения в книгу: 50 лет совместной семейной жизни, воспитание достойных граждан для общества, вклад в социально-экономическое развитие общества, признание обществом вклада данной семьи, активная гражданская и общественная активность. Книга «Золотые семьи Якутии» – уникальный проект, реализуемый только в Республике Саха с 2007 г. Издано 5 книг и ожидается издание 6-й книги. В каждой книге сведения о 80 семейных парах. Семья или близкие и родственники должны подать ходатайство для включения в книгу через органы Управления ЗАГС;

– награда «Семейная доблесть» учреждена Управлением ЗАГС. Финансируется по программе Правительства РС (Я) «Реализация семейной демографической и молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на 2014–2019 годы». Награждаются семьи, прожившие совместно не менее 50 лет, являющиеся примером для общества, воспитавшие детей достойными гражданами;

– «Благодарственное письмо Ил Дархана» вручается вместе с наградой «Семейная доблесть». Письмо учреждено Управлением ЗАГС, с 2019 г. вручается семьям, прожившим совместно 50 и более лет, за укрепление института семьи. В первой половине 2019 г. благодарственным письмом награждены 115 семей в честь юбилея семьи⁹.

Социальная политика государства не предусматривает специализированных видов помощи для пожилых семей. Проведенное нами социологическое исследование (2018–2019 гг.) в

виде глубинного интервью 23 долголетних пожилых семей Республики Саха (Якутия) выявило, что половина респондентов пожелали прибавку к пенсии, восьмая часть опрошенных хотели бы, чтобы их приглашали на торжественные праздники и мероприятия, посвященные теме семьи, каждый четвертый респондент хотел бы, чтобы для них организовывали разные мероприятия (именно для пожилых долголетних семей) и оказывали социальную помощь. Но треть респондентов считают, что о пожилых семьях должны заботиться их дети, не перекладывая заботу о них на государство.

Результаты нашего исследования также показали, что пожилые семьи (73%) самодостаточны в организации своей жизни, не требуют какой-либо особой помощи со стороны приходящих социальных работников, так как эти функции замещаются ресурсами взаимоподдержки и поддержки (эмоциональной, материальной) со стороны детей, родственников. Долголетние пожилые семьи считают, что не нуждаются в посторонней помощи и что нужно оказывать помощь другим, более нуждающимся. В помощи волонтеров нуждаются 30,4% (7) семей, 26% (6 семей) нуждаются в помощи социальных работников. В целом, отвечая на данный вопрос, наши респонденты не считали себя категорией населения, которая выделяется чем-то особенным и остро нуждающимся в заботе со стороны государства. Пожилые семьи признавали только нехватку физических сил, чтобы справляться с подсобным хозяйством. Пожилые семьи включены в различные социальные общности и группы, они активно занимаются и профессиональной деятельностью. Супруги выполняют друг для друга множество функций, заменяющих им профессионалов и специалистов, например, функции психолога, так как совместно прожитые 50 и более лет позволяют им хорошо разбираться в эмоциональном состоянии друг друга, функции медсестры, диетолога.

С целью апробации нашего понимания концептуализации жизненного мира пожилых семей эмпирическим путем нами разработан и апробирован проект «Сис ыал» («Модельная сельская семья»). Большинство наших респондентов – пожилые семьи, проживающие в сельской местности. Основная их доля проживает самостоятельным домашним хозяйством, в том же селе живут их родственники, которые всегда поддерживают и готовы прийти на помощь.

Понятие «Сис ыал» мы рассматриваем как вершину самоорганизации семьи с нескольких точек зрения:

– во-первых, экономическая – подразумевает тип семьи, в котором высокое качество жизни в финансовом и материальном плане. «Сис ыал» поддерживает свою расширенную семью финансово, помогает с поиском работы или обеспечивает работой;

– во-вторых, с морально-нравственной – это семья с высокими моральными ценностями, соблюдает нравственные нормы местного сообщества, «порядочная», с точки зрения их земляков;

– в-третьих, обладающая крепкими родственными отношениями – зачастую «Сис ыал» образуют практически клановую общность в сельской местности, которая распространяет свое влияние на все местное сообщество.

В качестве модельного якутского села нами было выбрано село Толон Бахсытского наслега Чурапчинского улуса (района), располагающееся в 140 км от города Якутска и в 100 км от районного центра. В селе на 1 января 2019 г. проживали около 400 жителей, из них детей школьного возраста – 67. Население преимущественно среднего и зрелого возраста, от 25 лет до 70. Пожилых семей нет, как нет и жителей старше 80 лет, что в наше время характерно для сельских поселений Якутии. В нашем исследовании приняли участие 6 семей села, расширенного типа, которые, по мнению местных жителей, являются представителями самых авторитетных семей.

Определяемые нами как «модельные семьи» («Сис ыал»), данные семьи имеют свои большие крепкие крестьянские хозяйства (содержат коров и лошадей), сенокосные угодья, сдают молочную и мясную продукцию. Все имеют наемных работников, особенно летом в сезон сенокоса. В семьях мужья являются коренными жителями, три и более поколений их семей проживали и проживают в Бахсытском наслеге, поэтому у мужчин много братьев, двоюродных и троюродных родственников. Некоторые семьи имеют родственные связи друг с другом.

В трех семьях жены являются не местными. Все семьи, кроме одной семьи Н., имеют большое количество детей, но семья со стороны мужа имеет около 20 проживающих в этом селе родственников. Дети со своими семьями живут вместе с родителями. Если и уезжают учиться, работать, возвращаются на родину уже с собственными семьями.

При этом семья Н. отмечает, что нужно приложить усилия по отношению к «некоторым мужчинам-родственникам, которые не имеют постоянной работы, живут на иждивении родителей и жен». Нужно помочь им трудоустроиться на постоянную работу или временные, сезонные виды работ.

Все указанные семьи пользуются авторитетом у населения не только своего села, но и района, так как являются известными фермерами, благотворителями, обладателями грантов республики для поддержки и развития фермерских хозяйств. Глава семьи и крупного фермерского хозяйства В. является почетным благотворителем Республики Саха (Якутия), инициировав и построив социальный объект – детский сад.

Самой старшей в селе является семья Н., глава семьи – признанный лидер, руководитель,

возглавлявший развитие своего села еще с советских времен. С его помощью жителям села удалось в свое время отстоять земельные угодья надела, и сегодня он возглавляет Совет старейшин села.

Главная особенность «Сис ыал» в сельской местности – это автономное существование с опорой на собственные физические, профессиональные, духовно-нравственные ресурсы.

Частью нашего проекта является возрождение земель-алаасов с заброшенными домами – сайылык (пер. с якут. – летниками). Задача этого проекта – сохранение своей территории родового проживания и разработка карты расселения родов надела, что будет иметь историческое значение и позволит ныне живущим и будущим поколениям оберегать свои исконные земли.

Роль «Сис ыал» в данном проекте состоит в том, что данные семьи должны взять на себя ответственность за земли, родовую территорию для сохранения и укрепления семейных уз, связей.

Проектом «Сис ыал» («Модельная сельская семья») предпринята попытка объяснить создание и сохранение самобытного и социально-культурного мира ресурсно сильных семей села, в котором осуществляется жизнь пожилых семей. Этот мир и является жизненным миром семьи, который образуется посредством специфических взаимодействий и взаимоотношений между людьми и социумом. Проект «Сис ыал» – это способ организации семейной жизнедеятельности людей.

Примечания

- 1 См.: Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Об организации приемных семей для граждан пожилого возраста в Республике Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 21.02.2013 1159-3 № 1229-IV (в ред. от 14.03.2016 1607-3 № 771-V). URL: <http://docs.cntd.ru/document/453126226> (дата обращения: 03.11.2019).

- 3 См.: О социальной поддержке ветеранов тыла и ветеранов труда в Республике Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 21.02.2013 1160-3 № 1227-IV. URL: <https://mintrud.sakha.gov.ru/zakony-i-npa-rsja/zakon-respubliki-saha-jakutija-ot-21022013-g-1160-z-1227-iv-o-sotsialnoj-podderzhke-veteranov-tyla-i-veteranov-truda-v-respublike-saha-jakutija-novaja-redaktsija> (дата обращения: 03.11.2019).
- 4 См.: Социальные выплаты к 50-, 60-, 70-летию супружеской жизни // Информационно-правовой портал «Ваш юридический помощник». URL: <https://sqit.ru/sotsialnye-vyplaty-k-50-60-70-letiyu-supruzheskoj-zhizni/> (дата обращения: 05.11.2019).
- 5 См.: Единовременная выплата семейным парам к юбилеям их супружеской жизни // Навигатор по государственным сайтам Санкт-Петербурга. URL: <https://gu.spb.ru/188145/traditional/> (дата обращения: 05.11.2019).
- 6 См.: В Удмуртии увеличат единовременное пособие для супружеских пар-юбиляров. URL: <http://www.myudm.ru/node/14663> (дата обращения: 05.11.2019).
- 7 См.: Виды мер социальной поддержки и их размеры, предоставляемые жителям Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за счет средств бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Департамент социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://depr.admhmao.ru/skoraya-sotsialnaya-pomoshch/vidy-mer-sotsialnoy-podderzhki-i-ikh-razmery/2627432/vidy-mer-sotsialnoy-podderzhki-i-ikh-razmery-predostavlyаемые-zhitelyam-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga> (дата обращения: 05.11.2019).
- 8 См.: *Абрамов А. П.* Информация о ходе выполнения администрацией Владимирской области обязательств, включенных в Соглашение между администрацией Владимирской области, Советом Владимирского областного объединения организаций профсоюзов, президиумом регионального объединения работодателей «Ассоциация работодателей и товаропроизводителей Владимирской области» по регулированию социально-трудовых отношений на 2012–2014 годы, по итогам 2014 года. С. 72. URL: <https://gu.spb.ru/188145/traditional/> (дата обращения: 05.11.2019).
- 9 См.: *Томская Р.* Ыыстаастаах ыалга туох нагараада баарый? (Какие награды есть для семей со стажем?) // Киин Күорат (Столица). 2019. 1 авг. С. 3.

Образец для цитирования:

Барашикова К. Д. «Модельная сельская семья» («Сис ыал») как способ самоорганизации пожилой семьи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 299–302. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-299-302>

Cite this article as:

Barashkova K. D. “Model Rural Family” (“Sis ya”) as a Way of Self-Organization of an Elderly Family. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 299–302 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-299-302>

УДК 343.16(470+571)

Роль профсоюзных организаций малого и среднего бизнеса в общественном контроле за деятельностью органов государственной власти

Р. Н. Первякова

Первякова Раиса Николаевна, аспирант кафедры социологии управления, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, pervya.com@mail.ru

В статье проанализирована деятельность различных Общероссийских общественных организаций и профессиональных союзов Российской Федерации, таких как Российский союз промышленников и предпринимателей, Российский профсоюз работников малого и среднего бизнеса, Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». Выявлены их основные цели и задачи: максимальная защита членов, стремление развития предпринимательства в государстве, налаживание обратной связи с властными структурами, осуществление общественного контроля и проч. Определено, что деятельность этих организаций направлена на поиски путей решения в самых различных сферах: правовая защита, реализация государственной поддержки, налаживание диалога между руководителями малого и среднего бизнеса и представителями органов государственной власти. Также анализ показал, что организации имеют определенную структуру и состоят из комитетов, комиссий и подразделений, каждое из которых выполняет определенные функции в своем направлении. Дана оценка развитию общественных организаций Донецкой Народной Республики. Проанализирована деятельность общественной организации «Профессиональный союз работников, предпринимателей торговли и общественного питания Донецкой Народной Республики». Определены недостатки функционирования альтернативных общественных организаций, а также причины их закрытия. Установлена схожесть приоритетных направлений развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике. Предложено заимствование российского опыта в организации деятельности общественных профессиональных союзов и других структур в Республике.

Ключевые слова: общественная организация, профессиональный союз, малый и средний бизнес.

Поступила в редакцию: 10.10.2019 / Принята: 10.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Role of Trade Union Organizations of Small and Medium-Sized Businesses in Public Control Over the Activities of Public Authorities

R. N. Pervyakova

Raisa N. Pervyakova, <http://orcid.org/0000-0003-0572-3673>, Donetsk State Academy for Management and Public State Service under the Head of the Donetsk People's Republic, 163a Chelyuskintsev St., Donetsk 283015, pervya.com@mail.ru

The article analyzes the activities of various All-Russian public organizations and professional unions of the Russian Federation such as the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Russian Professional Union of Workers of Small and Medium-Sized Businesses, All-Russian Public Organization of Small and Medium Entrepreneurship "Support of Russia". Their main goals and objectives are identified: the maximum protection of members, the promotion of entrepreneurship in the state, establishment of bilateral relations with the authorities, the implementation of public control, etc. It is determined that the activity is aimed at finding solutions in a wide range of activities: legal protection, implementation of state support, establishing a dialogue between the leaders of small and medium-sized businesses and representatives of public authorities. The analysis also showed that organizations have a certain structure and consist of committees, commissions and units, each of which performs certain functions in its field. The development of public organizations of the Donetsk People's Republic was evaluated. The activity of the public organization "Trade Union of Workers, Entrepreneurs of Trade and Food Service of the Donetsk People's Republic" is analyzed. The shortcomings of functioning of alternative public organizations and also the reasons of their closing are defined. Similarity of priority activities of development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation and Donetsk People's Republic is revealed. It is proposed to learn from Russian experience in organizing the activities of public trade unions and other structures in the Republic.

Keywords: public organization, trade union, small and medium-sized businesses.

Received: 10.10.2019 / Accepted: 10.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-303-306>

На протяжении многих десятилетий профессиональные союзы прочно вошли в жизнь предприятий и организаций. Документами, предшествующими современным трудовым кодексам, были кодексы бывших союзных республик СССР, КЗоТ РСФСР 1918 и 1922 гг. Как прежде, так и в настоящее время, КЗоТ устанавливал нормы привлечения к труду. Кроме заключения трудового договора между работником и администрацией заключался также коллективный договор между профсоюзом и администрацией предприятия. Коллективным договором регламентировались условия труда, условия заработной платы, правила внутреннего трудового распорядка. Сфера действия трудового законодательства распространялась на все формы собственности предприятий (государственную, частную), а также на общественные организации и кооперативы¹.

С возникшими изменениями: распадом Советского Союза, открытием «железного занавеса», вхождением капитализма на постсоветское пространство, приватизацией предприятий и организаций, все большую популярность стало набирать частное предпринимательство. Частный предприниматель (ЧП) на территории Украины, индивидуальный предприниматель (ИП) в Российской Федерации, физическое лицо-предприниматель (ФЛП) на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) – термины, используемые в различных государствах для ведения частной предпринимательской деятельности физическим лицом.

Начиная предпринимательскую деятельность, субъект хозяйствования столкнулся с теми же организаторскими и юридическими вопросами, что и предприятия всех форм собственности: наем работников, налогообложение, разрешительные документы на ведение деятельности и проч. Так или иначе, предприниматель вынужден придерживаться норм действующего законодательства, касающегося его деятельности. Таким образом, возник вопрос о необходимости объединения таких субъектов хозяйствования в организацию, где они могли бы отстаивать свои интересы, обладать защитой от контролирующих органов, поскольку самозанятое общество не является наемными работниками и не может рассчитывать на защиту профсоюзов как персонал на предприятиях. Кроме того, перед предпринимателем появились проблемы, далеко выходящие за рамки трудовых.

Для решения возникших проблем в Российской Федерации в 1991 г. была создана и преобразована в Общероссийскую организацию, а далее учрежден Российский союз промышленников и предпринимателей (далее – РСПП). На протяжении 1992–2000 гг. основными задачами РСПП были: формирование видения проблем и разработка путей экономического развития; разработка законодательных предложений, поиски воздействия на реализацию необходимых реформ.

Еще ранее, на учредительном съезде 28 ноября 1989 г., образовано Общероссийское общественное объединение, в дальнейшем получившее название «Российский профсоюз работников среднего и малого бизнеса». Главной задачей профсоюза является защита прав и законных интересов членов профсоюза, защита работающих в малом и среднем предпринимательстве и всемерная поддержка и защита самого предпринимательства. На практике для реализации своих задач профсоюз взаимодействует с органами государственной власти всех уровней, некоммерческими организациями и объединениями, гражданами РФ. Также он сотрудничает с аналогичными общественными организациями Белоруссии, Молдовы, Украины и других стран СНГ². Таким образом, профсоюз взял на себя в том числе и функцию обществен-

ного контроля за деятельностью органов государственной власти.

В новейшей истории Российской Федерации появилась еще одна Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». Ее деятельность направлена на поиски путей решения в самых различных сферах бизнеса: правовая защита, реализация государственной поддержки, налаживание диалога между руководителями малого и среднего бизнеса и представителями органов государственной власти. На практике же при участии «Опоры России» разрабатываются федеральные законы, например: о защите конкуренции, о развитии малого и среднего предпринимательства, о введении моратория на плановые проверки в отношении малого бизнеса, о замене административного штрафа предупреждением при первичном выявлении правонарушения, а также для ИП в отдельных сферах введены «налоговые каникулы» и проч.³

Организация включает комитеты и комиссии по различным направлениям, таким как: комитеты по развитию женского предпринимательства, по развитию предпринимательства в муниципальных образованиях, по социальному развитию и трудовым отношениям и другие, комиссии по ЖКХ, по малоформатной и мобильной торговле, по рекламе и многие другие. Одна из важнейших сфер деятельности организации «Опора России» – экспертиза и аналитика. Центр экспертизы и аналитики рассматривает проблемные вопросы в сферах налогов, финансов, антимонопольного регулирования и др. Как указано на сайте организации (<http://opora.ru/>), в среднем она анализирует более 300 запросов оценки регулирующего воздействия нормативно-правовых актов и около 2000 других запросов от государственных органов и бизнеса, готовит примерно 800 заключений на законопроекты и проекты нормативных актов, предложений по внесению изменений в законодательство, консультаций предпринимателей по вопросам правоприменения. Также приоритетным направлением деятельности «Опоры России» является развитие международного сотрудничества и организация деловых контактов предприятий малого и среднего бизнеса Российской Федерации с предпринимателями зарубежных стран.

Анализ существующих и действующих общероссийских общественных организаций, в том числе и профессиональных союзов, показал, что в Российской Федерации ведется активная работа по развитию малого и среднего предпринимательства. При разработке нормативно-правовой базы приглашаются к участию представители бизнеса, что способствует созданию «рабочих» документов, уменьшает необходимость внесения изменений ввиду недостаточной осведомленности законодателя в той или иной сфере. Руководство страны и регионов заинтере-

совано в процветании предпринимательства, тем самым всячески поощряет инициативу в предложении законопроектов, создание комиссий и комитетов по отдельным острым вопросам. Все вышеуказанные действия в будущем, по мнению руководства страны, будут способствовать росту экономики, улучшению социальной сферы, повышению благосостояния граждан, укреплению имиджа страны на мировой арене.

Что касается учреждения подобных организаций на территории Донецкой Народной Республики, то тут не все так безоблачно. Несмотря на сложную ситуацию, в которой оказалась ДНР, а именно экономическая блокада со стороны Украины, международно-правовой статус непризнанности со стороны государств-членов ООН (в мае 2014 г. ООН отклонила обращение Верховного Совета ДНР с просьбой о признании суверенитета ДНР), предприниматели стремятся к осуществлению коммерческой деятельности, развитию экономики Республики, улучшению финансового состояния населения региона⁴. На сегодняшний день местом, которое объединяет субъектов хозяйствования, занимающихся предпринимательской деятельностью, является Общественная организация «Профессиональный союз работников, предпринимателей торговли и общественного питания Донецкой Народной Республики», которая входит в состав Федерации профсоюзов ДНР. Это чуть ли не единственная площадка, объединившая физических лиц-предпринимателей для решения совместных проблемных вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью. В связи со становлением и развитием ДНР, отсутствием разработанного механизма обратной связи между представителями бизнеса и органами государственной власти профсоюз взял на себя задачи, связанные с урегулированием отношений между ФЛП и власти. Основной целью стала защита интересов и прав в отношениях с работодателем, действующей властью. В современных условиях профсоюз дает защиту от несправедливых претензий со стороны контролирующих органов, наложений и взысканий необоснованных штрафных санкций, обеспечивает юридическую поддержку, дает возможность влиять на социальную, налоговую, законодательную политику. Как показала практика, с момента создания Федерации профсоюзов ДНР (2015) Профсоюз работников, предпринимателей торговли и общественного питания ДНР провел множество круглых столов, собраний, вынося на обсуждение острые насущные вопросы. Результатами их решений стали десятки изменений, внесенных в уже принятые нормативно-правовые акты. К сожалению, на сегодняшний день работа профсоюза направлена больше на исправление ошибок, допущенных законодателем, чем на эффективную помощь в разработке законопроектов и проектов нормативных документов. Ссылаясь на опыт РФ,

ввиду интеграции ДНР именно в эту страну, необходимо заимствование данного опыта.

Попытки создания еще одной организации, которая объединила бы предпринимателей Республики, конечно были. В 2015 г. создана Общественная организация «Союз предпринимателей ДНР», целью которой планировалось развитие предпринимательства в ДНР, расширение возможностей участников Союза в их производственном, научно-техническом и социальном развитии. Но, к сожалению, последняя новость на официальном сайте <http://sp-dnr.ru/> датирована 16.06.2016, что свидетельствует о практическом застое указанной организации⁵. Попытку создания альтернативной организации, объединяющей предпринимателей ДНР, в сферу деятельности которой входил бы и общественный контроль, можно расценивать как неудачную. Таким образом, на данный момент активный оборот в объединении заинтересованных предпринимателей, а также формировании обратной связи и зарождении общественного контроля набирает Профсоюз работников, предпринимателей торговли и общественного питания ДНР.

Из информации, представленной на официальном сайте, видно каким образом выстраивается работа профсоюза. Изначально законодатель публикует нормативный акт, регламентирующий ту или иную предпринимательскую деятельность или всего бизнеса, и, как показывает нормотворческая практика, зачастую такие нормативные документы либо не работают, либо требуют изменений, вызывая аргументированное недовольство субъектов хозяйствования. Члены профсоюза организуют собрания, готовят вопросы, приглашают представителей законодателя, разрабатывают предложения, приводят доводы касательно отмены документа или его корректировки. Зачастую такие собрания приводят к положительному результату, и законодатель вынужден подчиниться общественному мнению. Таким образом, с помощью деятельности профсоюза в Республике осуществляется общественный контроль за работой органов государственной власти.

Если провести сравнительный анализ взаимодействия общественных организаций и власти в РФ, а также профсоюзов и государственных органов ДНР, то становится очевидным тот факт, что организации придерживаются одинаковых целей и задач: максимальная защита членов, развитие предпринимательства в государстве, налаживание обратной связи с властными структурами, осуществление общественного контроля и проч. Недостатком общественного контроля в Республике является запоздалая реакция общественности. Это обстоятельство связано с закрытостью принимаемых решений со стороны законодателя и исполнительных органов, отсутствие анонсирования законопроектов и проектов нормативных документов. На обсуждение проек-

тов не приглашаются представители профсоюза из соответствующих отраслевых направлений, и в итоге опубликованный НПА оказывается «нерабочим».

Одним из решений существующей проблемы может стать имеющийся опыт Российской Федерации. Созданная в феврале 2019 г. Общественная палата ДНР по примеру Общественной палаты РФ в рамках реализации диалога общественности и государственной власти ДНР имеет возможность организации переговоров и обсуждений проектов решений с представителями бизнеса, а также инициирования со стороны предпринимательства документов, необходимых для успешного ведения хозяйственной деятельности и развития экономики Республики в целом.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что рано или поздно многие государства в период становления сталкиваются с появлением частного бизнеса и увеличением самозанятого населения. Государственные органы стремятся тщательно следить за деятельностью предпринимателей и не упустить возможности привлечь к ответственности нарушителей. Чтобы избежать негативных последствий, защитить свои права и интересы, предприниматели вынуждены объединяться в общественные организации. В развитых странах широко используются различные объединения, на территории ДНР на сегодняшний день такой площадкой стал Профсоюз работников, предпринимателей торговли и общественного питания ДНР. Но мы уверены, что он может быть не единственным. Большую

надежду предприниматели возлагают на молодую организацию «Общественная плата ДНР». Она обладает большим потенциалом в формировании обратной связи, проведении общественного контроля и конструктивного диалога между бизнесом и властью. Кроме того, на ее основе возможно создание других образований: комиссий, комитетов, некоммерческих организаций, с целью популяризации идей участия общества в проведении общественного контроля, эффективной работы власти, развития бизнеса в Республике.

Примечания

- 1 См.: Киселева И. Я. Кодекс законов о труде 1918 года // Киселева И. Я. Трудовое право России : учеб. пособие. М. : Норма, 2001. URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm (дата обращения: 16.09.2019).
- 2 См.: Интернет портал среднего и малого бизнеса. URL: <http://rosprofbusiness.ru/index.php> (дата обращения: 16.09.2019).
- 3 См.: Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». URL: <http://opora.ru/> (дата обращения: 16.09.2019).
- 4 См.: Выборы в ДНР и ЛНР бесполезны – ООН // Корреспондент.net. 03.11.2014. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/3439335-vybory-v-dnr-y-lnr-bespoleznu-oon> (дата обращения: 16.09.2019).
- 5 См.: Общественная организация «Союз предпринимателей Донецкой Народной Республики». URL: <http://sp-dnr.ru/> (дата обращения: 16.09.2019).

Образец для цитирования:

Первякова Р. Н. Роль профсоюзных организаций малого и среднего бизнеса в общественном контроле за деятельностью органов государственной власти // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 303–306. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-303-306>

Cite this article as:

Pervyakova R. N. The Role of Trade Union Organizations of Small and Medium-Sized Businesses in Public Control Over the Activities of Public Authorities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 303–306 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-303-306>

УДК 316.752.4[316.733]

Анализ феноменов здоровья и здорового образа жизни в формате социологии культуры

Е. В. Одинцова

Одинцова Екатерина Владимировна, начальник отдела мониторинга здоровья, Центр медицинской профилактики Астраханской области, Астрахань, ekaterina_35@mail.ru

Расширение диапазона социальных рисков, обозначившихся в условиях глобальных перемен, способствовало ухудшению качества физического, психического, нравственного здоровья общества и указало на необходимость поиска новых возможностей конструирования здоровьесберегающих практик. Все возрастающее влияние социальной среды на общественное самочувствие поставило перед наукой задачу изучения здоровья не только с медицинских, но и социокультурных позиций. Это определило значимость здорового образа жизни как древнейшего социального феномена, который приобретает новое звучание и актуализирует исследования, направленные на построение парадигмы общественного здоровья в контексте социологии культуры. На этом основании в статье проводится понятийный и содержательный анализ здоровья и здорового образа жизни как социокультурных феноменов, дается оценка влияния на общественное здоровье экономических, политических, идеологических, информационных пространств. Конфликт ценностей, с точки зрения автора, выступает одним из важнейших факторов, затрудняющих формирование здоровьесберегающей культуры, и противостоит ментальным установкам, рассматривающим здоровье в качестве наивысшей социальной и индивидуальной ценности.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, культура здоровья.

Поступила в редакцию: 06.02.2020 / Принята: 03.03.2020 / Опубликована: 31.08.2020

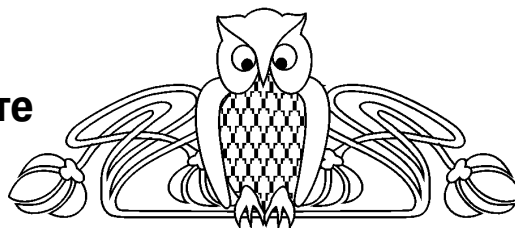
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Analysis of the Health and Healthy Lifestyle Phenomena in the Context of Sociology of Culture

E. V. Odintsova

Ekaterina V. Odintsova, <https://orcid.org/0000-0002-2848-732X>, Center for Medical Prevention of the Astrakhan Region, 2/6 Svobody Sq./Kotovsky St., Astrakhan 414024, Russia, ekaterina_35@mail.ru

Expanding the range of social risks caused by global changes leads to the deterioration in the qualities of society's psychology and morals. The task of studying health lies not only in medical but also in sociocultural sphere. This determined the importance of a healthy lifestyle as the most ancient social phenomenon that takes on a new meaning and actualizes the investigation aimed at building a paradigm of public health in the context of the sociology of culture. On this basis, the article provides a conceptual and meaningful analysis of health and a healthy lifestyles as the sociocultural phenomena and evaluates their impact on public health in economic, political, ideological and

information spaces. The conflict of values, from the point of view of the author, is one of the most important factors that impede the formation of a health-preserving culture and is opposed to mental attitudes that regard health as the highest social and individual value.

Keywords: health, healthy lifestyle, health culture.

Received: 06.02.2020 / Accepted: 03.03.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-3-307-311>

Научные исследования общественного здоровья и, как следствие, здорового образа жизни все более актуализируются в условиях глобальных социальных противоречий, создающих множественные риски общественному благополучию, имеющему как экономические, материальные, так и психофизические параметры. Здоровье становится наиболее ценным источником обеспечения устойчивости, функциональности, жизнеспособности индивида и общества в агрессивной среде, потому, как отмечает А. В. Решетников, рассматривается в глобальном контексте борьбы человека за существование и приспособление к различным жизненным ситуациям¹. Множественность факторов, принимающих участие в конструировании общественного и индивидуального здоровья, обусловливает необходимость в его изучении не только с биомедицинских или гигиенических позиций. Важнейшее значение приобретает социокультурное измерение, включающее духовные, нравственные, этические, поведенческие параметры.

Поиск каналов оптимизации качества здоровья представляет собой комплексное изучение образа жизни людей, выступающего основной социокультурной характеристикой той или иной эпохи. Не менее значимой в контексте научного осмысления феноменов социального здоровья и здорового образа жизни является оценка их сущности, понятийно-смыслового ядра и представлений, которые формировались по мере социальной эволюции. В этой связи интерпретативный анализ понятия здоровья становится первой ступенью теоретико-познавательного механизма, позволяющего проникнуть в суть изучаемого явления.

Если отталкиваться от античных представлений о здоровье, то в них, несмотря на разнообразие дефиниций, уже обозначился социокультурный признак, который, согласно Аристотелю, проявляет себя как зависимость индивидуального здоровья от общественного. Неспроста М. Фуко,

характеризуя много позже античные методики оздоровления, называет их «культурой себя»². А понятие «здоровый образ жизни», появившееся также в Античности и принадлежащее Гиппократу, представляет собой совокупность правил, включающих режим питания, пребывание на свежем воздухе, чередование активности и отдыха, сна и бодрствования, мыслительную деятельность – т. е. все то, что сохраняет актуальность в современных условиях, раскрывает в целом социокультурные смыслы изучаемого явления.

Отношение человека к собственному здоровью претерпевает закономерные изменения, сопутствующие любому обществу по мере его развития. Однако несомненным является тот факт, что меняется лишь внешний облик этого отношения, приобретающий новые эпохальные оттенки, а само явление остается прежним, подобно тому, как человек, меняя наряды, остается самим собой. Культура, будучи важнейшим компонентом здоровьесберегающих практик, не утрачивает своей значимости, хотя внешне может выглядеть по-разному. Так, понятие здоровья у И. И. Брехмана содержит определенные нравственные начала и представляет собой основополагающий компонент человеческой личности³, а И. В. Дубровина понимает его как высшее проявление человеческого духа⁴, что в целом дополняет понятийное пространство идеями о внешней многоликости, но внутренней целостности анализируемых понятий.

В современных терминологических интерпретациях влияние социокультурных факторов на здоровье общества все более отражает свою значимость, позволяя рассматривать его, например, как показатель экономического и культурного развития общества, ориентировать процесс познания на мотивацию заботы о нем, на характер социокультурных отношений, определяющих степень потребности в нем. Так, в работах Н. М. Амосова понятие «здоровье» выступает некоей широкой системой взаимоотношений факторов, обеспечивающих гармоничное физическое и психическое развитие, высокую устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям, возможность адаптации к различным нагрузкам и средовым условиям, к успешной жизнедеятельности человека и долголетию⁵. Наконец, наиболее распространенное определение здоровья, предложенное Всемирной организацией здравоохранения, обозначает его как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов, что в конечном счете позволяет говорить о безусловной и все нарастающей роли социокультурных механизмов в его конструировании.

Понятийный анализ феномена здоровья не ограничивается приведенными выше определениями. В современном научном знании имеется широкий спектр формулировок, акцентирующих внимание на различных признаках. В то же время почти в каждом из них можно обнаружить яв-

ную или скрытую социокультурную компоненту, ориентирующую процесс познания не только на осмысление терминологических конструкций, но и на оценку реальных общественных практик, отражающих сущность здоровья и отношение к нему индивидов и социальных общностей в современных условиях.

Культура здоровьесберегающего поведения в условиях глобализации и появления новых рисков (информационного, техногенного, экологического и иных) приобретает все более сложные конфигурации, затрудняющие не только системное научное осмысление социальных параметров здоровья, но и формирование необходимого образа жизни, выполняющего защитные функции. В этих условиях, несмотря на тотальную всепроницаемость новых средовых влияний, экономика не только остается одним из важнейших факторов, определяющих качество здоровья и культурных навыков здоровьесбережения, но и обнаруживает свои новые функциональные стороны, далеко не всегда выступающие «сообщником» достижений, ориентированных на сохранение и укрепление общественного здоровья.

Современной науке известно много заболеваний (сахарный диабет, гипертония, алкоголизм и ряд иных патологических состояний), при которых дисгармония в образе жизни является благодатной почвой для их развития. Устойчивые модели поведения, способствующие возникновению и развитию нездоровья, еще Демокрит рассматривал в формате образа жизни и писал: «Подобно тому, как бывает болезнь тела, бывает также болезнь образа жизни». Тем самым критерии понимания и оценка здоровья определяются состоянием ценностной системы конкретного общества, уровнем развития социальных практик, наконец, прямым и обратным влиянием социальных отношений на заболеваемость и смертность. Отсюда становится понятным, почему Э. Дюркгейм не противопоставляет здоровью и болезнь, а рассматривает их как разновидности одного и того же рода, взаимно проясняющие друг друга⁶.

Анализ сущности здоровья в контексте экономических процессов позволяет выявить один из базовых признаков общественных отношений – стратификационный, который с позиций здоровьесбережения, следует понимать как неравный доступ граждан к медицинской помощи и услугам. А появление коммерческого сектора в пространстве современной медицины способствует изменению статуса самих учреждений здравоохранения, подчинению их законам и принципам рыночной экономики, усилению роли экономического неравенства социума в сфере охраны здоровья. Потому ставшая уже привычной проблема коммерциализации медицины обнаружила свои новые грани, проявившие себя, в частности, в форме фальсификации фармацевтической продукции и манипулирования массовым сознанием при помощи СМИ. Как отмечает С. А. Михалац, современное здоровье, попав

в технологизированную среду, стало объектом различных манипулятивных воздействий, способом политической и экономической наживы⁷. В этих условиях социальные институты испытали существенные трансформации и, подчиняясь глобальной экономике, помимо удовлетворения потребностей общества в медицинской помощи, приобрели значимость иного порядка – потребителя общественного и индивидуального здоровья.

Экономизация общественного сознания заметно снизила функциональность механизмов, ориентированных на формирование нравственных ценностей. В обществе все сильнее стали провозглашаться ценности сомнительные. К примеру, по данным опросов ФОМ, почти 40% россиян готовы платить за те медицинские услуги, которые можно получить бесплатно. Этот факт исследователи объясняют тем, что треть опрошенных (34%) полагают, что качественные медицинские услуги можно получить только за деньги (через кассу медицинского учреждения или посредством взятки врачу)⁸.

Достаточно обратить внимание на то, что в современной России практически отсутствует финансирование проектов здорового образа жизни как одной из важнейших форм здоровьесбережения, несмотря на то, что на законодательном уровне этот вопрос обсуждается достаточно широко. Все более очевидным становится факт того, что в постсоветской России последние десятилетия характеризуются беспрецедентным сокращением инвестиций в капитал здоровья, в свою очередь, сокращающим продолжительность жизни россиян.

Изъяны и деформация культуры здоровья, а вместе с ними дефицит достоверных знаний о рисках здоровью У. Бек связывает с закреплением ущербных методов лечения, которые сводятся к «косметической обработке рисков», направленных не на устранение глубинных причин, а на стимуляцию их роста⁹. Расширение диапазона всевозможных активных «врачевателей», представленных технологически ориентированными псевдоспециалистами, рекламными агентствами и иными фокусниками-иллюзионистами, манипулирующими сознанием масс за пределами цирка, фактически ориентировано на создание новых рынков сбыта рискогенного товара. Стремительное развитие теневой экономики здравоохранения, указывает А. В. Решетников, включает в себя все виды законной и незаконной деятельности. Моральную основу затрагивает уже сам перевод здравоохранения на коммерческую основу¹⁰. Перенос здоровья как высшей индивидуальной и социальной ценности в формат экономического расчета оказался губительным, поскольку в основу интереса была положена худшая из человеческих страстей – алчность, резонирующая с другими грехами и стимулирующая их антикультурные проявления¹¹. Тем самым здоровый образ жизни, рассматриваемый сквозь призму экономического расчета, все более закрепляет сиюминутные способы оздоровления и «подсаживает» общество на услуги и продукцию,

приносящие потребителю сомнительное и кратковременное здоровье, а производителю – скорую и устойчивую материальную прибыль.

Этот механизм просматривается в схемах маркетинговых ходов и располагается на противоположной чаше весов по отношению к здоровому образу жизни. Деформированные ценностные ориентации, вызванные тотальной экономизацией сознания, подтверждаются исследованиями И. Паутова и Н. Паутовой, которые, признавая значимую роль экономических возможностей социальных групп в формировании культуры здоровья, отмечают, что низкоресурсное население не склонно разделять ценности здорового образа жизни, поскольку не видят в этом реальной выгоды¹².

На фоне экономических и иных трансформаций, переживаемых российским обществом, здоровье и забота о нем утрачивают самостоятельную ценность, поскольку отсутствуют условия для их реализации на практике. Более того, попытки реализовать свои права в этой сфере, по мнению А. В. Решетникова, подпадают под категорию социально неодобряемого поведения. Наша страна продолжает жить в мире экономических несообразностей, где человек, его жизнь, здоровье рассматриваются как «бесхозные» ценности, не принадлежащие их носителю, и глобальной проблемой становится дефицит жизненных смыслов¹³.

Глобальная проблема экономизации здоровья как источника прибыли дополнилась рисками информационного свойства. На фоне переизбытка информационных технологий и информации как таковой в обществе обнаружился дефицит знаний, позволяющих его членам оценить значимость своего здоровья и находить средства для его сохранения. В культурном пространстве здоровья медицина обозначилась как главенствующая форма оздоровительных практик, но сама оказалась в статусе «служанки экономики», пропагандирующей лишь те формы оздоровления, которые несут прибыль фармацевтическому рынку. Культура здоровья, создаваемая веками и требующая пополнения новыми способами оздоровления с учетом современной социальной реальности, предстала в основной массе населения как фрагмент остаточных знаний и навыков.

К числу социальных рисков следует отнести и пропаганду гедонистического образа жизни. Сам по себе гедонизм как учение об удовольствии, выступающем высшим благом и смыслом жизни, лишь пытается разъяснить, что является ценностью, но лишен системы теоретических предписаний о том, как должен вести себя человек. В условиях же доминирования экономико-паразитарной идеологии, направленной на реализацию экономических интересов определенных социальных групп и личностей, гедонизм трансформируется в утилитаризм, располагающий готовыми предписаниями и рекомендациями по построению моделей поведения. Содержание рекламной продукции (продукты питания, кулинарные рецепты, пред-

меты бытовой химии, бытовые принадлежности и проч.), сюжеты телепередач о свободе интимных отношений и выборе иных зачастую нездоровых моделей поведения включают скрытые и явные утилитаристские идеи о формировании культурных норм, приносящих удовольствие и минимизирующих роль морально-нравственных механизмов в сохранении здоровья.

Все большее распространение получает пропаганда сексуальной свободы и сексуальных извращений. Деформация и распад нравственных культурных ценностей проявили себя в открытых формах сексуальных связей, формировании ЛГБТ-сообществ. Следует признать, что однополые сексуальные связи имели место на протяжении всей социокультурной эволюции человечества. То есть природа допускала их наличие, но лишь в качестве отклонения, вызванного определенными сбоями индивидуальной биологической либо генетической программы. В современных условиях эта проблема приобрела социальные масштабы с того момента, когда представители сексуальных сообществ потребовали не только легализации своих интимных притязаний, но и их пропаганды. На этом фоне не только усилился кризис семейных отношений, но и сформировалась новая социокультурная патология, выраженная в изменении традиционных гендерных статусов (как социальных, так и физических), явно обозначились трансформации исторического сознания, утрата механизмов и каналов исторической преемственности традиций.

В России главную зону конфликта А. С. Запесоцкий усматривает в области пересечения двух основных линий напряжения, представленных, с одной стороны, стремлением к сохранению исторических традиций общественной жизни и, с другой, изменением культурной модели по образцу Запада, ревизией исторического прошлого, разрушением настоящего, которое зачастую начинает восприниматься как постыдное¹⁴. Гипертрофированное восприятие идей свободы и демократии освободили множество граждан от тех обязательств, которые были закреплены за личностью традиционной моралью и культурой.

Компьютерная и игровая зависимость, имея социальные корни, также обозначила свои социокультурные и медико-социальные параметры и проявила себя в виде различного рода психических расстройств, агрессивных форм поведения, повышения конфликтности на межличностном и групповом уровнях. Человеческая телесность, подчиняясь техногенному миру, активно деформируется, испытывает гигантские психические перегрузки и стрессы, разрушающие здоровье. Как отмечает И. В. Малыгина, новый коллективный субъект культуры – это поколение с устойчивой зависимостью от технологий сетевой коммуникации и жизненным миром, «свернутым» до технологических возможностей смартфона¹⁵. Зависимость подобного рода следует рассматривать как неизбежное явление, вызванное, с одной стороны, тотальным

проникновением техносферы в социальную и культурную среду, с другой – дисфункцией институтов культуры, государства, здравоохранения, не способных к созданию действенных программ оздоровления, предотвращающих неблагоприятные последствия техногенного влияния.

Разрушение традиционных основ культуры речи и социальная толерантность к ненормативной лексике – еще один немаловажный фрагмент общественной жизни, противостоящий сохранению нравственного здоровья, создающий благоприятные предпосылки к укоренению ментальных, социальных, психических, наконец, физических дисфункций. Деструктивные тенденции в сфере речевой культуры обуславливают необходимость включения ее в систему ЗОЖ и изучения с позиций целостной системы социального оздоровления.

Эти и множество иных особенностей современной жизни создают устойчивую систему иллюзорных представлений о возможностях сохранения здоровья, которые в действительности выступают системой его разрушения. Институт культуры испытывает кризис в сфере финансирования культурно-досуговых учреждений, пропаганды мероприятий, имеющих высокодуховное содержание. На государственном уровне отсутствуют критерии, определяющие высшие ценности российского общества. Государственная политика в целом проявляется в создании сиюминутной квазикультуры, обеспечивающей экономические потребности общества, устранившей себя от формирования и управления долгосрочными программами культуры здоровья, имеющей внеэкономические параметры.

Влияние социокультурных механизмов на конструирование здоровьесберегающего поведения представлено совокупностью устойчивых связей и отношений, выполняющих функции формирования, распространения и закрепления ценностно-нормативных стилей поведения, затрагивающих мировоззренческое пространство личности. Ментальные установки выступают движущими силами, которые определяют степень включенности индивида в трудовые взаимодействия, в процесс освоения культурного наследия и определяют степень ее духовной развитости. В результате здоровый образ жизни предопределяет не только особенности медико-социального поведения, обеспечивающего сохранение здоровья, но и выраженность творческих начал, позволяющих обществу использовать самые различные формы пропаганды и закрепления здоровья. Человек как деятельный субъект способен конструировать новые образцы поведения. Если эти новшества будут способствовать укреплению ценности здоровья и отвечать социальным запросам по его укреплению, то, войдя в социальное пространство культуры, они закрепятся в деятельности других людей, а опыт индивидуальный трансформируется в практики социальные. Тем самым изменения в культуре, возникающие благодаря творчеству и

активности отдельной личности, приобретают социокультурное измерение и создают условия для преодоления самых различных рисков социальному здоровью.

Однако теоретико-концептуальные подходы к социокультурному анализу здорового образа жизни зачастую выглядят крайне идеалистичными и оторванными от реальных условий, определяющих культуру быта людей и степень их включенности в практики здоровьесбережения. В условиях глобального кризиса общественного сознания институт культуры испытывает существенный прессинг со стороны институтов политики и экономики, что было отмечено выше. Их всевозрастающая значимость в жизни современного общества трансформировала сущность института культуры в отношении многих социальных ценностей, в ряду которых оказалось здоровье. Исследования отечественных ученых лишь подтверждают высказанное выше мнение о том, что неоднозначное отношение современных россиян к попыткам формирования культуры здоровья связано, главным образом, с устойчивостью ранее закреплённых стереотипов в отношении здоровья и наличием материально-бытовых проблем.

Предназначение института культуры в системе здорового образа жизни определяется целенаправленной деятельностью по формированию культуры здоровья, произрастающей из способов жизни социальных групп в конкретных условиях. Модели поведения, адекватные конкретным условиям существования, минимизируют риск возникновения и развития заболеваний. Однако закреплению институциональных основ здорового образа жизни противостоит целый ряд факторов социокультурного свойства, не позволяющих реализовать теоретический концепт в практической жизни. Современность достигла исторических успехов в материально-вещественной сфере. Но они обнаружили свои разрушительные свойства, поскольку противостоят ценностям культурным и духовным. Исправить эту диспропорцию возможно лишь в том случае, если ценность здоровья займет в сознании общества лидирующую позицию.

Таким образом, культура выступает одним из важнейших параметров здоровья и значимым регулятором здорового образа жизни. Однако в современных условиях, подчиняясь экономическим, политическим, информационным запросам общества, она вынуждена разрушать классическое по-

нимание здоровья как наивысшей ценности, подменять его деструктивными представлениями, затрудняющими процесс формирования устойчивых навыков здоровьесбережения и обуславливающими потребность в актуализации значимости его социокультурного измерения.

Примечания

- 1 См.: Решетников А. В. Социология медицины : руководство. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. С. 26.
- 2 Фуко М. История сексуальности – III : Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Титовой, О. М. Хомя ; под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев : Дух и Литера ; Грунт ; М. : Рефл-бук, 1998. С. 283. (Astrum Sapientiale).
- 3 См.: Брехман И. И. Философско-методологические аспекты проблемы здоровья человека // Вопр. философии. 1988. № 2. С. 52–53.
- 4 См.: Дубровина И. В. Психологический словарь. М. : Владос, 1998. С. 50.
- 5 См.: Амосов Н. М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. М. : АСТ ; Донецк : Сталкер, 2004.
- 6 См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995.
- 7 См.: Михалан С. А. Культура здоровья как часть общей культуры человека // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 4, С. 66.
- 8 См.: Отечественное здравоохранение оторвалось от населения. Почему пациенты все чаще уходят в платные клиники. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-05-26/4_7582_medic.html (дата обращения: 18.07.2019).
- 9 См.: Beck U. World at Risk. Cambridge : Polity Press, 2010. P. 68.
- 10 См.: Решетников А. В. Указ. соч. С. 531.
- 11 См.: Запесоцкий А. С. Культура : взгляд из России. 2-е изд., доп. СПб. : СПбГУП ; М. : Наука, 2015. С. 275.
- 12 См.: Паутов И., Паутова Н. Продвижение здорового образа жизни как инструмент реализации государственной политики в сфере охраны здоровья в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 4. С. 493–508.
- 13 См.: Решетников А. В. Указ. соч. С. 34, 41.
- 14 См.: Запесоцкий А. С. Указ. соч. С. 92.
- 15 См.: Малыгина И. В. Гуманитарные вызовы глобализации // Мировое развитие : проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения (22–24 мая 2019 г.). СПб. : СПбГУП, 2019. С. 376.

Образец для цитирования:

Одинцова Е. В. Анализ феноменов здоровья и здорового образа жизни в формате социологии культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 307–311. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-307-311>

Cite this article as:

Odintsova E. V. The Analysis of the Health and Healthy Lifestyle Phenomena in the Context of Sociology of Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 307–311 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-307-311>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.5

Социальная справедливость как ценностный ориентир изменений в Конституции РФ

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные ценностные модели социальной справедливости, представленные в Конституции РФ, и уровень воплощения их в реальной общественно-политической и социально-экономической жизни современной России. Дана оценка обсуждаемых конституционных изменений на предмет их соответствия распространенным представлениям о социальной справедливости и справедливом общественном устройстве.

Ключевые слова: ценности социальной справедливости, Конституция РФ, реформирование Конституции РФ, общественное мнение, справедливое общественное устройство.

Поступила в редакцию: 04.03.2020 / Принята: 06.03.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Social Justice as a Value Guide for Changing the Constitution of the Russian Federation

A. A. Vilkov

Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vil57@yandex.ru

The article is about key value models of social justice presented in the Constitution of the Russian Federation and the level they are embodied in real social, political, and economic life of modern Russia. The author evaluates constitutional changes proposed in terms of their correspondence to popular visions of social justice and fair structure of society.

Keywords: values of social justice, Constitution of the Russian Federation, reformation of the Constitution of the Russian Federation, public opinion, fair structure of society.

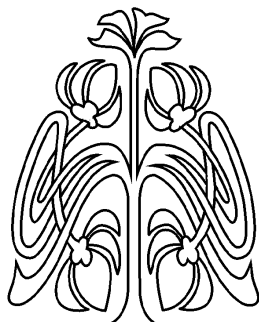
Received: 04.03.2020 / Accepted: 06.03.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

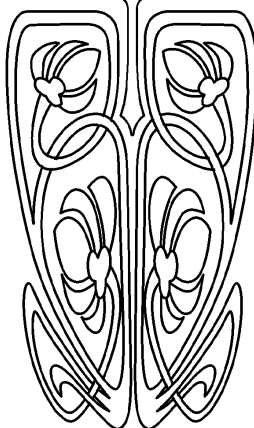
DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-3-312-317>

Предложение Президента Российской Федерации о целесообразности внесения изменений в Конституцию РФ с особой остротой актуализировало проблематику социальной справедливости в современной России. Наверное, трудно найти другую предметную область общественной жизни, которая бы так интенсивно и на протяжении длительного времени исследовалась представителями различных наук, чем социальная справедливость¹. И столь же трудно найти еще одну ценность, которая бы находила согласованное понимание и позитивную оценку в контексте воплощения в практической жизнедеятельности людей. Особенно это касается сферы политики, так как социальная справедливость всегда соотносилась с функциональностью власти, государства и права, от которых зависели все разнообразные сферы общественной жизни.

Уже Аристотель почти две с половиной тысячи лет назад определял право не только как меру реализации свободы, но и как норму по-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

литической справедливости. Однако правовому измерению социальной справедливости всегда сопутствовало этическое, моральное ее измерение. Это касалось как оценки деятельности верховной власти, так и государства в целом.

Отечественная традиция религиозно-нравственных обязательств государя перед своим народом была в свое время сформулирована Иларионом, и на протяжении многих столетий она стала главным критерием религиозного понимания справедливости носителя власти в России. «Ты и в правду облачен, крепостью препоясан, в истину обуи, разумом увенчан и милосердием... Ты, о честный муж, был нагим одеяние, алчущим – кормитель, жаждущей утробе – охлаждение, был вдовам помощник, странникам – пристанище, бездомным – кров, обиженным ты был заступник, бедным – обогащение»². В целом, носитель власти был обязан перед Богом отвечать «за труд паствы людей его», обеспечивать мир и хорошее управление, целью которого являлось обеспечение интересов всех подданных. Эта религиозно-этическая и функциональная трактовка справедливого властителя стала основанием отечественной модели «симфонии» во взаимодействии церковной и светской власти, которая существенно отличалась от западноевропейской доктрины «двух мечей», обосновывающей приоритет Папы Римского над властью императоров.

Еще одна система координат, в которой осуществлялось измерение социальной справедливости для большинства российского населения на протяжении столетий, была крестьянская община (мир). Мирские традиции включали в себя ценности местного самоуправления на базе обычного права, в основе которого лежали принципы социальной справедливости, охватывающие отношение к собственности, правила общежития, разрешение конфликтов и т. д.

Справедливость в экономической и социальной сферах оценивалась на основе баланса общинных и личных интересов:

– «Земля ничья, она Божья (как солнце и воздух), принадлежит тем, кто на ней работает» – уравнительность как принцип социальной справедливости в обеспечении доступа к земле на основе регулярных переделов;

– трудовая собственность – не уравнительная, а по вкладу, по результатам;

– фискальная функция общины – (тяготы «по силам», по конкретным возможностям семьи);

– самоуправление на основе обычного права – социальная справедливость в «консенсусном голосовании» на сходах (т. е. арифметическое большинство не навязывало механически свою точку зрения меньшинству, а убеждало в ее справедливости до тех пор, пока никто не был против – «я не за, но я не против»);

– «Мир приговорил» – главный критерий социальной справедливости.

В советский период идеи всеобщей социальной справедливости были ключевыми элементами официальной идеологии социализма и коммунистической идеологии как перспективы и конечной цели политического и социально-экономического развития страны, закрепленными на конституционном уровне и в программе КПСС. Однако существенные отклонения в реальной политической жизни и в социально-экономических отношениях СССР от официально закрепленных принципов социальной справедливости стали одной из причин нарастания недовольства советских граждан. Оно и было использовано в качестве обоснования необходимости перестройки, закончившейся распадом СССР и крахом социалистической системы.

Конституционное закрепление основ нового строя должно было легитимировать новые ценности и принципы социальной справедливости. Однако само понятие социальной справедливости присутствует только в преамбуле действующей Конституции РФ. Объяснить это можно, прежде всего, тем, что Основной закон РФ был подготовлен и легитимирован в 1993 г. в условиях острого политического и социально-экономического кризиса как конституция переходного периода. Главное ее предназначение, по мнению либеральных реформаторов, заключалось в недопущении возврата к социалистическому строю. В этой связи принятая в очень сложных условиях Конституция РФ отражала правовое закрепление противоречивых моделей социальной справедливости.

Либеральная модель нацеливала на максимальное воплощение демократических прав и свобод как основу демократического, правового государства, а также на либертарианские принципы в экономике. Либеральный вектор воплощения социальной справедливости представлен в действующей Конституции РФ наиболее последовательно. Именно на его основе была сформирована существующая система рыночных отношений, при которой большая часть собственности в современной России принадлежит немногочисленной олигархической группе.

Традиционалистская модель социальной справедливости ориентировала на сильное, суверенное, державное государство, в котором гипертрофированная модель разделения властей, по замыслу авторов Основного закона, выступала функциональным инструментом авторитарного проведения либеральных преобразований и средством защиты от реставрации социализма в стране. Именно конституционное закрепление диспропорции властных ресурсов в пользу Президента РФ создало предпосылки для установления авторитарного режима, в котором либералы постепенно были вытеснены на обочину политической жизни. Конституционные демократические права и свободы граждан стали реализовываться в рамках «управляемой демократии»,

подкрепляющей ресурсы и функциональные возможности такого «сильного государства».

Патерналистская модель в Конституции РФ декларировала ориентацию на социальное государство, которое в 1990-е гг. имело очень мало ресурсов и возможностей для воплощения своих функций, и позиционировалась в большей степени как определенная перспектива, реализуемая по мере накопления возможностей.

Очевидно, что сочетание трех таких противоречивых моделей социальной справедливости, подкрепленное конституционным запретом на государственную идеологию, не могло создать прочную и долговременную ценностную и социокультурную основу социальной стабильности. Об этом свидетельствуют результаты репрезентативных опросов, проведенных в разные годы ведущими российскими социологическими центрами.

На наш взгляд, именно социальную справедливость можно рассматривать в качестве своего рода призмы, через которую граждане оценивают существующие политические, социально-экономические и социокультурные институты и результаты их деятельности в современной России. Например, опросы ФОМ, проведенные в 2007 г. и в 2011 г., показали уверенность подавляющего большинства респондентов в том, что современное российское общество устроено несправедливо, и на Западе с этим лучше, чем в России. На вопрос «Как вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?» только 12% опрошенных однозначно ответили положительно³. О том, что устройство несправедливо, в 2007 г. однозначно ответили 68%, а в 2011 г. – 61% респондентов. Более того, даже через два десятилетия после распада СССР, половина респондентов оценивали сложившееся общественное устройство в стране как менее справедливое, чем советское⁴.

Важнейшим критерием оценки справедливости общественного устройства выступает соотношение интересов власти и общества. Динамика данных оценок представлена в материалах опросов Левада-Центра, проведенных в период с 2007 по 2019 г. (таблица⁵). Они свидетельствуют, что число сторонников относительно позитивного восприятия совпадения интересов власти и общества не превышает в общей сложности четверти от всех опрошенных, тогда как число негативно

оценивающих соотношение интересов власти и общества стабильно превышает 60%.

Материалы ВЦИОМ за 2018 г. показали субъективное восприятие динамики социальной справедливости в российском обществе. Так, на вопрос «За последний год наше общество стало менее или более социально справедливым? Или уровень социальной справедливости не изменился?» только 16% респондентов ответили, что оно стало скорее более социально справедливым. Более половины опрошенных не увидели позитивных отношений в данной области, а 28% респондентов были уверены, что ситуация изменилась в худшую сторону⁶. Важнейшее значение имеет оценка функциональности государства в решении данной проблемы. На прямой вопрос «По Вашему мнению, политика российских властей сегодня способствует или препятствует укреплению социальной справедливости в нашем обществе?» только 29% респондентов ответили, что «скорее способствует», 32% – «скорее препятствует» и 30% выбрали ответ «никак не влияет на справедливость общества»⁷.

Анализируя эти результаты общественного мнения, можно констатировать, что одна из причин массового негативного восприятия существующего политического устройства обусловлена не только трудностями в социально-экономической сфере, но и отсутствием единства в понимании стратегии развития страны. То есть важнейшая проблема действующей Конституции РФ состоит в том, что она не содержит простого, понятного для граждан образа будущего России, поддерживаемого большинством населения как справедливого. Справедливость конституционно зафиксированных ценностей демократического, правового, социального государства не подкреплена его реальным сегодняшним состоянием.

Думается, что именно снижение уровня легитимности не только отдельных политических институтов, но и существующей политической системы в целом и стратегии ее развития стало одной из причин выдвижения Президентом В. В. Путиным законопроекта о реформировании Конституции РФ. И совершенно не случайно, что публичный акцент в политическом и информационном сопровождении этой инициативы был сделан на апелляции к ценностям социальной справедливости.

Несмотря на все официальные усилия обновать и внедрить в массовое сознание само-

Как вы считаете, совпадают ли сейчас в России интересы власти и общества? (одновариантный ответ)

Варианты ответов	Ноябрь 2007	Октябрь 2009	Октябрь 2011	Декабрь 2013	Октябрь 2019
Определенно да	5	3	3	2	3
Скорее да	23	23	21	21	22
Скорее нет	37	43	44	43	42
Определенно нет	25	22	24	24	30
Затрудняюсь ответить	9	10	8	10	4

достаточность и социальное предназначение конституционных изменений, по данным опроса Левада-Центра, почти половина россиян (47%) согласны с мнением о том, что Конституцию меняют в интересах Президента России Владимира Путина, «чтобы расширить его полномочия и позволить ему оставаться у власти после 2024 года». Еще 44% согласились со вторым предложенным им вариантом, что Конституцию меняют «для совершенствования системы управления государством и в интересах большинства населения страны». Затруднились ответить 9%⁸. Данные материалы показывают, что так называемое «обнуление» президентских сроков, резко критикуемое в социальных сетях представителями оппозиции в современной России⁹, не прошло мимо внимания российского населения и воспринимается им отнюдь не однозначно.

Тем не менее, социологические службы сходятся в том, что гораздо больше людей волнуют социальные аспекты конституционных изменений. По данным ВЦИОМ, в начале февраля 2020 г. абсолютное большинство россиян (90–91%) положительно восприняли идею закрепить в Конституции индексацию пенсий, пособий и иных социальных выплат и зафиксировать МРОТ не ниже прожиточного минимума¹⁰. Материалы опроса данного социологического центра показали и высокий уровень поддержки изменений в сфере политического устройства. Подавляющее большинство респондентов (60–80%), по данным ВЦИОМ, поддержали увеличение ценза гражданства для кандидата на должность президента до 25 лет, «запрет на иностранное гражданство или вид на жительство в другом государстве для депутатов Госдумы, сенаторов и муниципальных служащих», «назначение президентом глав министерств, ведомств и прокуроров регионов при участии Совета Федерации», запрет на занятие поста президента более двух сроков, «приоритет российской Конституции над международными договорами или решениями международных объединений»¹¹.

Аргументация критиков предстоящих конституционных изменений в России состоит в том, что они оценивают социальную составляющую конституционных инноваций как «ширму», прикрывающую решение главной задачи – обеспечить действующему президенту возможность еще дважды баллотироваться на данный пост и, соответственно, сохранить власть еще на 14 лет. Это расценивается как нарушение демократических конституционных норм о периодичности выборов для обеспечения принципа разделения властей и функционирования механизма «сдержек и противовесов». Отсутствие периодической смены органов власти рассматривается как ликвидация инструмента, противодействующего возможностям злоупотребления ресурсами власти при длительном пользования ими одними и теми же политиками.

В основе контраргументов сторонников В. В. Путина лежит оценка сложности сегодняшней внутри- и внешнеполитической ситуации, обостренной ко всему прочему распространением коронавируса в различных регионах мира. В условиях мирового кризиса и продолжающихся непростых отношений России с США и их союзниками по НАТО смена политического лидера страны, по мнению защитников данной инициативы, чревата высокими политическими и социально-экономическими рисками. Ссылаются при этом на практику демократических стран, которая неоднократно показывала, что получение статуса «хромой утки» для действующего президента резко снижает его авторитет и политические ресурсы для осуществления полномочий в оставшийся до следующих выборов период деятельности. Для России такая ситуация усугубляется тем, что, по мнению президентских сторонников, в стране отсутствует лидер, равнозначный В. В. Путину по своему политическому потенциалу и возможностям. Потенциальный приход слабого лидера на следующих выборах может нарушить сложившийся баланс интересов между центром и регионами, перечеркнуть достигнутую усилиями В. В. Путина стабильность политического и социально-экономического положения страны. Еще один аргумент заключается в том, что потенциальная возможность выдвижения действующим президентом своей кандидатуры (закрепленная на конституционном уровне) еще не обязательно означает реальное выдвижение. Она может означать лишь уверенное осуществление В. В. Путиным своих функций до конца сегодняшнего срока, без снижения его авторитета. Сохранение интриги обеспечивает вариативность дальнейшего развития событий: от действительного использования возможностей конституционного «обнуления» и выдвижения В. В. Путина на пятый срок, до политико-технологического и информационно-коммуникационного обеспечения подготовки его «преемника» к следующим выборам. Главный смысл этой инновации, по мнению сторонников В. В. Путина, – обеспечение преемственности и стабильности развития страны.

Сторонники президента фактически не оспаривают утверждение оппонентов о том, что инициатива В. М. Терешковой об «обнулении» сроков по рангу своей значимости намного превышает другие конституционные инновации. Однако в отличие от оппозиционной оценки социального блока изменений как «ширмы» сторонники В. В. Путина обосновывают их в качестве стратегического вектора всей его политики, нацеленной на постепенное разрешение существующих социальных противоречий и решение ключевых общественных проблем.

С этим можно было бы согласиться, если бы не одно важнейшее обстоятельство. С одной стороны, очевиден определяющий вклад В. В. Пу-

тина в спасение страны от нарастающего распада в конце 1990-х гг., в укрепление единого политического, правового и экономического пространства, в восстановление функциональности государства в управлении и контроле за важнейшими сферами общественной жизни, в возрождение оборонно-промышленного комплекса и Российской армии, в возвращение статуса великой державы и ее престижа на международной арене, в определенное повышение жизненного уровня населения.

С другой стороны, инициатива по изменению Конституции РФ давала президенту принципиальную возможность стратегического поворота развития страны, который позволил бы ориентироваться на разделяемые большинством населения принципы социальной справедливости. И вот с этих позиций соотнесение возможных преобразований Основного закона и реально предлагаемых социальных изменений явно не в пользу представлений большинства населения о справедливом общественном устройстве. Это вовсе не означает, что российские граждане не проголосуют за ежегодную индексацию социальных выплат и пенсий, за обязанность государства поддерживать доступность и качество медицинского обслуживания, за гарантию социальной поддержки детей, за защиту исторической правды и другие изменения. Однако серьезно изменить уровень легитимности существующей политической и социально-экономической системы предлагаемые конституционные инновации не смогут. Обусловлено это тем, что они не затрагивают базовую основу сложившейся в 1990-е гг. компрадорской модели экономических отношений. На первом месте в ней находятся интересы крупных собственников, контролирующих природные богатства России и ориентированных на их продажу за рубежом.

Предложенный законопроект конституционных изменений для реформирования такой модели мог бы включить в себя, например, один из апробированных в мировой практике вариантов контроля над природными ресурсами в интересах большинства населения. Однако он не содержит даже введения повсеместно используемой в различных странах дифференцированной налоговой нагрузки на российских собственников. В результате доминирующую роль в экономике после всенародного голосования за законопроект будет продолжать играть сформированная в 1990-е гг. либерально-демократическая модель, которая, по результатам большинства социологических опросов, не оценивается российскими гражданами как справедливая.

Такая экономическая модель в российских условиях оставляет мало возможностей для масштабной реализации социальных функций государства. Поэтому предлагаемые конституционные инновации в социальной сфере, несмотря

на их позитивный смысл, носят декоративный характер, поскольку не могут изменить принципиальную несправедливость в отношении распределения собственности и ресурсов в российском обществе.

В этих условиях сильное государство становится самоцелью в ущерб его социальным функциям. Обеспечение стабильности в обществе гипертрофируется в ущерб демократическим возможностям граждан влиять на власть. В условиях сочетания сильного (авторитарного) государства и либеральной (компрадорской) экономической модели неизбежно проявляется закон «олигархических тенденций», в результате чего отечественная бюрократия продолжает множить сама себя и является одним из главных препятствий эволюции общества в сторону социальной справедливости.

Публичное позиционирование «Единой России» как правящей партии о ее трансформации в «партию народного большинства» не подкреплено реальной политикой последних десятилетий. Социально ориентированные государственные программы и национальные проекты, несомненно, улучшают ситуацию в данной сфере, однако не затрагивают сущностной основы экономической и социальной системы, несправедливость и неэффективность которой вызывает отторжение у большинства населения. Поэтому социальные программы и проекты в значительной степени носят инструментальный характер для тактического приглушения социального недовольства в тех или иных сферах общественной жизни. Однако они ни в малейшей степени не затрагивают сущности сложившейся системы, основанной, прежде всего, на сращивании интересов собственников и представителей действующей власти. Постоянные разоблачения коррупционных преступлений на всех уровнях эшелонов власти подтверждают тот факт, что борьба ведется с отдельными негативными явлениями в этой сфере (чаще всего наиболее одиозными и очевидными), но не с системными их причинами. Поэтому прогнозируемое положительное голосование на референдуме за пакет конституционных инноваций не изменит ситуации в восприятии гражданами существующего строя в современной России как несправедливого и не соответствующего интересам большинства населения.

Примечания

- ¹ См.: Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 18–50; Мандрыка Е. В. Формирование социального государства: от идеи справедливости и равенства до конституционного принципа // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4 (118). С. 105–112; Масстикова Н. С. Восприятие социальной справедливости россиянами

- на основе данных европейского исследования // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 1. С. 39–51. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4 ; Мельников В. Ю., Джамалова Д. Б. Социальная справедливость и права человека : теория и практика современной России // Правовая культура. 2018. № 2 (33). С. 85–91 ; Прудникова Л. Б., Бушуев И. В., Полунина Е. Н. Социальная справедливость и право в единстве и антагонизме // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 176–182 ; и др.
- ² Идейно-философское наследие Илариона Киевского / отв. ред. А. А. Баженова : в 2 ч. М. : б.и., 1986. Ч. 1. С. 59.
- ³ См.: Справедливость не торжествует. Опрос ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/10263> (дата обращения: 10.12.2019).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Общество и государство // Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады). URL: <https://www.levada.ru/2019/11/28/obshchestvo-i-gosudarstvo/> (дата обращения: 10.12.2019).
- ⁶ См.: Социальная справедливость в России // ВЦИОМ. Данные опросов. Ноябрь 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9443> (дата обращения: 10.12.2019).
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Опрос : 47% россиян считают, что Конституцию меняют в интересах Путина. URL: <https://www.rline.tv/news/2020-01-31-opros-47-rossiyan-schitayut-cto-konstitutsiyu-menyayut-v-interesakh-putina/> (дата обращения: 03.02.2020).
- ⁹ См.: Нет – Конституции президентского самовластья! URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/191876.html> (дата обращения: 29.02.2020).
- ¹⁰ См.: Поправки к Конституции : значение и отношение. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10146> (дата обращения: 05.02.2020).
- ¹¹ Там же.

Образец для цитирования:

Вилков А. А. Социальная справедливость как ценностный ориентир изменений в Конституции РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 312–317. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-312-317>

Cite this article as:

Vilkov A. A. Social Justice as a Value Guide for Changing the Constitution of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 312–317 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-312-317>

УДК 321.01

Постсоветское коммунистическое проектирование государства

А. В. Афонасова

Афонасова Алена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, afonasoava.av@kurg.ranepa.ru

В статье рассмотрены основные направления и особенности коммунистического проектирования в постсоветской России. В результате рассмотрения теоретических, программных и предвыборных материалов КПРФ сделан вывод о том, что современные коммунистические лидеры стремятся синтезировать два «державных» проекта государственного строительства – имперского и советского. Этот проект отходит от привычных для коммунистов классовых и идеологических оценок. Важнейшим источником и признаком «державной силы» будущего Российского государства становятся не его институциональные и режимные характеристики, а его способность адекватно откликаться на «глас народный» и насущные потребности современных российских граждан.

Ключевые слова: политическое проектирование, коммунистический проект, КПРФ, коммунистический проект будущего России, функциональность государства.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 25.04.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Post-Soviet Communist State Designing

A. V. Afonasoava

Alena A. Afonasoava, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147a Karl Marx St., Kurgan 640022, Russia, afonasoava.av@kurg.ranepa.ru

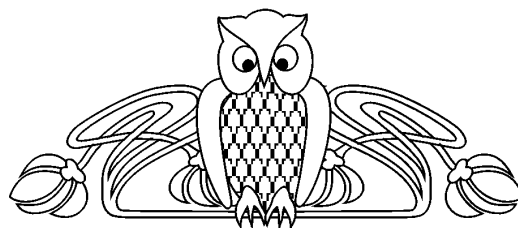
Main directions and features of communist political designing in post-soviet Russia are considered in the article. Having analyzed theoretical, program, and electoral materials of the Communist Party of the Russian Federation, the author makes an inference that modern communist leaders try to synthesize two “sovereign” projects of state-building – imperial and soviet ones. This project departs from class and ideological evaluations that are usual for communists. The key source and attribute of “sovereign power” of the Russian state’s future is not its institutional and regime features but its ability to adequately respond to “vox populi” and actual needs of Russian citizens.

Keywords: political designing, communist project of a state, communist project of Russia’s future, state’s functionality.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 25.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-318-323>

Представление, что государство можно обустроить или даже полностью перестроить по заранее намеченному плану, в той или иной мере, насколько можно судить по плодам политико-философской мысли минувших двух столетий в Старом и Новом свете, свойственно сторонникам как социалистической, так и либеральной, и консервативной идеи. Различие наблюдалось в том, как те и другие трактовали допустимую меру свободы «человека политического» в планировании изменений и в выборе средств и способов осуществления плана. Для консерваторов свобода проектирования человеком будущих состояний и практик государства была ограничена исторической традицией. Для либералов мерой допустимого вмешательства человека в жизнь государства был его, человека, разум и его «естественные» права и свободы, интересы и потребности. Для социалистов, а для коммунистов в особенности, эту меру определял практический интерес, можно сказать, выгода, которую трудящееся большинство современных обществ может получить от преобразований в государстве или даже от уничтожения его институтов и практик. В любом случае консерваторы, либералы и социалисты традиционно имели собственные планы на будущее государства. И для публичного заявления о своих планах все они использовали хорошо различимые для рядовых участников политического процесса специфические идеологические, научные и публицистические дискурсы.

Сегодня ситуация выглядит иначе. Глобализационные вызовы, с которыми столкнулось большинство современных демократических обществ, требуют от них относиться к теоретическим и практическим вопросам проектирования своих государств, вне зависимости от идейно-политических ориентаций и пристрастий отдельных групп граждан, с максимальной внимательностью и осторожностью. Государство в современном мире, особенно национальное государство, – это та цивилизационная ценность, которую легко потерять и к обладанию которой потом элитам и гражданским обществам потенциально очень трудно вернуться. Современные исследователи политических перспектив демократических государств в последние полвека активно продвигают в массовое сознание демократических обществ идею, что самая важная характеристика политической функциональности любого государства в современном мире – это

его «государственная состоятельность», т. е. готовность и способность находить и с пользой для себя и общества реализовывать управленческие решения, в том числе политические¹.

В таких условиях заметные изменения на формальном и содержательном уровнях обнаруживают публичные проективные дискурсы различных политических сил, в особенности дискурсы политических партий. Акторы современной внутренней политики в разных странах пытаются наладить новый порядок конкуренции за электорат. Порядок этот подразумевает, что главное в проекте изменений не масштаб и не глубина последних, а их безопасность для ныне существующих гражданских обществ и их способность купировать угрозы существованию этих обществ в обозримом будущем.

Настоящая статья посвящена анализу реакции КПРФ, ее руководителей и теоретиков на этот общемировой проективный тренд. КПРФ является парламентской партией, она участвует в решении ключевых задач обеспечения жизнедеятельности Российского государства и гражданского общества в нашей стране. У нее достаточно обширный и активный электорат, как возрастной, так и молодежный. Ее лидеры активны в реакциях на болевые точки современной государственной социальной политики, в критике коррупционных явлений во властной элите, в популяризации коммунистических идей среди этого электората. Средствами агитации и пропаганды, своим участием в функционировании законодательной и исполнительной власти на федеральном уровне и в регионах России КПРФ реально способна формировать отношение граждан к своему государству и различным направлениям его деятельности. В каком ключе и в каком направлении она это отношение сегодня формирует? Политической науке это важно понять. Наука эта изначально и сегодня нацелена, прежде всего, на прогнозирование оптимальных состояний политики, способных обеспечить ее прогресс во благо цивилизации. Будет ли российская политика идеологически разнообразной, что необходимо для ее прогресса? Будет ли обеспечивать такое разнообразие коммунистический проект или он навсегда канул в Лету? А если будет, то смогут ли граждане и элиты разглядеть в нем ту специфику содержания и формы, на основании которых они смогут отделить коммунистический проект от других проектов, например консервативных и либеральных, и сделать его самостоятельным предметом своих политических коммуникаций? Ответы на эти вопросы логическим путем пробуют найти отечественные и зарубежные теоретики². Кроме анализа теоретического потенциала коммунистического проекта, ответ на упомянутые вопросы требует анализа той коммуникативной стратегии, которую сегодня коммунисты выбрали для презентации гражданам и элитам своих планов на будущее.

Стратегия эта сегодня активно изучается отечественными исследователями³. Последние, «разложив по полочкам» требования коммунистов к изменениям в российской внутренней и внешней политике⁴, недостаточно внимания уделяют одному, принципиально, на наш взгляд, важному для оценки политической наукой перспектив коммунистического проекта российской политики обстоятельству. В проектировании политической функциональности государства, важнейшем идеологическом вопросе, российские коммунисты очень часто сегодня заявляют себя большими консерваторами, чем сами российские консерваторы. А это, само по себе, ставит вопрос об атрибуции их проективного дискурса как дискурса «коммунистического» и даже только «левоконсервативного».

В политическом процессе историей коммунистам было отведено постоянное место идейных критиков консервативных и либеральных политических проектов. Вопреки этому нынешние российские коммунисты (не все вообще, а те, которые консолидированы под знаменами КПРФ) предпочитают в своей проективной работе опираться на подходы, более привычные для их вечных идейных оппонентов. Они пытаются конкурировать с ними за влияние на российский электорат на их идейном и дискурсивном поле.

Обнаружились эти дискурсивные инверсии у Г. А. Зюганова не сегодня. В 1991 г. он опубликовал в газете «Советская Россия» статью «Архитектор у развалин»⁵, в которой («совершенно в духе Берка», по определению исследователя этого текста Н. В. Ряботяжева⁶) заявлял, что Россия является сложной общественной системой, и потому ее нельзя модернизировать «чохом», а только постепенно и по частям, что нельзя уничтожать одни государственные институты прежде, чем не возникнут и не окрепнут институты новые, что нельзя покушаться на базовые общественные ценности, которые принадлежат уникальному, веками сформировавшемуся «организму советской, российской общественности и государственности», что нельзя в этот организм вживлять чуждые ему «политические суррогаты»⁷. В 2003 г. лидер коммунистов выпустил в свет книгу, направленную, по его собственным словам, на преодоление «последствий демократического погрома российской государственности» и на реабилитацию места веры и Церкви в политике⁸.

Несколько позже, в 2009 г., один из публичных докладов Г. А. Зюганова начинало совершенно социалистическое заявление, что в мире «складывается новая революционная обстановка. Она только вызревает, но несомненно одно: ветер истории вновь дует в паруса левых сил, в наши с вами паруса»⁹. А заканчивала этот доклад сентенция совершенно в консервативном духе: «Наши великие предки не для того веками создавали, развивали и защищали Россию, чтобы она

сгнила в руках кучки воров, взяточников и дураков»¹⁰. Чуть ранее в том же докладе Г. А. Зюганов апеллирует к авторитету А. Энштейна и отдает дань либеральным и противореволюционным настроениям российского электората XXI в. Он повторяет слова великого физика, что «...экономическая анархия капиталистического строя есть подлинный корень зла... Я убежден, что есть только один путь борьбы с этим тяжким злом – *введение социалистической экономики вместе с системой просвещения, направленной на благо общества*» (выделено нами. – Т. А.)¹¹.

Сегодня с российским электоратом о своих намерениях изменить российскую политику и функциональность государства в ней коммунисты продолжают говорить языком консерваторов и либералов. Это, по сути, выбранная ими стратегия коммуникации с российским электоратом.

В публичном дискурсе Г. А. Зюганова доминируют критика либеральной стратегии экономической и социальной политики, вопросы развития отечественной науки и сельского хозяйства, патриотическая проблематика. Много раз за последние десятилетия он критиковал глобализацию и глобалистов, империалистическую политику современных развитых либерально-демократических государств. По итогам последней ежегодной пресс-конференции В. В. Путина, комментируя актуальность поднятых во время нее вопросов, лидер КПРФ в ряду насущных проблем российской жизни на первое место поставил сокращение численности населения в РФ¹². Заметим, что все постсоветские десятилетия критика власти за невнимание к проблеме «вымирания Русского народа» была одним из главных пунктов в коммуникативной повестке отечественных консерваторов¹³. Высказываний о том, как в обозримой перспективе должно выглядеть и функционировать Российское государство, у лидера российских коммунистов не так много. Конкретики в высказываниях на эту тему Г. А. Зюганов избегает даже в тех случаях, когда тематика преобразований в государстве заявляется им непосредственно¹⁴. Он больше говорит не о самом государстве, его устройстве и функционировании, а об изменениях условий в экономике и политике на международной арене, при которых (если на них согласится нынешняя и будущая властная элита) государство может (!) приобрести иной, нежели сегодня, облик и смысл.

Тем не менее, в дискурсе Г. А. Зюганова есть высказывания о государстве, на основании которых можно судить если не обо всем проекте (таковой, вероятнее всего, пока не сложился в головах коммунистических партийных лидеров и теоретиков), то о его «реперных точках». Последних, на наш взгляд, достаточно, чтобы сегодня можно было достоверно судить о доминирующих подходах коммунистов к постановке и решению задачи проектирования государства.

Прежде всего, обращают на себя внимание та охота, с которой Г. А. Зюганов и другие нынешние коммунистические политики и теоретики обращаются к прошлому России за политическими аналогиями и примерами, их желание связать генезис патриотических настроений нынешних и будущих поколений российских граждан с «наследием предков», с историческими традициями и историческими задачами государства и общества. «Исторический» компонент в разных видах, преимущественно с акцентом на историческую роль пролетариата и его политической партии, присутствовал и в дискурсе советской властной и научной элит. Особенно выраженным он был в годы Великой Отечественной войны. Но он был дополнением к основному тренду в политическом дискурсе, который определяла идея будущего «торжества коммунизма». Для нынешних коммунистов «исторический» дискурс стал стержневым, основным во всей системе политических коммуникаций, выстроенной ими. Он позволяет коммунистам заявлять себя «державниками». «Возрождение нашей державы» – таков, по мысли Г. А. Зюганова, основной ориентир участия коммунистов в либерально-демократическом политическом процессе¹⁵.

Со стороны аудитории (российского гражданского общества), к которой обращен этот призыв, естественен вопрос: если возрождение «державы» и «державности» российской внутренней и внешней политики, то по какому именно из двух исторически известных проектов? В прошлом в России последовательно осуществлялась реализация двух «державных» проектов государственного строительства – имперского и советского. Тот и другой в равной мере могут претендовать на роль исторического наследия современной российской политики.

В высказываниях Г. А. Зюганова присутствуют апелляции к обоим проектам. Можно даже назвать это претензией на создание синтетического образа «русской державной традиции», дистанцированного от привычных для коммунистов классовых и идеологических оценок. Основа синтетического подхода лидера коммунистов к конструированию этого образа обладает выраженной спецификой. Важнейшим источником и признаком «державной силы» будущего Российского государства лидер коммунистов считает не его институциональные и режимные характеристики (что всегда было свойственно отношению к государству либералов, а тем более социалистов), а его коммуникативные свойства. Его способность адекватно откликаться на «глас народный», по какому бы поводу этот «глас» ни раздался. То есть речь идет о поддержке государством (главная его политическая функция) такого традиционно-устойчивого уровня коммуникаций с обществом, при котором в массовом сознании не происходит накопления критической массы вопросов, касающихся политики и

других сфер общественной жизни, остающихся без ответа со стороны властной элиты.

Этим, на наш взгляд, можно объяснить соседство в одном тексте, произнесенном Г. А. Зюгановым публично, цитаты из письма великого князя Алексея Михайловича Николаю II (по поводу того, что в России народ имеет собственное мнение о своих нуждах, и нельзя управлять страной, не признавая этот факт и не откликаясь на «мнение народное»¹⁶) и призыва к использованию опыта «советской державности». По этому поводу лидер коммунистов прямо заявляет: «...возрождение России должно зиждиться ... на прочном фундаменте нашего советского прошлого»¹⁷. Таким «фундаментом» он считает общенародную собственность на базовые отрасли экономики, прямое государственное управление этими отраслями, максимально централизованное управление ими¹⁸.

В проективном дискурсе лидера коммунистов нет даже намека на проблему «классовой природы» государства, никак не обозначено отношение к традиционной для коммунистов идее «отмирания» государства или его революционного преобразования. Для докладчика более важной, судя по общему контексту его высказываний, приведенных выше, представляется идея доведения до максимального совершенства традиционных бюрократических устоев Российского государства. Тех, которые обеспечивают практическую функциональность государства (политическую функциональность в первую очередь) и позволяют институтам государства полно, ответственно и оперативно отвечать на любой вопрос, адресованный им со стороны общества. Это, по сути, требование к властной элите отойти от нынешних либерально-рыночных устоев проектирования государственности. Но перейти не к чему-то принципиально новому и соответствующему высокой динамике современных глобальных и региональных политических, экономических и культурных процессов, в которые включено государство. Г. А. Зюганов предлагает элите отойти назад¹⁹, на те консервативно-бюрократические «рубежи обороны», которые в минувшие два столетия так и не обеспечили, заметим, ни имперской, ни советской властным элитам нужного уровня политической функциональности и поддержки со стороны общества. Ни та, ни другая не смогли, сосредоточившись на совершенствовании бюрократических механизмов решения политических и неполитических проблем общества и собственных проблем, сохранить свой контроль над внутренней и внешней политикой России и СССР. Что повышение коммуникативных возможностей и активности институтов государства за счет их самосовершенствования и интеграции в системы массовых коммуникаций само по себе не гарантирует светлой будущности современного демократического государства, убедительно доказал

своим исследованием А. И. Соловьев²⁰. Повышенная коммуникативная активность институтов государства способна, напротив, породить в массовом сознании впечатление, что люди, принимающие управленческие решения, пытаются суетой в социальных сетях замаскировать отсутствие у них четкого понимания политических проблем и способов их решения.

Те теоретические подходы и дискурсы, которые разрабатывались в прошлые столетия классиками коммунистического политического проектирования, были ориентированы на большие и быстро растущие социальные группы – трудящиеся классы – и, что важно, на наличие четких перегородок, отделяющих трудящиеся классы от «праздного класса» по правовым, культурным, экономическим и политическим основаниям. В условиях современного рынка и либеральной политики в большинстве стран, к числу которых относится и Россия, уменьшилась доля работников реального сектора экономики по отношению к доле менеджеров, чиновников и самозанятых работников. Спектр классовых политических и экономических интересов и ценностей в современных обществах в большинстве случаев достаточно размыт. В том числе достаточно размыты в массовом сознании смысловые границы представлений различных социальных групп о «справедливости» и, соответственно, размыты смысловые границы требования «справедливости», которое эти группы обращают к властной элите²¹. Властные элиты настойчиво предлагают согражданам консолидироваться вокруг так называемых общечеловеческих ценностей. В нашей стране можно наблюдать стремление властной элиты консолидировать самые разные возрастные и социальные группы вокруг патристических ценностей²².

Политическое проектирование будущих коммуникаций между государством и гражданским обществом с прежде привычных для коммунистов классовых позиций в современных условиях является большой проблемой для партии. КПРФ – парламентская партия, постоянно участвующая в выборах, и для поддержания своего представительства в структурах федеральной и местной власти партии нужна электоральная поддержка, желательно хоть немного растущая от одного электорального цикла к другому. Ряды электората, в основном возрастного, мотивом поддерживать коммунистов для которого служит ностальгия по советским временам, из года в год сокращаются. У молодого поколения избирателей сегодня наблюдаются определенные ностальгические реакции по советскому прошлому. Но привлекает молодежь к коммунистам не столько реальный опыт советской политики со всеми ее внутренними противоречиями, сколько те принципы социальной справедливости и защищенности работающего человека, которые декларировались в то время, потом были демон-

стративно порушены реформаторской активностью отечественных либералов и по этим причинам ассоциируются в сознании современных людей именно с советской политикой. Сознание этого молодого электората не столько прокоммунистическое и просоветское, сколько антилиберальное. И этот молодой протестный электорат не столь уже граждански активен, как, например, пенсионеры. Он склонен больше ностальгировать о недостатках нынешней политики, чем думать о конкретных способах изменить ее идеологический вектор²³.

В такой ситуации наиболее естественным для коммунистов решением выглядит их работа на более широком электоральном поле – с теми гражданами, которые привержены больше общим гуманным принципам демократической политики, чем конкретным коммунистическим, либеральным или консервативным доктринам этой политики.

Нельзя, вероятно, сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что предложение нынешними коммунистами гражданам и элитам своего, совершенно оригинального политического проекта будущей политики и места государства в ней потребовало бы от них выхода на новый теоретический уровень такого проектирования – на уровень «придумывания» государства.

Технология придумывания исторична. Существует стереотипное противопоставление социалистов как придумывальщиков государства консерваторам и либералам, стоящим на твердой почве реальности. Такой технологией пользовались и либералы, и консерваторы. В 1990-е гг. либералы придумывали проекты создания государства в режиме «демократического транзита». После них эстафету приняли консерваторы с их идеями «Империи Духа» и «государства-Семьи». Эти опыты ориентируют массовое сознание на то, чтобы придумывание государства опиралось на такие основания, которые были бы понятны большинству граждан, их можно было бы вспомнить, оценить, сверить эти воспоминания и оценки. И сделать выбор разумно. С этой точки зрения разумно выглядит призыв коммунистов к электорату, мечтая о новом государстве, обернуться назад и сверить свои мечты с тем, что было плохого и хорошего в жизни предшествующего поколения наших граждан. Придумывать государство, будучи реалистами, а не фантазерами.

Проблема в том, что у всякой политической стратегии логика ее организации и логика ее презентации не всегда сходны. В данном случае это означает, что коммунистами выбрана такая позиция в проектировании политической функциональности государства, которая обеспечивает их проекту рациональное содержание и структурную целостность, не меньшую, а, возможно, и большую, чем у проектов консерваторов и либералов. Но свойства проекта таковы, что они не

обеспечивают ему того уровня специфичности, при котором нынешний российский гражданин мог бы четко отделить в своем сознании коммунистический проект от проектов консервативного и либерального. Чтобы он, таким образом, мог бы сказать самому себе, что нынешние трудности либерально-демократической политики в нашей стране – это вопрос времени, что есть такие коммунисты, и у них есть простой и реалистичный план прорыва в будущее, какого больше нет ни у кого из их политических оппонентов. Специфика презентации коммунистами своего взгляда на будущую российскую политику и место государства в ней такова, что оставляет мало надежд на широкую поддержку этого взгляда гражданами нашей страны.

Примечания

- 1 См.: *Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвилль А. Ю.* Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // *Полис*. 2019. № 2. С. 8–23.
- 2 См.: *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17874380_42321450.pdf (дата обращения: 10.12.2019).
- 3 См.: *Головченко В. И.* Идеологические основы КППФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы // *Власть*. 2009. № 3. С. 74–75; *Бенина Л. И.* Динамика идейных установок левых сил в современной России // *Вестн. БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2016. № 3. С. 51–58; *Касимов Т. С.* Современные марксистские концепции будущего государства в России // *Власть*. 2012. № 8. С. 69–72; *Пастухов В. Б.* От государственности к государству: коммунистическая стадия восходящего процесса // *Полис*. 1994. № 5. С. 38–49; *Ряботяжев Н. В.* Между традицией и утопией: левый консерватизм в России // *Полис*. 2014. № 4. С. 114–130; *Ряботяжев Н. В.* Индивид, рынок и государство. Эволюция мировоззрения европейской социал-демократии. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23176661_89374520.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
- 4 См.: *Сенцов А. Э.* Образ сильного государства в программах современных политических партий России // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2011. № 3 (15). С. 126–130; *Сосенков Ф. С.* Противодействие сепаратизму в системе политико-правовых взглядов Г. А. Зюганова // *Инновационная наука*. 2015. № 9. С. 235–237. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24152827_62924935.pdf (дата обращения: 10.12.2019); *Сосенков Ф. С.* Вопросы государственного единства в идеологии КППФ и политико-правовых воззрениях Г. А. Зюганова // *Вестн. ВГАВТ*. 2015. № 45. С. 41–48.
- 5 См.: *Зюганов Г. А.* Архитектор у развалин. URL: <https://evgteterev.livejournal.com/8103.html> (дата обращения: 23.01.2020).
- 6 *Ряботяжев Н. В.* Консерватизм и модернизация: единство и борьба противоположностей? URL: <https://>

- elibrary.ru/download/elibrary_28104651_44521462.pdf (дата обращения: 11.12.2019).
- ⁷ См.: Зюганов Г. А. Архитектор у развалин.
- ⁸ См.: Зюганов Г. А. Святая Русь и Кощеево царство : основы русского духовного возрождения. М. : Резерв, 2003.
- ⁹ Зюганов Г. А. Выход из кризиса – социализм. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на II (совместном) Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ. М. : Правда-Пресс, 2009. С. 4. URL: <https://kprf.ru/library/pubs-zyuganov/vykhod-iz-krizisa--sotsializm.html> (дата обращения: 14.12.2019).
- ¹⁰ Там же. С. 31.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Зюганов Г. А. Безопасность государства под угрозой! URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19157306_67863290.pdf (дата обращения: 11.12.2019) ; Зюганов оценил пресс-конференцию Путина. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/12/19/n_13834874.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 20.12.2019).
- ¹³ См.: Когда Россия перестанет быть русской. URL: <https://www.saratov.kp.ru/daily/27026.7/4089262/> (дата обращения: 19.12.2019) ; Пуцаев Ю. Исчезнут ли русские как народ? Беседа с демографом Владимиром Архангельским. URL: <https://pravoslavie.ru/122014.html> (дата обращения: 19.12.2019) ; Бабичев С. А. Почему вымирает русский народ. URL: <https://www.proza.ru/2018/06/09/642> (дата обращения: 19.12.2019).
- ¹⁴ См.: Зюганов Г. А. Безопасность государства под угрозой!
- ¹⁵ Зюганов Г. А. Выход из кризиса – социализм ... С. 30.
- ¹⁶ Там же. С. 22–23.
- ¹⁷ Там же. С. 20.
- ¹⁸ Там же. С. 16.
- ¹⁹ См.: Зюганов : Наше будущее – обновленный СССР. URL: <https://svpressa.ru/politic/news/251183/> (дата обращения: 11.12.2019).
- ²⁰ См.: Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. 2019. № 4. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- ²¹ См.: Граждане перестанут надеяться на государство. URL: <https://news.mail.ru/society/35012217/?frommail=1> (дата обращения: 11.10.2018).
- ²² См.: Касамара В. А., Сорокина А. А. Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // Полис. 2011. № 4. С. 171–184.
- ²³ См.: Резолюция «МОЛОДЕЖЬ 2030 : БУДУЩЕЕ РОССИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ». URL: <https://mainsubject.ru/204-rezolyutsiya-molodezh-2030-budushhee-rossii-glazami-molodogo-pokoleniya.html> (дата обращения: 27.01.2020).

Образец для цитирования:

Афонасова А. В. Постсоветское коммунистическое проектирование государства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 318–323. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-318-323>

Cite this article as:

Afonasova A. V. Post-Soviet Communist State Designing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 318–323 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-318-323>

УДК 338

Миф политической функциональности исторической памяти в современных условиях

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье представлен анализ прагматических мотивов, побуждающих сегодня гражданские общества и властные элиты в нашей стране и по всему миру менять свое отношение к собственной исторической памяти и к своим мифологическим представлениям о ее политической функциональности. Отдельное внимание уделено парадоксу, имеющему место в российской и зарубежной либерально-демократической политике. Суть его состоит в том, что активное использование элитами и гражданскими обществами сюжетов и механизмов исторической памяти для решения тактических задач текущей политики сопровождается сегодня в нашей стране и в других странах общим падением их интереса к ее возможности быть стратегическим ресурсом современной политики и падением доверия к ее показаниям. В статье предложено авторское объяснение природы и вероятных последствий этого парадокса для современной либерально-демократической политики в России и мире целом.

Ключевые слова: либеральная политика, историческая память современных обществ, социально-политический миф

Поступила в редакцию: 20.04.2020 / Принята: 24.04.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

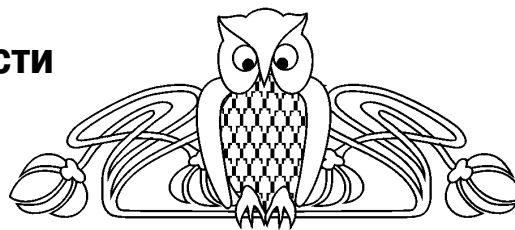
Myth of Historical Memory's Political Functionality in the Present Context

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article presents analysis of pragmatic motives that stimulate civil societies and governing elites in our country and throughout the world to change their attitude to historic memory and mythological views on its political functionality. Special attention is paid to the paradox taking place in Russian and foreign liberal and democratic politics. It means that using mechanisms of historical memory in order to achieve tactical goals of the current policy is accompanied with general decrease of elites and civil societies' interest to historical memory's ability to be a strategic resource of modern politics and with decrease of credibility of its indicators. The author offers his own explanation of the nature and possible consequences of such a paradox for contemporary liberal and democratic politics in Russia and in the whole world.

Keywords: liberal politics, historical memory of modern societies, social and political myth.

Received: 20.04.2020 / Accepted: 24.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332>

За долгую историю рода человеческого утверждение, что «без прошлого нет настоящего и будущего» стало восприниматься большинством людей как аксиома. Применительно к сфере политики смысл этого афоризма можно раскрыть так: знай, человек, свое прошлое, при решении текущих проблем активнее апеллируй к опыту предков, не сомневайся в ценности традиций, и тогда в своем политическом развитии ты не собьешься с пути, ведущего к поставленным тобой позитивным целям!

Притом что не всегда жизнь подтверждает правильность этой аксиомы. В современном мире есть государства и нации с относительно недолгой и далеко не самой славной своими достижениями историей, которым это не мешает решающим образом влиять на ход дел в мировой политике и экономике и даже заявлять претензии на единоличное глобальное лидерство. Есть, с другой стороны, политические сообщества с длительным и богатым политическими и культурными достижениями прошлым, с тысячелетней историей государственности, наследники древних и средневековых цивилизаций, которым все это наследство помогает развивать туризм, но не обеспечивает, однако, динамики и уровня прогресса, нужного для полноценного участия в мировой политике и мировых экономических процессах. Есть страны, их сегодня особенно много на постсоветском пространстве, гражданские общества и элиты которых предпочитают в своем прошлом видеть помеху и источник политических, экономических и культурных проблем для своего настоящего и будущего. Есть и такие общества и элиты, как в России, например, которые сегодня предпринимают целенаправленные усилия к тому, чтобы актуализировать знание о своем богатом и славном прошлом, чтобы сделать его источником мотивации к движению социально-политической системы вперед. Получается это у них с переменным успехом, но намерения очевидны.

Это разнообразие в реальном положении дел не является, тем не менее, для большинства людей в современном мире поводом ставить

справедливость и ценность упомянутого афоризма под сомнение. В нашей стране он, в разных формулировках, художественных и научных, публицистических и религиозных, является неременной частью официальных, а также неофициальных консервативных, социалистических, иногда даже либеральных патриотических дискурсов. Афоризм этот кочует по научным и медийным текстам, по социальным сетям и каналам бытовых коммуникаций. Он характеризует идеологию различных концепций и программ патриотического воспитания российских граждан, немало число которых появились на свет за три постсоветских десятилетия.

Причина его устойчивости в том, что в данном случае понятие «прошлое» обозначает не событийную сторону исторического процесса. Оно обозначает то, что мы об этих событиях знаем и помним, а также тот смысл, который мы этим событиям придаем. Оно, иначе говоря, является характеристикой состояния нашей и других людей исторической памяти. Афоризм живуч, потому как передает смысл одного из наименее заметных в политике, как прежде, так и сегодня, социально-политического мифа. Мифа вместе с тем очень важного для ее организации и управления ею. Речь идет о *мифе политической функциональности исторической памяти человека*, а также *исторической памяти общества*, к которому этот человек принадлежит.

Миф политической функциональности исторической памяти – это *стереотипное представление субъектов политики (часто, как это свойственно социальным мифам, еще и окрашенное яркими позитивными и негативными эмоциями этих конкурирующих субъектов) о том, что устойчивая и содержательно богатая историческая память социума является тем необходимым и достаточным ресурсом, а также инструментом внутренней и внешней политики, за счет использования которого общество и государство получают возможность решить самый широкий спектр своих задач и тем самым направить политический процесс в нужное им русло.*

В самом этом определении уже в известной мере заключено объяснение причины, по которой участники политического процесса, при всех его поворотах и трансформациях, были, есть и будут привержены упомянутому мифу. Любой человек и любое общество, живущие политической жизнью, более или менее постоянно нуждаются в мотивации своего политического участия. Мифологические представления о свойствах человеческой исторической памяти являются в этом смысле очень убедительным аргументом. Историческую память миф представляет ресурсом участия и человека и общества в политике, объем и качество которого, а также порядок использования для решения политических задач они *сами, по своей воле* (что

особенно важно в условиях демократического процесса) могут для себя определять. Это если руководствоваться представлением о «свободе» как «осознанной необходимости», «ресурс свободы» современных обществ и индивидов. Он помогает им точнее определить для себя границы желаемого и возможного в своем политическом участии, а также определиться с выбором средств для него. Миф, таким образом, получает себе подкрепление в довольно распространенном во все времена взгляде на политику как на преимущественно волевой акт присвоения властной функции и применения властных полномочий.

В мифологизированном сознании субъекта политики его историческая память, управляемая его волей, становится уникальным по своим возможностям «стратегическим резервом» политики. Уникальным в том смысле, что задействовать его для легитимации и достижения поставленных целей субъект политики имеет возможность даже тогда, когда использование других ресурсов политики ему по каким-то причинам недоступно или невыгодно. В России и за рубежом оправдание политиками и политологами, и даже рядовыми гражданами своих мыслей и действий ссылками на «заветы предков», «историческую справедливость/несправедливость», «долг перед памятью предков», «приверженность традициям» и т. д. – это сегодня стандартная практика политических коммуникаций.

У мифа политической функциональности исторической памяти имеется еще одно привлекательное свойство, расширяющее возможности его применения для решения различных политических задач. Он не конфликтует с привычным для современного человека представлением о политике как области рациональных идей и рациональных практик. Одной из естественных основ функционирования любого современного общества является фактическое согласие большинства его членов относиться к деяниям предков как к практически ценному опыту. Именно опыту, т. е. совокупности решений, не всегда себя оправдывавших в прошлом, но всегда имевших рациональную мотивацию, а потому доступных изучению и пониманию потомками. Понимание позволяет людям извлечь из упомянутого опыта уроки, закрепить их в своей исторической памяти и ориентироваться на них в решении актуальных проблем политики. Историческая память благодаря этому преимущественно рациональна по своему строению и содержанию. Миф политической функциональности исторической памяти объясняет субъектам политики, почему, используя свою историческую память в качестве ресурса и инструмента решения проблем текущей политики, они поступают максимально рационально.

В обществах, особенно «модернизированных», время от времени оживают настроения и

делаются соответствующие попытки подвергнуть свой и своего государства исторический опыт научной и публицистической критике. С подобной ситуацией в 90-е гг. прошлого столетия столкнулось, в частности, советское общество. Оно, с подачи своих интеллектуальных и властных элит, встало на путь ускоренной либеральной модернизации. Выбор этот подразумевал, что ради достижения в кратчайшие сроки привлекательных политических и экономических результатов общество должно ощутить себя свободным от бремени советского опыта. В результате в течение нескольких лет проблематика ликвидации «белых пятен» и «черных дыр» в исторической памяти советских людей находилась на передовом рубеже повестки публицистических, научных и политических дискуссий. Дискуссии эти показали, что даже критики советского политического опыта, если они относились к своему делу с добросовестностью профессиональных историков, экономистов и публицистов, обычно не подвергали сомнению его рациональность и ценность, прежде всего ценность в качестве источника уроков. Уроки эти, настаивали критики, новыми поколениями должны быть поняты и усвоены. Для современных людей они являются гарантией от повторения ошибок предшественников.

Некоторые специалисты, участвовавшие в этих дискуссиях, уже в то время заметили, что фактически попытки «демифологизировать» историческую память постсоветских общества и элиты, сделать ее более рациональной и более насыщенной «уроками истории», чем она была в советское время, дают противоположный эффект¹. Доверие общества и элит к показаниям своей исторической памяти как ресурсу и инструменту решения конкретных проблем политики только растет, и, соответственно, миф политической функциональности исторической памяти укрепляет свои позиции в массовом сознании.

В современных политических коммуникациях существует традиция отождествлять любой социально-политический миф с ложью, идейной диверсией и тому подобным из мира «черных» политических технологий. Из повседневных политических коммуникаций и публицистики эта негативная интерпретация переключалась в научные тексты. Политические процессы, происходившие в Старом и Новом свете, заставляют усомниться в правильности таких оценок. Наиболее показательным примером в этом смысле является процесс становления наций и национальных государств в Новое время. Историческая память в этом процессе была одним из главных ресурсов для конструирования «национальных идей» и для определения «сфер жизненных интересов» политических новообразований².

В Европе и России этот исторический период был сопряжен с религиозными, этническими,

революционными конфликтами, захватом и переделом колоний. В таком сложном политическом контексте часто сама историческая память становилась полем конфликтов национальных школ в исторической науке и информационных войн, направленных на дискредитацию культурной и этнической идентичности обществ-конкурентов. С этими обстоятельствами связано разнообразие динамики процесса нациестроительства и путей, которыми различные нации шли к созданию собственных государств. Французы, англичане, испанцы, португальцы и голландцы, например, усилиями протестантского и католического духовенства, которые поддержали национально ориентированные деятели науки и искусства, в течение века-полутора превратили свои государства-нации в эталоны «рациональной и просвещенной политики» и примеры для подражания. Кроме того, свои государства-нации они сделали метрополиями огромных колониальных империй. Право господствовать над народами колоний (Киплинг) они мотивировали цивилизаторской миссией, возложенной на них самой историей и успешно реализуемой ими благодаря тому, что их коллективная историческая память устроена рационально и потому является уникальным и практически ценным хранилищем величайших достижений мировой цивилизации от библейских времен до наших дней.

Более сложным путем к созданию нации и национального государства шли народы Балкан и Восточной Европы, а также немцы и наши предки. Их национальные государства начинали формироваться, затем порой разрушались или поглощались соседними государствами. Но потом процесс создания наций-государств продолжался, чтобы получить свое завершение уже в Новейшее время, в частности, по итогам Второй мировой войны. Тем не менее, их готовность в создании своей новой политической идентичности опереться на показания своей исторической памяти тоже себя принципиально оправдала.

В Новейшее время миф политической функциональности исторической памяти взяли на вооружение элиты и общества, выбравшие для себя путь борьбы за освобождение от колониальной зависимости и создания собственных национальных государств³. Как показал XX век, воспользовались они этим мифом вполне рационально и успешно. Стереотипные сюжеты колониальной истории Африки, Индии, Индокитая, Латинской Америки и негативные и эмоциональные оценки последствий колониальной политики, тиражировавшиеся в политических коммуникациях внутри туземных элит и между элитами и простонародьем, обеспечили уровень солидарности «верхов» и «низов», достаточный для обретения государственного суверенитета и национальной идентичности.

В наше время, по следам распада СССР и «социалистического лагеря» в Восточной Евро-

пе, интерес демократически ориентированных гражданских обществ и властных элит к своей исторической памяти и ее использованию для нужд внутренней и внешней политики вырос многократно. В странах Балтии, в Литве, Польше, Украине, Венгрии и Чехии активность и разнонаправленность применения этого ресурса и инструмента сегодня таковы, что для обозначения новой ситуации специалисты ввели в научный и публичный дискурсы понятие «политика памяти». В разных странах сегодня «политика памяти» обладает некоторой спецификой. Тем не менее, во всех случаях она представляет собой поисковую практику. Ее смысл и пафос определяет стремление обществ и элит найти и аргументами из резерва исторической памяти легитимировать альтернативу прежней, советской стратегии демократического развития. Иначе говоря, политика эта сегодня приобрела популярность как средство проложить путь в «светлое будущее» и наметить для ныне живущего поколения граждан его, будущего, принципиальные ценностные, институциональные и эстетические контуры.

Миф политической функциональности исторической памяти в этих условиях стал средством убеждения гражданских обществ и элит, что их историческая память достаточно надежна, чтобы гарантировать им чаемое постсоветское будущее. Надо только поддерживать ее в максимально работоспособном состоянии и защищать от покушений на ее целостность и уникальность извне.

С формальной точки зрения, у многих современных государств и обществ есть все необходимое, чтобы системно и результативно эту задачу решать. Есть институты образования и науки, есть информационные технологии и СМИ, есть многочисленные и хорошо устроенные «места памяти» (памятники, мемориалы, музеи и т. д.). Есть, наконец, развитая система каналов внутрисоциальной коммуникации, по которым осуществляется обмен воспоминаниями об истории семьи, общества и государства между поколениями граждан.

В условиях нынешней либерально-демократической политики, российской в том числе, задача эта решается трудно. Широкий спектр проблем особенно ярко высветили информационные войны, активизировавшиеся во всем мире и в особенности на постсоветском пространстве с началом XXI в. Войны эти шли и в прошлом веке, и во все предшествующие столетия. Обычно в фокусе противостояния участников таких войн были поворотные моменты истории и их альтернативные трактовки. Иначе говоря, обсуждению подлежало то, что в условиях «горячих» и «холодных войн» позволяло противостоящим сторонам перераспределять между собой «исторические заслуги» и «историческую ответственность» за все, что происходило и происходит в

мире политики. Этому привычному порядку использования политического функционала исторической памяти последовали и постсоветские элиты нашей страны, а также стран Восточной Европы в период раздела политического и экономического наследия СССР и социалистического содружества. Политический и экономический ущерб, который в ходе раздела понесла Российская Федерация, был во многом предопределен готовностью российской политической элиты 1990-х гг. ради быстрее разрушения советской политической системы и сближения с Западом взять на себя максимум «исторической ответственности» и минимально претендовать на какие-либо «исторические заслуги».

Теперь же в информационных войнах, особенно на постсоветском пространстве, обнаружилась новая тенденция. Значительно чаще, чем прежде, предметом конфликтов и главным оружием борьбы в них сегодня выступают не альтернативные трактовки важных событий и процессов в мировой истории. На первый план вышли различные, действительные и мнимые, «исторические» обиды и претензии, символические демарши⁴, а также провокационные заявления политиков и общественных деятелей, с одной стороны, и опровержения на них, с другой стороны. В канун празднования 75-летия Победы СССР над гитлеровской Германией и сразу после по мировому информационному пространству прошла буквально волна официальных и неофициальных заявлений такого свойства. Кроме того, в последнее десятилетие в этих войнах актуализировались проблемы вандализма, т. е. демонстративных осквернений и разрушений «мест памяти», осуществляемых как по личной инициативе граждан, так и по инициативе муниципальных и государственных властей различных стран на постсоветском пространстве⁵.

Слабее, чем в международных отношениях, но и во внутрироссийской политике тенденция тактических манипуляций исторической памятью в режиме «войны с памятниками» тоже заявляет о себе. То установка памятника первому русскому царю в г. Александрове (исторической Александровой слободе) послужит поводом к взаимным обвинениям граждан и политиков в неуважении к прошлому и симпатиям к тиранической власти. Памятник, следует заметить, поставили еще в 2017 г. Потом его демонтировали по причине несогласия в рядах политиков и общественности, и наконец в 2019 г. повторно торжественно открыли под аккомпанемент все той же непримиримой словесной войны «патриотов» и «либералов»⁶. То вдруг в другом российском регионе разгорается конфликт по поводу законности и исторической оправданности установки бронзового бюста адмирала А. В. Колчака⁷. А протесты против реконструкции конного памятника Г. К. Жукову на Манежной площади в Москве уже приобрели некоторую периодич-

ность: появление очередной публикации на эту тему рождает очередной конфликт архитекторов, искусствоведов и равнодушных граждан⁸. Во всех упомянутых случаях противостоящие стороны обвиняют друг друга ни больше ни меньше как в покушении на самые основы национальной исторической памяти, представляют друг друга заведомыми врагами всякой «правды» и «справедливости».

Порой энтузиазм российских политических активистов в деле тактических манипуляций исторической памятью вообще выходит за рамки разумного. Например, в канун празднования 75-летия Победы в разных городах РФ некие «оппозиционно» настроенные активисты предприняли попытки разместить на сайте «Бесмертного полка» фотографии нацистских преступников⁹. В ряде случаев им это удалось. Всех их быстро нашли и привлекли к ответственности. Остается гадать, как подобная манипуляция с исторической памятью российских граждан помогла бы возродить в последних симпатии к ценностям либеральной идеологии и сторонникам либеральной политики? Вероятно, полагали провокаторы, надругательство над исторической памятью сограждан спровоцирует у последних недоверие к институтам власти, которые формально все контролируют, а реально допускают такие «проколы» в контроле массовых политических коммуникаций.

Провокация никогда не была и не может быть политической стратегией. Она – технический инструмент политики, причем не самый надежный. Она всегда была и остается сегодня средством локального воздействия на политические процессы. С учетом этого понятен интерес разного рода провокаторов и в России, и за ее пределами к использованию исторической памяти именно как тактического ресурса политики. Они действуют по принципу «от противного»: если институты государства выступают в роли защитников незыблемости исторической памяти граждан России, то противники этих институтов берут на себя роль ее осквернителей.

Нынешняя высокая конфликтность российской «политики памяти» и интерес ее субъектов к тактическим манипуляциям с социальным знанием о прошлом и с символическими атрибутами такого знания («местами памяти», образами политических лидеров и т. д., оценками «знаковых» событий прошлого) имеют другую, более фундаментальную природу. Они являются частным случаем общей проблемы всей современной либерально-демократической политики – в ее нынешних неолиберальных и неоконсервативных измерениях в особенности. А именно – проблемы все более ускоряющегося в условиях глобализации *ослабления потребности современных социально-политических систем в использовании своей исторической памяти для решения главной политической задачи – опре-*

деления контуров будущих состояний и взаимоотношений государств и обществ, а также доказательства возможности и необходимости их движения к этому будущему. Не тому будущему, которое наступает в силу естественного течения физического времени, а будущему как существенно иному, более безопасному и более комфортному для людей, чем сейчас, состоянию их политического общежития. Будущему как *ожидаемому результату прогресса политики.*

Современные «западные» либерально-демократические социально-политические системы вышли на тот уровень политического и экономического комфорта, безопасности от внешних угроз, двигаться дальше которого – значит рисковать достигнутым. Другие, как, например, российская и постсоветские социально-политические системы, на этот уровень не вышли, но всеми силами и способами стремятся выйти. Пытаются во всем максимально соответствовать либеральному «стандарту цивилизованности», сформированному на основе наблюдения за опытом соседей по геополитическому пространству. Этот «стандарт» и свои усилия ему соответствовать они отождествляют с «прогрессом политики»¹⁰. Для тех и других двигаться дальше и рисковать достигнутым либо реально достижимым лишено практического смысла – это неоправданный риск. Практического смысла, следовательно, лишена актуализация в политических и научных дискурсах, во всей системе политических коммуникаций проблемы стратегических политических альтернатив нынешнему либерально-демократическому порядку. Актуально обсуждение проблем сохранения и укрепления этого порядка ради безопасности и комфорта нынешних и будущих поколений.

Да, нормальная политика, как постоянный конфликт интересов и сил, должна включать в себя борьбу граждан и властных элит за разнообразные изменения. Она должна включать в себя и сами изменения. Это либерально-демократическая политика в большинстве случаев признает и реализует эту норму посредством своих институтов и практик. Либеральная политика, как показывает история последних десятилетий, лояльна даже к покушениям на изменение своих же базовых принципов. Раньше, например, в ней оправданием принятому решению служила воля гражданского большинства. Теперь же во многих случаях, особенно когда речь идет о правовом регулировании внутренней политики современных демократических государств, решения принимаются в интересах различных гражданских меньшинств как потенциального источника рисков для стабильности в общественном и государственном порядке. В этом случае лояльность гражданского большинства интересам гражданских меньшинств подается участниками публичных коммуникаций как разумная плата за собственную безопасность и

комфорт. Другой пример – «общечеловеческие ценности», в последние десятилетия усиленно продвигавшиеся либеральными элитами в политическую сферу в качестве альтернативы ценностям нации. У самостоятельных наций ценности могут быть разными, и эти различия способны генерировать конфликты. По поводу «общечеловеческих ценностей» политические и идеологические баталии вести некому, не с кем и незачем.

В условиях либеральной политики (что делает ее особенно привлекательной для многих людей в современном мире, в полном смысле символом прогресса цивилизации) возможны, по крайней мере – потенциально, любые изменения, до которых только человек может додуматься, может найти поддержку своих инициатив у окружающих и это «общественное мнение» узаконить. Главное, чтобы политические замыслы наших современников и их действия по оптимизации пространства своего политического бытия не выходили за границу, прочерченную современными либеральными политическими теорией и практикой, не ставили бы достижения современной (конечно же «западной» в первую очередь) цивилизации «под угрозу».

В таких условиях масштабная и прочная историческая память современных обществ и элит, а уж тем более их вера в стратегические ресурсы возможности своей памяти, воплощенная в мифе ее политической функциональности, представляет собой угрозу существующему либерально-демократическому порядку представлений и действий. Историческая память постоянно сеет в людях и обществах сомнения в правильности порядка их политической жизни. Она постоянно убеждает, что эта жизнь, в принципе, может быть другой при другом раскладе объективных и субъективных факторов. Она им постоянно подсказывает, что надежды построить на Земле «тысячелетнюю либеральную империю» по своим практическим результатам мало, скорее всего, будут отличаться от надежд предшественников основать «Тысячелетнее Царство Христово», «тысячелетний Рейх» либо, как пелось в известной песне советской поры, сделать так, чтобы хватило «у советской власти силы на века». Для современной либеральной политики историческая память гражданских обществ и властных элит, особенно мифологическое отношение к ней, представляют собой угрозу, которую желательно купировать.

«Политика памяти» в режиме постоянной суеты вокруг «мест памяти», практически непрерывных разборок между деятелями политики, науки и культуры по поводу исторической и политической терминологии оценок событий и личностей прошлого, перерастающих в европейскую и мировую «войну за историю», является, в сущности, средством решения этой задачи. Субъекты современной либерально-де-

мократической политики в интересах собственного блага приучают себя к мысли, и по большей части уже с нею свыклись, что главное, на что пригодна их историческая память, это быть неисчерпаемым источником поводов для ситуативных конфликтов, при помощи которых в современных политических процессах маркируются расстановки интересов, сил и ресурсов. То есть она – не более чем тактический ресурс современной либерально-демократической политики. А проектированием будущих состояний мира и отдельных государств и обществ должны заниматься исключительно профессиональные футурологи и соответствующие «мозговые центры», гарантированно лояльные принципам либерально-демократического мироустройства¹¹. Миф политической функциональности исторической памяти становится в таких условиях все больше мифом ее политической малофункциональности.

В свете этой тенденции то, что сегодня происходит в сфере целеполагания российской политики, напоминает трехсторонний «общественный договор» между гражданским обществом, властной элитой и научной элитой. Договор этот формулируют экономически развитые либеральные демократии, а те, кто, подобно России, намерен достигнуть их уровня благосостояния, к нему присоединяются и подтверждают присоединение, в том числе своими намерениями и действиями в рамках «политики памяти». Они возрождают и тщательно охраняют свою историческую память, особенно в той ее части, которая связана с героическими страницами истории государства и общества. Но используют ее исключительно в рамках решений текущих задач политики, связанных с легитимацией институтов власти, политическим воспитанием граждан, реагированием на конфликты с соседями по политическому пространству. Формальным предметом договора является проблема будущего либерально-демократического политического процесса в нашей стране. Но условие «договора» таково, что граждане не ставят перед элитами вопрос о стратегии постлиберального развития России. Элиты, в свою очередь, своей просветительской и политико-воспитательной активностью не пытаются их на этот вопрос провоцировать. Публичный дискурс властно-общественных коммуникаций выстроен вокруг «осевой структуры» исторической памяти. В случае с нашей страной это воспоминания нынешнего поколения граждан о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны. В дискурсе этом звучат (что естественно для страны с такой богатой историей, какой является Россия) и проблемы других исторических периодов. Но звучат не так интенсивно и не так по-современному политично (можно сказать, не так идеологично), как это происходит с проблемами советской истории середины XX столетия.

По смыслу упомянутого «договора» новации в современной и будущей российской политике, в принципе, не исключены. Они даже ожидаемы элитой и особенно гражданским обществом. Но они не должны выходить за рамки «модернизации» уже существующих политических, экономических и правовых систем. Во многих «западных» и «восточных» современных государствах с либерально-демократической системой управления ожидания перемен присутствуют в повестке массовых коммуникаций и электоральных кампаний. Ту же картину можно наблюдать и в России. Постоянно требовать от власть предержащих крупных и мелких «перемен к лучшему» – это сегодня либеральная норма функционирования «правильного» гражданского общества. Российские политические партии, например, включая так называемую «системную» оппозицию, свою стратегию и тактику сегодня выстраивают в полном соответствии с этой нормой.

Только все эти «перемены к лучшему», по логике «договора», должны быть понятны участникам политики, управляемы ими и безопасны для них. В мире плохо осознаваемых и плохо контролируемых угроз экологических катастроф, кризисов обеспеченности людей продовольствием, питьевой водой, медицинской помощью и т. д. политика получает шанс стать олицетворением цивилизации. То есть способности человека обустроить окружающий мир и собственную жизнь в нем согласно своим представлениям о комфорте и безопасности. Политический процесс сегодня не должен, подразумевает «договор», развиваться так, как это было в прошлые столетия, по своим собственным «объективным законам», т. е. трудно предсказуемо и рискованно. Российская история великая и славная, но много в ней такого, повторение чего для сознательного гражданина современной РФ не выглядит желательным. По-настоящему современная политика должна в лучшую сторону отличаться от политики в прошлом, как в России, так и за ее пределами, своим качеством «стабильности» и предсказуемости.

Пока действует такой трехсторонний «общественный договор» трудно ожидать, что, вопреки тенденциям мировой политики, в российской политике, в российских научных и политических дискурсах актуализируются проблемы «постлиберального» политического процесса. Больше оснований предположить, что место, которое в повестке политических коммуникаций в идеале должны были бы занимать вопросы определения стратегических перспектив российских общества и государства, еще долго будут занимать дискуссии политиков и политологов на тему: можно ли в России создать правовое государство и гражданское общество либерального «западного» типа, если к этому нет объективных и субъективных исторических предпосылок?

Проторенным путем будет осуществляться тактическое использование ресурсов российской исторической памяти в «политике памяти» и в разнообразных «войнах за прошлое». Даже вселенская борьба с эпидемией коронавируса, в которой участие приняли российские элиты и гражданское общество и которая фактически ребром поставила в повестку российских публичных дискуссий проблему системных недостатков политического и административного управления, и та не смогла изменить к лучшему сложившуюся ситуацию. На фоне повышенной активности бюрократических структур в борьбе с инфекцией и в «дисциплинировании» граждан в условиях «самоизоляции» заметно активизировались выступления экспертов из числа политиков, политологов и деятелей медиасферы на тему неизбежного наступления в политике, экономике, социальной сфере и массовых коммуникациях «новой нормальности»¹². Живой отклик эти разговоры получили в социальных сетях. Однако дальше создания термина «новая нормальность» политические прогнозирование и проектирование не продвинулись.

Проблема в том, что все это видимые предпосылки кризиса целеполагания современной и будущей российской политики. Этот кризис неизбежно возникнет в том случае, если современный мир столкнется с проблемами чуть большего масштаба и глубины, чем проблемы, возникшие по следам пандемии 2020 г. Уже пандемия вывела образцово-показательные «западные» демократии из состояния стабильности и уверенности в своей безопасности и в вечности своего комфортного существования в режиме растущего потребления благ. Несколько больший уровень проблем вполне способен дискредитировать институты гражданского общества и правового государства в Европе и США, которые играют сегодня роль цивилизационного «стандарта». Прогнозируема ситуация, когда в условиях системного кризиса «западной» либеральной демократии ее нынешние апологеты станут ее главными и непримиримыми критиками и гонителями. Им нужно будет расчищать пространство политических коммуникаций от накопившихся там, не без их участия политических «мифов», «предрассудков» и «заблуждений» относительно былых достижений либеральной демократии.

Российскую социально-политическую систему (либерально-демократическую по форме, а в некоторых моментах и по сути) такой сбой в функционировании окружающего политического пространства просто и неизбежно оставит без всяких ориентиров существования и всяких надежд на лучшее будущее, которые могли бы послужить основой восстановления доверия и коммуникаций между гражданами и властной элитой в «постлиберальном» мире. По объективному течению обстоятельств «постлиберальная» российская политика должна будет либо

выбрать свои ориентиры прогресса (над которыми пока никто из политиков и политологов серьезно не работает), либо, что более вероятно, совершаться в режиме инерции принципов, практик и технологий – фактически в режиме блуждания без цели и смысла и поиска точек опоры «методом тыка». Хотелось бы надеяться на быстрое прохождение страной этой фазы «безвременья» политического процесса. Не менее вероятно вместе с тем, что при отсутствии в запасе у общества и элиты не только готовых проектов политического будущего, но даже уверенности в достаточности и функциональности своих представлений о политическом прошлом это «безвременье» затянется. Тогда оно породит не новые формы и принципы политической организации, а общий кризис доверия людей к политике как одной из повседневных практик. О последствиях можно судить на примере того, что произошло с религиозными практиками в современном мире, которые на протяжении веков прежде были во многих случаях для людей важнее политики. Мир поделился на тех, кто верит в силу и ценность религиозных практик, и тех, кто их отвергает. Тот же расклад возможен и в отношении современных людей к политике. Мир внезапно может поделиться на тех, кто политику признает, верит в ее возможности сделать жизнь людей другой, и их оппонентов, отвергающих политику в принципе. Вот тогда, действительно, наступит в полном смысле «новая нормальность».

Примечания

- 1 См.: *Согрин В. В.* Либерализм в России конца XX века : перипетии и перспективы // *Русский либерализм : исторические судьбы и перспективы* : материалы Междунар. науч. конф. М. : РОССПЭН, 1999. С. 151–166 ; *Фурсов А. И.* Мифы перестройки и о мифах перестройки // *Социс.* 2006. № 1. С. 31–36 ; *Никитинский Л. В.* «Миллион терзаний» заблудшего интеллигента (поправки к парадигме) // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2. С. 108–120. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/17740226/> (дата обращения: 28.03.2020).
- 2 См.: *Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории* / отв. ред. В. С. Бондарчук. М. : ИКД «Зерцало-М» ; ИД «Вече», 2005. (Исследования по всемирной истории) ; *От nationes Средневековья к нациям Нового времени на Западе и Востоке Европы.* URL: <https://medieval.hse.ru/news/171049385.html> (дата обращения: 09.04.2020).
- 3 См.: *Литинский А. Л.* Образы африканского прошлого и самосознание афроамериканцев в XX в. // *Восток. Афро-азиатские общества : история и современность.* 2007. № 4. С. 74–84 ; *Национальная идея. Страны, народы, социумы* : сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Оганисян. М. : Наука, 2007.
- 4 См.: *Фонтан «Три председателя мочатся на Боснию и Герцеговину» стал поводом для скандала.* URL: zen.yandex.ru/media/ruserbia/fontan-tri-predsedatelia-mochatsia-na-bosnii-i-gercegovinu-stal-povodom-dliaskandala-5ec3b432f7249d56194dcddd (дата обращения: 19.04.2020).
- 5 См.: Чехия официально отказалась передать России снесенный памятник Коневу. URL: https://yandex.ru/news/story/CHekhija_oficialno_otkazalas_peredat_Rossii_snesennyj_pamyatnik_Konevu--7199edf72e4e1e84d91f1d230c8cde14?fan=1&from=newswizard&persistent_id=97886351&wizard=story ; Жители Болгарии предложили взорвать памятник русскому солдату «Алеша». URL: https://topcor.ru/14408-zhiteli-bolgarii-predlozhili-vzorvat-pamyatnik-russkogo-soldatu-alesha.html?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=topcor.ru&utm_term=1271193&utm_content=8484659 (дата обращения: 19.04.2020).
- 6 См.: Назло гозманам : в России установили памятник Иоанну IV Грозному... URL: <https://inforuss.info/nazlogozmanam-v-rossii> (дата обращения: 10.04.2020).
- 7 См.: *Шушпанов А.* «В лучших традициях НКВД». Почему в Башкирии демонтировали бюст Колчака? URL: https://ufa.aif.ru/society/details/v_luchshih_tradicijah_nkvd_vlasti_bashkirii_demontirovali_byust_kolchaka?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 18.04.2020).
- 8 См.: Ноги на восстановленном памятнике Жукову удивили блогера. На Манежную площадь вернули по всем признакам «старого» маршала, а куда делся «новый» – не понятно. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/04/24/nogi-na-vosstanovlennom-pamyatnike-zhukovu-udiviliblogera.html> (дата обращения: 17.04.2020).
- 9 См.: *Алкисис И.* Оскорбление памяти предков как метод политической борьбы. URL: https://ria.ru/20200518/1571581563.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 18.04.2020).
- 10 См.: *Вилков А. А.* Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия» : Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей : материалы междунар. науч. конф., Москва, 22 марта 2004 г. / редкол. : А. П. Логунов (отв. ред.) [и др.]. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2004. С. 157 ; *Головченко А. В.* Перспектива «стандартов» современной либеральной политики // *Изн. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2015. Т. 15, вып. 1. С. 75–80.
- 11 См.: Запад не видит будущего у России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e274bc843863f00acd7ed97/zapadne-vidit-buduscego-u-rossii-5ec62f9dc4fe1e295a7c762c> (дата обращения: 19.04.2020).
- 12 См.: Глава Роспотребнадзора пообещала россиянам новую нормальность. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/04/27/glava-rosпотреbnadzora-poobeshhalagrossiyanam-novuyu-normalnost.html> ; Россиянам пообещали совершенно иную жизнь после окончания пандемии. URL: https://yandex.ru/news/story/Rossiyanam_poobeshhali_overshenno_inuyu_zhizn_posle_okonchaniya_pandemii--4796edc4e2e7a609e170f4c5e4ab8c2d?from=newswizard&lang=ru&persistent_id=95745488&rubric=society&stid=U4ZTze4bvMuOw_LzfpCQ&wizard=story ; Ректор ВШЭ :

«Мы согласились пожертвовать экономикой из-за тотальной усталости». URL: <https://ekb.dk.ru/news/rektor-vshe-my-soglasilis-pozhertvovat-ekonomiko-iz-za-totalnoy-ustalosti-237135463> (дата обращения: 19.04.2020) ; Кузнецов Г. Жизнь главное свободы.

URL: https://rg.ru/2020/04/26/eksperty-zov-po-silnomu-gosudarstvu-novaia-tendenciia-obshchestvennogo-soznaniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 16.04.2020).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Миф политической функциональности исторической памяти в современных условиях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 324–332. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332>

Cite this article as:

Shestov N. I. Myth of Historical Memory's Political Functionality in the Present Context. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 324–332 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332>

УДК 327.8

На рубеже тысячелетий: геополитический «взрыв» и геополитическое возрождение России

С. Г. Киселев

Киселев Сергей Георгиевич, доктор философских наук, профессор кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет; профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва; профессор, Российская таможенная академия, Люберцы, ksg56@mail.ru

В статье анализируется процесс геополитической трансформации современной миросистемы, начавшийся в последних десятилетиях XX в., когда в результате проигрыша Советского Союза в «холодной войне» произошел геополитический «взрыв», геополитическая революция, «геополитическая катастрофа», как назвал это явление В. Путин, приведшая к прекращению существования биполярной геополитической модели, многие десятилетия весьма надежно скреплявшей систему международных отношений. Россия как правопреемница СССР, одного из прежних геополитических полюсов, резко потеряла статус сверхдержавы на несколько десятилетий. Однако, по мнению автора статьи, в последние годы происходит возврат России к прежнему состоянию геополитического статуса.

Ключевые слова: геополитическая модель, геополитический статус, геополитические интересы, геодивизации, геополитические и геодивизиационные вызовы.

Поступила в редакцию: 25.04.2020 / Принята: 11.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

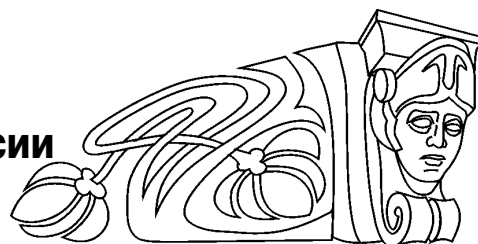
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

At the Turn of the Millennium: A Geopolitical “Explosion” and Russia’s Geopolitical Revival

S. G. Kiselev

Sergey G. Kiselev, <https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>, Moscow State Linguistic University, 38, bld.1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/5 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russian; Customs Academy, 4 Komsomolsky Prospekt, Lyubertsy 140015, Moscow region, Russian, ksg56@mail.ru

The article analyzes the process of geopolitical transformation of contemporary world-system that began in the last decades of the 20th century – just after the defeat of the Soviet Union in the “cold war” that became a geopolitical “explosion”, geopolitical revolution, “geopolitical catastrophe”, as Vladimir Putin put it, which led to the termination of the existence of a bipolar geopolitical model, for many decades a highly reliable fastening system of international relations. As the legal successor of the USSR and one of the former geopolitical poles, Russia abruptly lost its status as a superpower for several decades. However, according to the author of the article, in recent years there has been a return of Russia to its former state of geopolitical status.

Keywords: geopolitical model, geopolitical status, geopolitical interests, geo-civilisations, geopolitical and geocivilizational challenges.

Received: 25.04.2020 / Accepted: 11.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-333-337>

Актуальность данной темы обусловлена: во-первых, обострением геополитической конкуренции на мировой арене; во-вторых, усложняющимся процессом трансформации глобальной геополитической модели; в-третьих, возвращением России в мировую «геополитическую игру».

Цель исследования состоит в оценке произошедшего на рубеже второго и третьего тысячелетий геополитического «взрыва», приведшего к разрушению СССР и, как следствие, распаду биполярности мировой геополитической конструкции, а также в обосновании тезиса о постепенном восстановлении геополитического статуса России и возврате Российского государства в глобальную конкурентную геополитику.

Задачами исследования стали: анализ трансформации геополитической модели мироустройства; оценка результатов «холодной войны» в контексте геополитических и геодивизиационных процессов; сравнительный анализ состояния геополитического статуса России в период с 1991 по 2020 г.; исследование состояния межцивилизационного взаимодействия и противоборства; формулирование перспектив развития геополитического положения Российского государства.

Методология исследования основана на применении: исторического метода, способствующего исследованию процесса развития геополитического пространства, трансформации глобальной геополитической модели; системного метода, позволяющего многофакторно и комплексно исследовать место, роль и интересы основных международных акторов, реализующих свои интересы в геополитическом пространстве; метода геодивизиационного анализа, предметно изучающего геодивизиационный «срез» международных отношений, геополитических процессов, конфликтов, фундаментально-ценностные основания, «внутренние пружины» событий, явлений, конфликтов

и противостояний, происходящих между государствами разных геочивилизаций и на границах геочивилизаций; а также на использовании пространственно-контекстного метода, который подразумевает, что явление развивается и изучается не само по себе, а в контексте последовательного развития процессов, разнесенных во времени и пространстве, что позволяет глубже познать исследуемый феномен, причины изучаемых событий с возможностью более глубокого проникновения в их сущность и формирования прогнозов развития процессов.

Результатами исследования стали следующие положения и умозаключения.

Конец второго тысячелетия мировой истории ознаменовался грандиозным событием безусловно вселенского масштаба. Событием, затронувшим интересы буквально всех стран и народов, поскольку для них завершилась эпоха стабильности международных отношений, безопасного существования – практически без войн и крупных конфликтов – на протяжении почти полувека. Событием этим, на языке терминологии геополитики, стал геополитический «взрыв», геополитическая революция, геополитическая катастрофа, ставшая следствием итогов «холодной войны», приведшей к поражению СССР – одного из двух полюсов глобальной биполярной геополитической модели.

Биполярная модель представляла собой своеобразную геополитическую дихотомию: США – СССР, НАТО – ОВД, ОЭСР – СЭВ, капиталистический лагерь стран – социалистический лагерь стран; при этом не входящие в эти два лагеря остальные государства подразделялись на страны, соответственно, капиталистической и социалистической ориентации. И, пожалуй, по своим объективным результатам биполярная модель явила собой самую удачную и надежную модель мироустройства в мировой человеческой истории.

Примечательно, что не только конструкция была довольно простой, но и функционально работала она тоже весьма просто – страны мира ориентировались в своих международных действиях на тот или иной геополитический центр, «полюс мира», а уже эти два центра урегулировали противоречия, возникавшие между другими странами и между собой, опираясь на весьма важный и необходимый в этом деле силовой фактор – военно-стратегический паритет, в том числе ракетно-ядерный.

США после устранения СССР как своего главного и единственного геополитического и геостратегического соперника надеялись стать единственным мировым гегемоном и возглавить теперь уже однополярную геополитическую модель мироустройства. И это им почти удалось. Они уже праздновали. И моментами почти всем тоже казалось, что американцы своего добились. Но этого не произошло, о чем

своеобразным свидетельством стал главный тезис книги «Еще один шанс» самого значимого, пожалуй, американского идеолога (причем как в теоретическом, так и в прикладном, практическом смысле слова) – Збигнева Бжезинского, признавшего, что американцы упустили свои шансы в конце прошлого столетия. Правда, по его мнению, не окончательно.

На наш взгляд, американцам на самом деле не удалось построить однополярную модель, и произошло это по нескольким причинам:

– во-первых, немаловажными причинами стали самоуверенность, безответственность, неуважение к другим, наглость, циничность и материально-экономическая корысть в поведении самих американцев, уверовавших в свою историческую исключительность на волне победы в «холодной войне». Американцев охватил синдром «геополитической безнаказанности». Они им до сих пор охвачены, обуреваемы, увлечены и закомплексованы;

– во-вторых, целый ряд других стран оказались с этим не согласны. Более того, появились новые самостоятельные геополитические центры силы – Китай, Индия, Иран, Пакистан, Евросоюз и др.;

– в-третьих, на смену доминирования идеологического фактора в международных делах пришел «проснувшийся» геочивилизационный фактор. И даже запущенный США процесс искусственной глобализации (естественно-историческая человеческая глобализация здесь не при чем) не смог побороть внутрицивилизационную солидарность народов в рамках той или иной геочивилизации – исламской, конфуцианско-буддистской, индуистской, латиноамериканской и др.;

– в-четвертых, всем, в том числе союзникам США, стало очевидным обстоятельство, что американцы на деле не справляются с ролью справедливых вершителей судеб.

Это, на наш взгляд, основные причины несостоявшейся однополюсности и продолжающейся сегодня трансформации геополитической модели миропорядка, начавшейся в начале 1990-х гг.

В результате у США не получилось построения однополюсной модели мирового порядка, хотя сейчас они предпринимают, возможно, последнюю попытку, бросив на это все силы и не чураясь никакими средствами – разжиганием конфликтов, бомбардировками мирного населения и массовыми убийствами, тотальным информационным контролем и необоснованным вмешательством в дела стран и народов.

Похоже, эта попытка действительно осуществляется с идейно-прагматической подачи З. Бжезинского – его призыва к сверхзадаче, изложенного в книге «Еще один шанс». В ней он утверждает, что США времен президентов Буша-старшего, Клинтона и Буша-младшего

не использовали шанс стать единоличным глобальным лидером после исчезновения bipolarного мира в результате «холодной войны» против СССР, растратили значительную часть своей мощи и престижа. И теперь перед США стоит задача – использовать еще один, и последний, шанс «обрести глобальное величие», стать «единственной мировой сверхдержавой», «государством, стоящим в мире над всеми другими государствами», «первой глобальной империей», дабы обеспечить «эффективное и долговременное глобальное лидерство», «особый статус Америки в современном мире», «новую американскую роль в мире», «доминирующее положение»¹. Особо отметим, что при этом США должны стать «страной, ведущей войну»².

Российская Федерация, как преемница распавшегося Советского Союза, в 1990-е гг. стремительно утратила свой геополитический статус. И многим казалось, что окончательно. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» констатировал, что Россия буквально «стерта» с мировой геополитической карты, и от нее осталась лишь «черная дыра». И позднее, в своем (одном из последних) интервью от 23 декабря 2016 г. ресурсу *Huffington Post* Бжезинский утверждал, что «Россия на самом деле – это не игрок мирового класса»³.

Однако события последних лет прямо указывают на то, что с Россией вновь считаются как с геополитической державой, в том числе считаются и США. Самый утверждающий пример – события в Сирии.

Россия в геополитическом плане возрождается и возвращается в мировую геополитическую игру. И этому обстоятельству имеется объективное подтверждение, а именно – восстановление геополитического статуса⁴.

Если в 1991 г. Россия, как правопреемница СССР, утратила немалую территорию, то теперь восстановила некоторую ее часть за счет Крыма. Тогда Россия после разрушения СССР утратила значительную часть геополитического пространства (более 5 млн кв. км территории). Произошел своего рода «сдвиг» территории на северо-восток. Были утеряны выходы к Балтике (кроме Санкт-Петербурга и «анклавного» Калининграда) и к Черному морю (теперь восстановлен).

Образовались транспортные разрывы:

1) морские разрывы: Балтийское море (Таллинн, Рига, Вентспилс, Лиепая, Клайпеда); Черное море (Ильичевск, Николаев, Одесса, Керчь, Ялта, Севастополь, Сухуми, Батуми, Потти);

2) железнодорожные разрывы (перевалочные ж.д. узлы Брест, Гродно – в Белоруссии, Чоп – в Украине, Унгены – в Молдове; Среднесибирская ж.д. через Астана-Павлодар; ж.д. Москва–Киев–Львов–Европа и др.);

3) трубопроводные разрывы.

Как результат – был утерян ряд прямых стратегических сухопутных и морских выходов к Центральной и Восточной Европе, а также к Центральной Азии. Россия получила необустроенные границы, и стоило больших усилий и затрат, чтобы их обустроить.

Последствия разрушения СССР вылились в попытки конфедерализации России, ее геополитического раздела. Данный аспект геополитического статуса восстанавливался буквально титаническими усилиями.

Если в тот период Россия утратила геостратегический контроль над мировой акваторией (который до этого наша страна делила с США) и российские атомные подлодки-ракетоносцы перестали выходить на ракетно-ядерное дежурство в Мировой океан, то теперь ракетные подводные крейсера стратегического назначения (РПКСН) вновь вернулись на боевое дежурство, хоть и не в прежнем количестве, и на бывшее военное и военно-морское присутствие в основных стратегических районах Земного шара остается осторожно надеяться.

Восстанавливается прежний государственный политический статус. Восприятие в мире Российского государства как супердержавы, от которой в решающей степени зависит ход мирового развития в целом и развитие многих государств в частности, довольно быстро по историческим меркам (за одно десятилетие) улетучилось и трансформировалось в сторону восприятия России как государства, с которым можно не считаться. Теперь же вновь вынуждены считаться, в том числе страны Запада, хотя им крайне неприятно видеть геополитический возврат России.

Возрождается оборонно-промышленный комплекс, бывший прежде лучшим в мире по целому ряду параметров и являвшийся технологической основой отечественной промышленности, прежде всего машиностроения и высоких технологий, чего недостает до сих пор.

Запущена и успешно реализуется программа перевооружения российской армии на современные образцы вооружения и военной техники до требуемых 75%.

Предпринимаются определенные усилия для преодоления кризиса в демографической сфере, а это важнейший и во многом определяющий фактор геополитического статуса государства. Вместе с тем следует признать, что здесь ситуация, прямо скажем, тяжелая. Былая репродуктивность российского народонаселения утрачена. Страна не может восстановить 150 млн чел. населения, которое было в 1991 г. (на 1 января 2020 г. – 146 млн чел.), даже с привлечением миграционных потоков.

Условием высокого геополитического статуса страны, несомненно, является экономическая и технологическая мощь. Наша страна из экономической державы (одного из мировых

лидеров 1980-х гг.), производящей высокотехнологичную продукцию, трансформировалась в рядовое в экономическом плане государство, не выдерживающее конкуренции на мировом рынке наукоемкой продукции (лишь 0,5% его объема вместо 12% в 1989 г.) и занимающее в рейтинге глобальной экономической конкурентоспособности места в четвертом–пятом десятках.

После обвальной экономической разрухи, постигшей страну в лихие 1990-е, Российское государство пытается найти свой экономический путь и свою экономическую модель, позволяющую вернуться в число ведущих мировых экономических держав, что, впрочем, сделать весьма и весьма непросто. Ведь в недавнем прошлом наша страна занимала второе место в мире по совокупному ВВП – 2,5 трлн долл. в 1989 г., у США тогда было 4,8 трлн, у Китая – 0,5 трлн. Теперь у США – 20 трлн долл., у Китая – примерно столько же, у нас – порядка 2 трлн долл. Судя по этим цифрам, ситуация в этом сегменте геополитического статуса по-прежнему неблагоприятна. Россия входит в первую десятку стран по ВВП (7–8-е места) с задачей попасть в пятерку лучших.

Ресурсный аспект геополитического статуса страны настоятельно требует регулирования. В ресурсном отношении вместе с утерей территории страны были потеряны многие ресурсные источники, в том числе шельфы морей: Черного, Каспийского, Балтийского. И хотя по-прежнему российские запасы природных и стратегических ресурсов составляют более трети мировых, однако бесперспективно «вычерпываются» и «перетекают» за рубежи нашей Родины. Стратегические запасы добытого сырья почти не создаются, его отечественная переработка плетется в хвосте сырьевой «трубы», что ослабляет российскую экономику и укрепляет экономики других стран, инвестиционного перелома пока не происходит⁵.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать определенные выводы и умозаключения.

Прежде всего, следует отметить, что, вопреки мировым трендам конца 1990-х и начала 2000-х гг., наблюдается геополитическое возрождение России, находящееся, надо честно признать, на начальной стадии, но вселяющее определенные надежды.

Серьезную опасность для геополитического возрождения России представляет наличие геополитических вызовов, а также редко упоминающийся в аналитических публикациях нарастающий рост геоцивилизационных вызовов, прежде всего, со стороны западной цивилизации, которая изначально и традиционно враждебна к цивилизации российской. Россия граничит с пятью из девяти мировых геоцивилизаций и испытывает с их стороны определенное дав-

ление и экспансию в разных формах – демографическую, культурную, экономико-технологическую, политическую, военную (расширение НАТО), информационную и др. Геоцивилизационные соседи усиливают свою активность, что заметно сказывается на состоянии геополитической и геоцивилизационной безопасности.

С целью обеспечения геополитической и геоцивилизационной безопасности России необходимо проведение твердой, последовательной и одновременно активной и гибкой политики, направленной на: противодействие внешним геополитическим и геоцивилизационным вызовам; укрепление экономико-технологического, информационного, военного и демографического потенциала; расширение равноправного сотрудничества во всех областях с другими цивилизациями (государствами, их составляющими), направленного на смягчение конфронтации по линиям цивилизационных разломов; установление миролюбивых и взаимовыгодных отношений, достижение стратегического партнерства, заключение стратегических союзов, в том числе с Китаем и государствами мусульманского мира; всяческое препятствование втягиванию России в конфликтные ситуации между западной и исламской, западной и конфуцианско-буддистской цивилизациями.

В условиях обострения глобального конкурентного противоборства геополитическое возрождение России необходимо, прежде всего, как ключевое, жизненно важное условие собственному существованию Российской государства. Это обстоятельство, без всякого пафоса, есть судьбоносный факт, подтверждением чему служит масса исторических свидетельств, которые при желании можно легко найти в геополитической практике многотысячелетнего мирового развития.

В свое время отечественный мыслитель Иван Ильин высказал замечательную мысль о вере в возрождение России: «И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен. Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности»⁶.

Примечания

- ¹ См.: Бжезинский Ж. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар. отношения, 2010. С. 7–15.
- ² Там же.

- ³ Двойной шах США от Китая и России : эндшпиль Збигнева Бжезинского. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/01/10/dvoynoy-shah-ssha-ot-kitaya-i-rossii-endshpil-zbigneva-bzhezinskogo?utm_source=smi2&utm_term=30daff52-3058-4e73-aa26-354d30aa715f&utm_content=24033 (дата обращения: 20.01.2020).
- ⁴ См. об этом: Киселев С. Г. Векторы глобальной трансформации модели мира. Геополитический возврат России // Геополитические угрозы и укрепление государства как ответ на глобальные вызовы / под общ. ред. С. Г. Киселева ; отв. ред. Т. А. Яшкова. М. : МАКС Пресс, 2016. С. 5–16.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ильин И. А. О грядущей России : Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. С. 278.

Образец для цитирования:

Киселев С. Г. На рубеже тысячелетий: геополитический «взрыв» и геополитическое возрождение России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 333–337. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-333-337>

Cite this article as:

Kiselev S. G. At the Turn of the Millennium: A Geopolitical “Explosion” and Russia’s Geopolitical Revival. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 333–337 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-333-337>

УДК 323.1(470.6)

Традиционализация и архаизация транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе: причины, признаки

М. М. Гаджиев

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет, Махачкала, gadjiev.dgu@mail.ru

В настоящей статье автор рассматривает крайне актуальную для современной России проблему – специфику архаизации политической культуры традиционализации и архаизации транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе. Автор обращается к анализу основных причин традиционализации и архаизации межнациональных отношений региона, их влияния на социально-политические процессы в северокавказских республиках. Особое внимание уделяется негативному влиянию архаизации политической культуры на характер транснациональных отношений, рассматривая этнонационалистические и этнорелигиозные тенденции в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: традиционализация, архаизация, Северный Кавказ, традиции, транснационализм, этнократия, этничность, межнациональные отношения, клановость, Республика Дагестан.

Поступила в редакцию: 29.04.2020 / Принята: 12.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Traditionalization and Archaization of Transnational Relations in the North Caucasus Region: Reasons and Signs

М. М. Gadzhiev

Magomedemin M. Gadzhiev, <https://orcid.org/0000-0001-9205-3780>, Daghestan State University, 43a Gadzhiev St., Makhachkala 367000, Republic of Daghestan, Russia, gadjiev.dgu@mail.ru

In this article, the author considers a problem which is extremely urgent for modern Russia – the specifics of the archaization of the political culture of traditionalization and the archaization of transnational relations in the North Caucasus region. The author analyzes the main reasons for the traditionalization and archaization of interethnic relations of the region, their influence on the socio-political processes in the North Caucasus republics. The author pays special attention to the negative impact of the archaization of political culture on the nature of transnational relations, examining ethno-nationalist and ethno-religious trends in the republics of the North Caucasus.

Keywords: traditionalization, archaization, North Caucasus, traditions, transnationalism, ethnocracy, ethnicity, interethnic relations, nepotism, Republic of Daghestan.

Received: 29.04.2020 / Accepted: 12.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341>

Северный Кавказ занимает особое место среди прочих регионов Российской Федерации. Географические, социокультурные, социально-экономические особенности предопределяют и характер развития политической культуры в республиках Северного Кавказа. В состав Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации входят национальные республики – Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, а также Ставропольский край, являющийся многонациональным регионом.

В большинстве субъектов СКФО основную часть населения составляют представители титульных наций, преимущественно исповедующие ислам. В период распада советской государственности на Северном Кавказе, как и в других национальных регионах России, происходил процесс возрождения этнической и конфессиональной идентичности. Следствием этого процесса, наложившегося на возникшие вследствие распада СССР и перехода к рыночной экономике социально-экономические проблемы, стала архаизация политической культуры северокавказских обществ. Возрождение этнической и конфессиональной идентичности проявляется в гипертрофированном увлечении «прошлым», присущем северокавказским республикам. Колоссальное внимание, уделяемое историческим и этнографическим аспектам северокавказских обществ, оборачивается на практике сохранением и дальнейшим распространением традиционалистских настроений. Получается, что взгляд северокавказской интеллигенции, выполняющей идеологические функции в республиках, «обращен в прошлое»¹. Эта «историчность» северокавказских обществ оказывает определяющее влияние и на политическую культуру региона. В политической культуре северокавказских республик преобладают этнонационалистические и религиозные компоненты.

Специфика политической культуры северокавказских народов определяется не только этническими и конфессиональными особенностями региона, но и социально-демографическими процессами, происходящими в регионе. Известно, что к началу XXI в. уровень урбанизации в республиках Северного Кавказа составлял лишь 35–45%. По российским меркам это очень незначительный показатель – для большинства регионов России такие цифры были характерны для 1950-х гг.² К тому же, следует отметить, даже городское насе-

ление северокавказских республик в значительной степени сохраняет менталитет сельских жителей. Во-первых, многие городские жители не порывают связь с «родовыми» селениями, где проводят свадьбы и похороны. Во-вторых, сам характер занятости городских жителей и их образ жизни мало чем отличаются от аналогичных в сельских поселениях.

Так, Е. А. Варшавер использует по отношению к населению окраинных районов Махачкалы термин П. Бурдые «субпролетариат», под которым понимает маргинальные группы еще не городского, но уже и не сельского населения³. Представления о жизни, мировоззренческие и поведенческие установки у городского субпролетариата остаются во многом сельскими, тогда как значительная часть неформального социального контроля, присущая сельской местности, в городе оказывается утраченной. Тем не менее, в среде городского субпролетариата остается востребованным стремление к выработке групповой идентичности, только сельская община может заменяться другими социальными группами – кланами земляков и соплеменников, религиозными джамаатами.

Настоящей проблемой для Северного Кавказа стал непрекращающийся отток русского и русскоязычного населения из большинства республик региона и даже из отдельных районов Ставропольского края. Сокращение количества русских, проживающих в северокавказских республиках, меняет структуру и образ жизни городского населения региона⁴. Перезезжающее в другие регионы России русское и русскоязычное население в городах замещается мигрантами из сельской местности, что способствует воспроизводству архаичных национальных традиций в социальных практиках северокавказских обществ. В многонациональной среде кавказских городов более легко протекали процессы межэтнического социокультурного взаимодействия, которые значительно усложнились после оттока русского и русскоязычного населения и формирования моноэтнической или полиэтнической, но сугубо «кавказской» среды в городах региона. В изменившихся социально-политических условиях этническая и клановая принадлежность приобретают новое наполнение, родовые и клановые структуры превращаются в важнейшие механизмы политической жизни северокавказского региона. Происходит возвращение традиционных адатов – системы социальных норм, которая в кавказских обществах выступала основным регулятором социальных отношений в досоветский период истории региона⁵.

Архаизация политической культуры северокавказских обществ тесно связана с уровнем их реальной интеграции в «русский мир», т. е. – в цивилизационное пространство, формируемое Российским государством. В наименее интегрированных регионах страны, что вполне закономерно, наблюдается и более высокий уровень распространения архаики в политической культуре. На Северном Кавказе наиболее архаичными остаются общества северо-восточной части региона – Дагестана,

Чечни и Ингушетии. Так, чеченский народ до сих пор делится на 165–170 тейпов, представляющих собой объединение «больших семей». Несмотря на то что с XVIII в. все более ускоряющимися темпами шли процессы исламизации Чечни, в конечном итоге шариатское право не смогло полностью вытеснить древнее родовое право чеченцев. В результате взаимодействия этнического и религиозного компонентов в Чечне, как и в других республиках региона, сложились две параллельные системы – этносоциальная и этнорелигиозная⁶. В каждой из них отношения регулируются собственными правилами – адатом и шариатом соответственно, существует и собственная иерархия, основанная либо на традиционном родовом приоритете, либо на религиозном авторитете.

В период советского управления на Северном Кавказе происходила ломка традиционных основ социальной организации, приведшая, однако, не столько к социальной модернизации северокавказских обществ, сколько к трансформации традиционных социальных структур. Именно в советское время, помимо тейпов и тухумов, важной формой социальной организации на Северном Кавказе стали кланы, которые могут включать в себя представителей различных этносоциальных групп, объединенных некоторыми общими целями и интересами. Наиболее четко клановые отношения проявляются в тех республиках региона, для которых характерен полиэтнический состав населения, в первую очередь – в Дагестане.

В то же время специфика организации труда в северокавказских республиках в советский период отечественной истории способствовала консервации архаичных отношений в кавказских обществах. Так, русские и русскоязычные жители северокавказских республик, концентрировавшиеся в городах, были сосредоточены в сфере индустриального производства, здравоохранения, образования. Представители северокавказских народов, в свою очередь, преваляровали в сельском хозяйстве, торговле сельскохозяйственной продукцией, а также в строительстве, автотранспорте. Таким образом, основная часть северокавказского населения оставалась в сельской местности либо населяла районы городов, мало чем отличающиеся от сельских поселений по менталитету жителей.

В Чеченской Республике именно родовые селения, а не крупные города остаются основными политическими центрами, поскольку выполняют роль центров для определенных тейпов чеченского общества. Получается, что село с его социальной архаикой в Чечне играет доминирующую роль по сравнению с городом. Как отмечает Л. Басханова, для чеченского общества характерны черты, присущие традиционному типу: преобладание сельского населения над городским, аграрное перенаселение, высокий уровень рождаемости, невысокий уровень образования и развития социально-профессиональной дифференциации общества⁷. Однако социально-трансформационные процессы неизбежно за-

тронули и социальную структуру северокавказских обществ. Современный житель Северного Кавказа, как уже отмечалось выше, – это чаще всего и не крестьянин традиционного аграрного общества, и не горожанин, а маргинал, сосредоточенный на собственном выживании и обретении весомых позиций в окружающем его обществе. Именно в таких недоурбанизированных маргинальных обществах и наблюдаются процессы архаизации.

После распада Советского Союза в северокавказских республиках начался процесс стремительного роста влияния альтернативных органов управления на местах – прежде всего родоплеменных и религиозных структур. В настоящее время неформальные авторитеты – религиозные и родоплеменные лидеры – имеют гораздо более значимое влияние в регионе, чем представители официальной администрации. Без консенсуса администрации с местными неформальными структурами невозможна реализация любых управленческих программ. Поэтому федеральный центр, руководствуясь печальным опытом двух чеченских войн и событий в Дагестане и Ингушетии, обратился к практике выстраивания диалога с традиционными общественными институтами в северокавказских республиках.

Однако само по себе возвращение влияния традиционных общественных институтов стало возможным благодаря идеологическому вакууму российского общества в постсоветский период и разрушению социальной и экономической инфраструктуры северокавказских республик. Отток русского и русскоязычного населения способствовал снижению качества образования и медицинских услуг, деиндустриализация северокавказских республик привела к маргинализации значительной части населения. Образовавшийся вакуум в сфере идеологии стал заполняться религиозными проповедниками, в том числе и прибывающими из-за рубежа – из Турции, Саудовской Аравии, других государств Ближнего Востока. В то же время значительная часть молодых северокавказцев переориентировалась на традиционное религиозное образование, за получением которого отправляется в арабские страны. Возвращение к традиционным формам политической и социальной организации частью северокавказской молодежи рассматривается в качестве единственной альтернативы существующему кризисному положению в республиках.

Архаизация политической культуры северокавказских республик оказывает сильнейшее влияние и на характер межнациональных отношений в регионе. Во-первых, за два постсоветских десятилетия в результате процессов «ренессанса этнической идентичности» на Северном Кавказе активизировались этнонационалистические и этнорелигиозные настроения. Советская идентичность была разрушена⁸, а принадлежность к единой российской гражданской общности значительная часть населения северокавказских республик не осознает.

В распространении националистических настроений на Северном Кавказе сыграл определенную роль и внешнеполитический фактор, а именно целенаправленная деятельность ряда иностранных государств, направленная на дестабилизацию политической ситуации в регионе с целью ослабления российской государственности и влияния России на Кавказе и на Ближнем Востоке. Во-вторых, следствием возвращения к архаичным формам политической культуры стало неизбежное возникновение конфликтов, детерминированных социально-экономическими и социально-демографическими факторами, но быстро перерастающих в межэтническое противостояние – именно по причине отсутствия развитой надэтнической идентичности.

С. Ю. Землякова говорит о крайне опасных для единства Российского государства последствиях функционирования этнократических режимов в северокавказских республиках. По ее мнению, Российскому государству необходимо вести серьезную и решительную борьбу с этнократическими тенденциями в северокавказском регионе, даже если «подобные действия могут привести к временной активизации террористических и экстремистских элементов»⁹. То есть этнократии на Северном Кавказе представляют не меньшую угрозу национальной безопасности Российского государства, чем распространение религиозно-экстремистских настроений. Более того, в определенной степени именно этнократии, чье формирование является следствием архаизации политического бытия северокавказских республик, выступают в качестве основного детерминирующего фактора по отношению к террористической и экстремистской активности в регионе. Как отмечает А. А. Саидов, «руководитель, помимо своей воли, вынужден встраиваться в объективные, традиционные, бытовые, очень живучие, земляческие, джамаатские, тейповые, этноклановые и т. д. структуры, процессы и отношения, объективно организующие жизнедеятельность общества. Формирование руководства, политической элиты, распределение должностей в регионе происходит по данным законам»¹⁰.

Клановый характер власти в северокавказских республиках лишь усугубляет процессы этносоциального неравенства, что провоцирует дальнейшие конфликтные ситуации и способствует распространению религиозно-экстремистских взглядов. Радикальный ислам начинает рассматриваться северокавказской молодежью как единственный инструмент выстраивания надэтнической идентичности, с помощью которого можно преодолеть противоречия между отдельными этническими и родоплеменными группами, ликвидировать клановость и кумовство в органах власти. Как отмечает Е. В. Рябченко, в последние годы все более снижается возраст участников религиозно-экстремистского подполья, что свидетельствует о «борьбе за умы» северокавказской молодежи¹¹. Однако приток молодых людей в ряды экстремистских организаций становится возможным и вследствие

разрушения системы светского образования на Северном Кавказе и повышения престижа традиционного религиозного образования. В свою очередь, клерикализация общественной жизни, включая и образование, в регионе является одним из последствий архаизации политической культуры северокавказских республик.

Есть ли у российской власти что противопоставить процессам архаизации политической культуры на Северном Кавказе? Наверное, излишне говорить о том, что данные процессы носят объективный характер и являются следствием социально-экономической и политической нестабильности в регионе. Без социальной модернизации северокавказских обществ не представляется возможным и преодоление архаичных тенденций в социально-политическом развитии национальных республик Северного Кавказа. Если Российское государство выступит в роли основного актора модернизационных преобразований в северокавказском регионе, то местные сообщества в конечном итоге окажутся интегрированными в процесс социального и социокультурного строительства. Таким образом, государственная политика будет переведена в плоскость осмысленного и практически ориентированного совершенствования социально-политических и социокультурных аспектов существования северокавказских обществ¹².

Для северокавказских обществ в настоящее время характерны процессы архаизации политической культуры. Основными их причинами в республиках Северного Кавказа являются социально-демографические (высокая рождаемость, низкая урбанизированность), социально-экономические (превалирование аграрного сектора над индустриальным, безработица), этнополитические (отток русского и русскоязычного населения, межнациональные конфликты), идеологические (идейный и ценностно-мировоззренческий вакуум в постсоветский период) факторы. На межнациональные отношения в северокавказском регионе архаизация политической культуры оказывает негативное влияние, способствуя дальнейшему усугублению межэтнической напряженности, росту этнонационалистических настроений. Важнейшим условием преодоления тенденций архаизации в северокавказских республиках является общая социальная модернизация Северного Кавказа при активном и определяющем участии центральной российской власти.

Примечания

- ¹ См.: *Авксентьев В. А.* Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на Юге России // *Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения (17–18 мая 2012 г.)*: в 2 т. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. Т. 1. Доклады. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 370–372.
- ² См.: *Суций С. Я.* Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М.: URSS, 2013.
- ³ См.: *Варшавер Е. А.* Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014. № 5 (123). С. 104–114.
- ⁴ См.: *Поляков Е. М.* Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990-е – 2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2009.
- ⁵ См.: *Гозгешева С. М.* Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // *Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2011. № 3. С. 293–300.
- ⁶ См.: *Басханова Л. С.-Э.* Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта / отв. ред. В. В. Черноус; Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 21. Ростов н/Д, Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: *Самыгин С. И., Верещагина А. В., Белов М. Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2015. № 4. С. 78–85.
- ⁹ *Землякова С. Ю.* Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 36
- ¹⁰ *Сиражудинова С. В., Саидов А. А., Алигаджиева М. А.* Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты. М.: Перо, 2014. С. 97.
- ¹¹ См.: *Рябченко Е. В.* Идеология экстремизма как средство социального управления // *Общество и право*. 2015. № 1 (51). С. 305–308.
- ¹² См.: *Боров А. Х., Муратова Е. Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 157–166.

Образец для цитирования:

Гаджиев М. М. Традиционализация и архаизация транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе: причины, признаки // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 338–341. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341>

Cite this article as:

Gadzhiev M. M. Traditionalization and Archaization of Transnational Relations in the North Caucasus Region: Reasons and Signs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 338–341 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341>

УДК 327

Подходы к пониманию явления «терроризм» и сравнительный анализ его определения в ключевых юрисдикциях мира

Чжан Цзыхао, Д. А. Савкин

Цзыхао Чжан, аспирант департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, zhangzihao0710@hotmail.com

Савкин Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, проректор, директор, Байкальский институт БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, d.savkin@mail.ru

В данной статье авторы анализируют такое важное понятие, как «терроризм», с точки зрения определений в национальных законах и кодексах США, КНР, ЕС и России, а также сравнивают подходы к определению сущности этого явления в работах наиболее цитируемых исследователей терроризма. Национальные политики по противодействию терроризму руководствуются национальными законодательствами, которые, в свою очередь, зависят от доктринальных основ, заложенных в определение терроризма. Авторы применяют в исследовании контент-анализ, сравнительный анализ законодательств и выявляют важные аспекты этих доктринальных основ для приведенных выше государств и анализируют степень детальности трактовки понятия «терроризм» в различных юрисдикциях. Набор национальных практик и накопленный опыт противодействию терроризму, равно как и специфика антитеррористической деятельности в каждой из приведенных стран, накладывают отпечаток на определение явления. Значимость исследования заключается в том, что понимание различий в дефинициях понятия «терроризм» дает более глубокое понимание подходов к борьбе с угрозами террористического характера.

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическая деятельность, дефиниции терроризма, Россия, США, Китай, ЕС.

Поступила в редакцию: 18.05.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

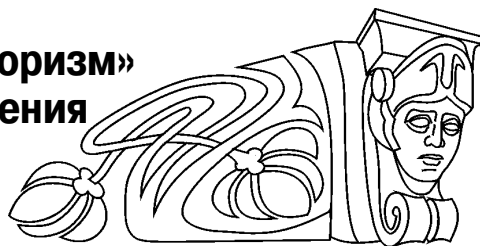
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Approaches to Understanding the Terrorism Phenomenon and a Comparative Analysis of Its Definition in Key Jurisdictions of the World

Zhang Zihao, D. A. Savkin

Zhang Zihao, Higher School of Economics – National Research University, 20 Myasnikskaya St., Moscow 101000, Russia, zhangzihao0710@hotmail.com

Dmitry A. Savkin, SPIN-код: 9484–8326, <https://orcid.org/0000-0001-7672-8768>, Baikalsk School of BRICS at Irkutsk National Research Technical University, 83a Lermontova St., Irkutsk 664017, Russia, d.savkin@mail.ru

The authors analyze terrorism from the point of view of definitions in the national jurisdictions of the USA, China, EU, and Russia. They also compare approaches to determine key features of this phenomenon in the papers of the most cited researchers of terrorism. National counterterrorism policies are governed by national laws, which depend on the doctrinal basics of the definition of terrorism. The authors use such methods as content analysis and comparative analysis of legislations to identify important aspects of these doctrinal foundations for USA, China, EU, and Russia. They analyze the degree of detail in the interpretation of the concept of “terrorism” in various jurisdictions. The set of national practices and the experience gained in counterterrorism, as well as the specifics of anti-terrorism activities in each of the countries mentioned, leave an imprint on the definition of the phenomenon. The significance of the study lies in the fact that understanding the differences in the definitions of the concept of “terrorism” provides a deeper understanding of approaches to combating terrorist threats.

Keywords: terrorism, definitions of terrorism, anti-terrorism, combating terrorism, Russia, China, USA, EU.

Received: 18.05.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-342-348>

Стратегии национальной безопасности, антитеррористические политики, законодательства по противодействию терроризму и другие подобные нормативные акты включают в себя для государств, их принимающих, концептуально-нормативные основы внутренней безопасности и применяются как руководство для осуществления контртеррористических операций и международного сотрудничества в области безопасности. В данный момент все страны международного сообщества, особенно ведущие мировые державы, уделяют большое внимание разработке политик по борьбе с терроризмом и исполнению этих официальных документов.

До 2001 г. существовало большое количество контртеррористических политик и несколько комплексных систем защиты, в основном исходивших от великих держав и указывающих на конкретные цели и угрозы безопасности, но эта модель кардинально изменилась после событий 11 сентября. Они внесли неожиданные изменения в ключевые принципы борьбы с терроризмом, включая цели, стратегии, содержание, структуру и др. Для любой страны выработка контртеррористической повестки неизбежно касается особого понимания или национальных

практик борьбы с терроризмом. Они оказывают долгосрочное влияние на национальные исследования в области безопасности и взгляды политических деятелей на терроризм и в конечном счете определяют, как правительства справляются с террористическими угрозами.

Очевидно, что национальные дефиниции, определяющие понятия терроризма, безусловно, будут включать характеристики терроризма и его соответствующие терминологии во всех аспектах, основанные на том, в какой степени та или иная страна пострадала от террористических атак, какие специфические черты они имели, кто их совершал и на какой почве, а также против кого были направлены эти действия.

Действительно, различия между множеством определений, принадлежащих разным ученым или школам, неизбежно отталкиваются от различных типов терроризма, на которых они основывались или на противодействии которым сфокусированы. Представляется важным выявить ключевые дефиниции и осуществленные контртеррористические политики великих держав, проанализировать их и выяснить различия между ними.

Прежде всего, понятие «терроризм» имеет характеристику, синхронизированную с контекстом системы международных отношений. Ключевой фактор в борьбе с терроризмом зависит от того, как это понятие определяется.

Для определения терроризма Дж. Гиббс иллюстрирует, что эмпирическая осуществимость и эффективность должны быть отражены концептуальной основой, которая очевидно логически усиливает причинность и эмпирическую связь с ней. С его позиции определение термина «терроризм» должно было объясняться не дискуссионными и противоречивыми исследованиями в рамках критического мышления и скептицизма, а официальными документами, институционализированными подходами или универсальными законами, которым подчиняются все меры и правила, включающие общие объяснения утверждений и предсказаний в исследованиях международной безопасности¹.

Согласно дефиниции «Словаря международных отношений» Эванса и Ньюхэма, «терроризм» определяется как «применяемое для достижения политических целей насилие, имеющее систематическую основу или обладающее угрожающим характером»². Из этого определения вытекают несколько признаков терроризма: цель, насилие, систематичность. Между тем в этом определении напрямую указывается связь террористической деятельности и политики. Кажется верным, что ключевые слова в концепции, по сути дела, зависят от того, какой характер имеет террористическая деятельность и как терроризм распространяется в идеологическом аспекте.

Т. Бэйди указывает, что основным препятствием для формирования концепции террориз-

ма является предпосылка³. Если в научных исследованиях терроризма попытаться определить предпосылку принятия того или иного определения до четкого формирования понятия, такого как глобальный терроризм или религиозный терроризм, то мера «вольности» трактовки будет высока (например, если предпосылкой является какой-то акт терроризма, оказывающий эмоционально-этический окрас последующему определению).

П. Роджерс перечисляет три основных аспекта для определения сути понятия «терроризм», в которых указывается субъект терроризма – отдельный террорист или организованная террористическая группа, выделяется цель – объект террористической деятельности, также назначение террористической атаки, включая «политический терроризм». Национальный терроризм, отличающийся от негосударственного терроризма, исследователь определяет распространением террора и страха. Роджерс оценивает, что «терроризм» может быть классифицирован как «политический», если в его методах присутствуют принуждение, насилие или мошенничество⁴.

Приведенные выше дефиниции связывают причинность терроризма – его политическую цель – и последствия. В этом поле, по нашему мнению, могут крыться различия между обычным криминальным действием и террористическим актом, государственным терроризмом и индивидуальным террором. Согласно исследователю терроризма А. Кронину, разница между войной и государственным терроризмом состоит в том, что война ведется с соблюдением международных конвенций или резолюций, а государственный терроризм характеризуется выпадением из международных норм и оказывает, помимо всего прочего, длительное психологическое воздействие на общество, что связано с фактором неожиданности⁵. Исследования Кронина в определенной степени определяют концепцию «терроризма» в слиянии политической цели и идеологических факторов. Исследователь полагает, что сложность определения терроризма широко обсуждалась именно из-за субъективности мнения определяющих, а также динамичных общественных изменений. Очевидно, имеется в виду глобальная цифровизация, замена человеческого труда искусственным интеллектом и др.

Нау сквозь призму либеральной парадигмы констатирует, что глобальная война с терроризмом (например, против «Аль-Каиды») отличается от борьбы с терроризмом акцентом на этно-религиозную идентичность и террористические атаки с негосударственными характеристиками, поскольку глобальная война с терроризмом подчеркивает транснациональность террористов и соответствующие характеристики террористических атак. Нау также пишет о целесообразности использования либерального подхода в определении терроризма для локализации международ-

ных противоречий, рассмотрении их как внутригосударственной борьбы политических элит или ущемленных групп населения⁶. Согласно описанию этой либеральной точки зрения, терроризм следует рассматривать как преступление или преступное поведение, а не как акт войны. Между тем террористы и террористические акты должны быть обвинены и осуждены как внутригосударственными, так и международными судами и законами.

Ряд исследователей рассматривают 11 сентября 2001 г. как начало трансформации терроризма. Причинами этих изменений могут быть совокупность религиозных и идеологических факторов, которые зависят от ряда политических и неполитических компонентов. Известная теория «столкновения цивилизаций» С. П. Хантингтона может объяснить причину, по которой изменился характер терроризма: меру столкновения цивилизаций можно разделить на два уровня – микроуровень и макроуровень. Первый предполагает, что конкурирующие соседние этнические группы с заложенными цивилизационными противоречиями будут чаще воевать за контроль над территорией. Макроуровень является более сложным: страны, происходящие из разных цивилизаций, будут не только бороться за территориальный контроль, но и за мировой порядок и доминирование над третьими сторонами. Эти конфликты направлены на то, чтобы форсировать распространение передовых политических практик или уникальных религиозных ценностей, которые позволяют изменить системы других стран⁷. Хантингтон считает, что Запад стремится распространять свои стандарты в качестве универсальных, которые используются для замены первоначальных ценностей других цивилизаций, и настаивает на контроле мирового порядка и международных институтов с помощью военного и экономического роста для устранения угроз со стороны других цивилизаций. Западный блок широко участвует почти во всех международных делах, включая политические, экономические вопросы и вопросы безопасности, большинство из которых находится под контролем Запада, а ключевую ценностную оппозицию Западу представляют исламские государства, поэтому на нынешнем этапе столкновение цивилизаций состоит, главным образом, из конфликтов и противоречий Запада и ислама. Исламский терроризм, очевидно, здесь рассматривается как систематический метод борьбы против навязывания ценностей, инспирированных Западом. И этот метод становится очень популярным у обществ исламских стран, зачастую – бедных, поскольку они винят общества западных государств в использовании своего доминирующего положения в мировом порядке для получения ресурсов и благ глобализации. Террор обывателям из бедных стран с преимущественно исламским населением представляется единственным методом достижения справедливости по отношению к «угнетате-

лям», поскольку в военном, информационном и экономическом планах они проигрывают.

П. Дэвис в своем исследовании анализирует факторы, вызывающие крайнюю, радикализованную и измененную природу современного терроризма, и в то же время дифференцирует несколько террористических групп в соответствии с такими компонентами, как лидерство, идеология, цель и доступ к ресурсам. Он подчеркивает прагматическую, а не хаотическую природу терроризма, поскольку прагматизм призван контролировать идеологию терроризма и тактику действий. Для таких террористических групп, как «Аль-Каида», идеология является ядром религиозного экстремизма, подчеркивающего внутреннюю идентичность⁸.

Г. Фуллер указывает, что иррационализм исламизма может объединить разных недовольных вокруг возможных ответов в форме критики и насилия, порождаемыми незаконными, коррумпированными или авторитарными режимами⁹.

Уиллис и О. Аш-Шахери признают терроризм одной из серьезных угроз безопасности, не имеющей, помимо всего прочего, четкого определения. Они используют модели оценки риска для описания терроризма. Эти модели четко объясняют совокупность нерегулярных последствий, вызванных терроризмом, но не могут предсказать направление, в котором движется терроризм, а также существующие модели риска терроризма не могут предсказать форму будущих террористических угроз¹⁰.

Для понимания связи между дефинициями терроризма и инструментами реализации анти-террористической деятельности представляется важным проанализировать дефиниции понятия «терроризм» в ключевых юрисдикциях мира, столкнувшихся с этой угрозой.

Так, в 18 разделе Кодекса Соединенных Штатов Америки – сводной кодификации федерального законодательства США, издаваемой Управлением по законодательству Палаты представителей, существует ст. 2331, посвященная дефиниции международного терроризма¹¹. Прежде всего, под этим явлением понимается деятельность, сопряженная с насильственными действиями или действиями, опасными для жизни человека, которые являются нарушением уголовного законодательства США или любого штата либо которые были бы уголовным нарушением, если они совершены в пределах юрисдикции Соединенных Штатов или любого штата. В статье отмечается намеренность совершения этих действий и имеющая целью запугивание или принуждение гражданского населения, влияние на государственную политику этими методами, включая массовое уничтожение, убийство или похищение людей.

В параграфе «С» ст. 2331 декларируется, что действия, подразумеваемые под понятием «международный терроризм», происходят, глав-

ным образом, за пределами территориальной юрисдикции США или выходят за пределы национальных границ с точки зрения средств, с помощью которых они совершаются, лиц, которых они, как представляется, намереваются запугать или принуждать, или региона, в котором их исполнители скрываются. Таким образом, в законодательстве США отмечается связанность общественно значимых последствий терактов, которые могут быть совершены на территории Америки, с источниками террористических угроз, находящихся вне территории США.

Под «внутренним терроризмом» США подразумевают деятельность, связанную с деяниями, опасными для жизни человека, нарушающие уголовное законодательство США или любого из штатов, и имеющее тождественные признаки, что и в определении международного терроризма, приведенные выше. Исключением является только то, что общественно значимые последствия терактов и их источник находятся в юрисдикции США.

Для Соединенных Штатов терроризм является приоритетной угрозой, и, согласно официальному веб-ресурсу ФБР, «...защита Соединенных Штатов от террористических атак является приоритетом номер один для ФБР. Бюро тесно сотрудничает со своими партнерами в целях нейтрализации террористических ячеек и боевиков здесь, в Соединенных Штатах, оказания помощи в ликвидации экстремистских сетей по всему миру и прекращении финансирования и других форм поддержки, предоставляемых иностранным террористическим организациям¹². Насилие – это ключевой фактор в определении обоих видов терроризма в США.

Согласно исследованиям Г. Тревертона, разработка и коррекция контртеррористической стратегии США в определенной степени зависят от понимания внешнего облика и характера терроризма. По его мнению, терроризм для правительства США – меньшая угроза, нежели когда-то был СССР, но отсутствие понимания целей тех или иных террористов или групп, их средств вызывает значительно более серьезное общественное беспокойство¹³.

Что касается китайской трактовки понимания явления терроризма, целесообразно отметить, что в октябре 2011 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял «Постановление по вопросам укрепления антитеррористической работы». Восемь статей этого постановления стали важным правовым основанием для осуществления контртеррористической деятельности в Китае. В частности, в нем даются определения «терроризма», «террористической организации» и «террориста»¹⁴.

Но самым важным в контексте концептуализации и кодификации борьбы с терроризмом в Китае представляется Закон «О противодействии терроризму», принятый Всекитайским

советом народных представителей 27 декабря 2015 г. и вступивший в силу в начале 2016 г. Во 2-й статье постулируется тезис о том, что «Государство выступает против всех форм терроризма, запрещает террористические организации, организацию, планирование, подготовку к осуществлению и осуществление террористической деятельности, поощрение терроризма, подстрекательство к осуществлению террористической деятельности, организацию, руководство и участие в террористических организациях»¹⁵. Понятие «терроризм» приведено в ст. 3 и относится к «насилию, разрушениям, запугиванию и другим средствам создания социальной паники, угрозы общественной безопасности, посягательства на личную собственность или принуждения государственных органов и международных организаций к достижению их политических и идеологических целей». Терроризм понимается как «любые мысли, речи и деятельность, которые посредством насилия, подрывных действий или угроз нацелены на создание паники в обществе, оказание влияния на процесс принятия политических решений, порождение межэтнической ненависти, подрыв государственной власти и раскол государства».

При этом «террористическая деятельность», включает в себя следующие направления:

- пропаганду, разжигание и подстрекательство терроризма;
- формирование, руководство или участие в террористической организации;
- организацию, планирование и осуществление терактов;
- поддержку, оказание помощи и содействия террористической организации либо отдельным лицам посредством предоставления им информации, финансов, материалов, оборудования, техники и мест для сбора;
- прочую террористическую активность¹⁶.

Приведенный выше Закон, с одной стороны, однозначно осуждает терроризм во всех его проявлениях, а с другой – дает достаточно расплывчатую трактовку самого этого понятия. В определении ООН, представленном в Проекте всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, приводится исчерпывающий перечень серьезных правонарушений против человека или собственности, которые характеризуют терроризм, а в китайском варианте трактовки терроризма отсутствует перечисление конкретных правонарушений, кроме указания на «насилие, подрывные действия или угрозы». Второй элемент терроризма – непосредственный объект насилия, или цель. В определении ООН к непосредственным объектам террористических атак относятся не только люди, но и собственность – материальные объекты, в то время как в американском определении используется термин «объекты некомпатанты», включающий военнослужащих вне зоны боевых действий и гражд-

данских лиц. С другой стороны, китайское определение не подразумевает конкретного указания на непосредственные объекты. В связи с этим очевидно, что такое толкование ключевых для терроризма понятий «насилие» и «объект» увеличивает амплитуду вольной трактовки исполнительными органами при правоприменении.

Что же касается понимания терроризма в Европейском союзе, важнейшим документом здесь представляется Директива Европарламента и Евросовета «О борьбе с терроризмом» 2017 г.¹⁷. В данном документе «террористические акты» трактуются как одно из наиболее серьезных нарушений гуманистических ценностей человеческого достоинства, свободы, равенства и солидарности и осуществления прав человека и основных свобод, на которых основан Союз. Они также представляют собой одну из ключевых угроз демократии и верховенству права – основополагающим принципам ЕС. ЕС определяет «терроризм» через деятельность, основной характеристикой которой является насилие, приводящее к гибели или серьезному телесному повреждению человека, значительному ущербу собственности. Также вводится понятие «жертва терроризма» по аналогии с «жертвой войны» и предусматривается перечень принципов по защите лиц, относящихся к этой категории. В определении ЕС, к цели терроризма относятся «серьезное запугивание населения» либо «принуждение государства или международной организации к совершению или воздержанию от каких-либо действий», а также «серьезная дестабилизация либо уничтожение основополагающих политических, конституционных, экономических либо социальных структур государства или международной организации». Но, конечно, в документе ЕС есть отсылки к праву регулирования угроз террористического характера национальными законодательствами стран Союза¹⁸.

Что же касается законодательств ключевых стран ЕС, определяющих политику Союза, целесообразно начать с анализа законодательства Франции. Так, ст. L421-1 Уголовного кодекса Франции не различает понятий «нападение» и «террористический акт», но характеризует терроризм как «серьезное и намеренное нарушение закона и порядка»¹⁹. К терроризму во Франции относятся: преднамеренные покушения на жизнь и благополучие людей, похищения и незаконное заключение, угон самолетов, кораблей и любых других транспортных средств; кражи, вымогательство, уничтожение и ущерб, а также преступления, связанные с использованием компьютеров; преступления, связанные с боевыми группами и движениями, которые были расформированы; изготовление или хранение оружия, смертоносного оружия и взрывчатых веществ. Мы видим, что Французская Республика перечисляет перечень преступлений, которые могут

соотноситься с терроризмом, однако не различает нападение и террористический акт.

В Германии «терроризм» понимается как действия, совершаемые в политических, религиозных, этнических или идеологических целях, которые способствуют возникновению страха у населения и, таким образом, влияют на правительство или государственный орган. Бундестаг ФРГ в своем заявлении декларирует, что «общепринятого и универсального определения терроризма не может быть найдено, существуют различные точки зрения на это явление. В частности, граница между терминами “терроризм” и “борьба за свободу” часто размыта»²⁰. Согласно второму периодическому отчету Федерального правительства Германии «О безопасности» от 15 ноября 2006 г., терроризм «не является выражением определенной культуры, он изначально является экстремальным политическим оружием. Терроризм – это стратегия борьбы за вызов государству или существующей власти, что вызывает волны солидарности в определенных группах. А целью является не победа, а распространение террора».

В Российской Федерации определение терроризма вводится Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», где терроризм понимается как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»²¹. Также в Законе отдельно дается определение террористической деятельности, под которой понимаются: «организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности». Отдельно вводится определение понятия «террористический акт» как представляющий собой действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, наступления других тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»²².

Не вызывает сомнений то, что российское определение понятия «терроризм» неразрывно связано с политикой РФ по борьбе с терроризмом. В работе О. Оликера отражено, что российское определение термина «терроризм» связано с «идеологией насилия» и «другими незаконными актами насилия». А борьба с терроризмом является ключевой частью стратегии национальной безопасности России; от сложного опыта России и долгой истории противодействия терроризму и угрозам сепаратизма эта политика включает в себя более широкое понимание терроризма, чем понимание других регионов мира²³.

Итак, в США доктринально различается внутренний и международный терроризм. В случае обоих явлений общественно значимые последствия терактов локализируются в Соединенных Штатах, а источники террористических угроз находятся внутри страны и за рубежом соответственно. Насилие – это ключевой фактор в определении обоих видов терроризма в США. В Китае терроризм понимается как «любые мысли, речи и деятельность, которые посредством насилия, подрывных действий или угроз нацелены на создание паники в обществе, оказание влияния на процесс принятия политических решений, порождение межэтнической ненависти, подрыв государственной власти и раскол государства». Тем не менее, понятие терроризма в Китае достаточно расплывчато. В новом антитеррористическом законодательстве Китая впервые в истории страны был законодательно закреплён принцип, позволяющий Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и Народной вооруженной милиции Китая (НВМ) участвовать в антитеррористических миссиях за пределами КНР. Поскольку, как писалось ранее, закон не определяет четких масштабов подобных миссий, китайские ВС получают определенную гибкость при реализации антитеррористических операций. Принятие этого закона привело к кардинальным изменениям в использовании военной силы КНР за рубежом. ЕС определяет «терроризм» через деятельность, основной характеристикой которой является насилие, приводящее к гибели или серьезному телесному повреждению человека, значительному ущербу собственности. Франция не различает понятия «нападение» и «террористический акт», но характеризует терроризм как «серьезное и намеренное нарушение закона и порядка», а в официальных документах ФРГ терроризм определяется как стратегия борьбы за вызов государству или существующей власти, цель которой – не победа, а распространение террора. Для Российской Федерации терроризм – это, прежде всего, идеология насилия и практика воздействия на принятие решения соответствующими властными органами, устрашение населения и т. д.

Очевидно, несмотря на различие в определениях и «вынос» в дефиниции терроризма про-

анализированных в статье юрисдикций важных аспектов борьбы с ним, «насилие» является непреложным атрибутом терроризма во всех национальных определениях и работах по теории терроризма. Дефиниции понятия «терроризм» и принципы, лежащие в основе этих дефиниций, проанализированные выше, говорят о том, что великие державы в значительной степени продемонстрировали свое внимание к террористическим угрозам и приняли меры для законодательного закрепления этого понятия и включения его в стратегии безопасности. П. О'Брайан указывает на скрытую разницу между США и Европой в стратегическом противодействии терроризму: Европа лучше справляется с проблемами безопасности от внутреннего терроризма, появившегося ранее в регионе, и зависит от реализации внутренней политики, направленной на борьбу с террористическими инцидентами как обычными преступлениями с целью остановить рост радикализации и экстремизма; США, напротив, рассматривают большинство угроз как привнесенных извне и включают борьбу с терроризмом в повестку дня внешней политики²⁴. В России и Китае существуют области с гомогенными этническими меньшинствами, которые используют этнорелигиозный терроризм в политических целях, прежде всего сепаратистского характера, соответственно, угрожают территориальной целостности этих государств. Несмотря на более «размытое» определение терроризма в Китае, у него с Россией достаточно похожие подходы в борьбе с данным явлением, что дает возможность тесного двустороннего сотрудничества в этой области и взаимодействия в многосторонних форматах, таких как ШОС.

Примечания

- 1 См.: *Gibbs J. P.* Conceptualization of Terrorism // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54, № 3. P. 329–340.
- 2 См.: *Evans G., Newnham J.* Dictionary of International Relations. L.: Penguin Reference, 1998.
- 3 См.: *Badey T. J.* The Role of Religion in International Terrorism // *Sociological Focus*. 2002. Vol. 35, № 1. P. 81–86.
- 4 См.: *Rogers P.* Global Terrorism // *Cox M., Stokes D.* (eds). *US Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 335–350.
- 5 См.: *Cronin A. K.* Behind the Curve: Globalization and International Terrorism // *Mingst K. A., Snyder J. L.* Essential Readings in World Politics. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2004. P. 367–381.
- 6 См.: *Nau H. R.* Perspectives on International Relations: Power, Institutions and Ideas. Washington, DC: CQ Press, 2007.
- 7 См.: *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // *Mingst K. A., Snyder J. L.* Essential Readings in World Politics. P. 163–169.
- 8 См.: *Comparisons and Implications for Analysis of Strategy* // *Davis P. K., Larson E. V., Haldeman Z., Oguz M.,*

- Rana Ya. Understanding and Influencing Public Support for Insurgency and Terrorism. Santa Monica : RAND Corporation, 2012. P. 151–173.
- ⁹ См.: Fuller G. E. The Future of Political Islam // Mingst K. A., Snyder J. L. Essential Readings in World Politics. P. 173–180.
- ¹⁰ См.: Willis H. H., Al-Shahery O. National Security Perspectives on Terrorism Risk Insurance in the United States. 6 March 2014. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt6wq804.1> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹¹ См.: United States Code, Title 18 – CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE, CHAPTER 113B – TERRORISM, Sec. 2331 – Definitions. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2009-title18/html/USCODE-2009-title18-partI-chap113B-sec2331.htm> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹² См.: Официальный сайт ФБР США. URL: <https://www.fbi.gov/investigate/terrorism> ; URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-3278.html> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹³ См.: Trevorton G. F. The Intelligence of Counterterrorism // Jenkins B. M., Godges J. P. The Long Shadow of 9/11 : America's Response to Terrorism. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2011.
- ¹⁴ См.: 1. 全国人大常委会关于加强反恐怖工作有关问题的决定 (Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей по вопросу усиления антитеррористической работы (принято на 23-м заседании 11-го Постоянного комитета ВСНП КНР 31 октября 2011 г.). URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-3278.html> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹⁵ 中华人民共和国反恐怖主义法 (2015年12月27日第十二届全国人民代表大会常务委员会第十八次会议日中华人民共和国主席令第36号公布通过, 自2016年1月1日起施行) (О борьбе с терроризмом : закон П.Р.С. (принят на 18-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР 12-го созыва 27.12.2015, обнародован Указом Представителя КНР от 27 декабря 2015 г. № 36, вступил в силу с 1 января 2016 г.). URL: <http://www.mps.gov.cn> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: DIRECTIVE (EU) 2017/541 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017L0541> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Code des assurances – Article L421-1. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?idArticle=LEGARTI000033460248&cidTexte=LEGITEXT000006073984&dateTexte=20181231> (дата обращения: 15.05.2020).
- ²⁰ Deutscher Bundestag. Terrorismus : Definitionen, Rechtsgrundlagen und Maßnahmen zur Terrorismusbekämpfung URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/414600/88ba85eb1357681569fdea159edc1f3d/WD-3-417-09-pdf-data.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
- ²¹ О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Рос. газ. URL: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 15.05.2020).
- ²² Там же
- ²³ См.: Today's Russia Implications for the United States // Olikier O., Crane K., Schwartz L. H., Yusupov C. Russian Foreign Policy : Sources and Implications. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2009. P. 175–196.
- ²⁴ См.: O'Brien P. The Muslim Question in Europe : Political Controversies and Public Philosophies. Philadelphia : Temple University Press, 2016.

Образец для цитирования:

Цзыхао Чжан, Савкин Д. А. Подходы к пониманию явления «терроризм» и сравнительный анализ его определения в ключевых юрисдикциях мира // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 342–348. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-342-348>

Cite this article as:

Zihao Zhang, Savkin D. A. Approaches to Understanding the Terrorism Phenomenon and a Comparative Analysis of Its Definition in Key Jurisdictions of the World. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 342–348 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-342-348>

УДК 352:321

Политическая субъектность органов местного самоуправления в современной России: основные контуры реформирования

В. Г. Семенова, Г. Д. Кузахметова

Семенова Вера Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, semenovavg@mail.ru

Кузахметова Галия Дамировна, магистрант юридического факультета направления подготовки «Политология», профиль «Государственная политика и управление», Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ammconstanze@gmail.com

В статье представляется комплексная оценка политической субъектности органов местного самоуправления в современной России на основе анализа таких параметров, как правовой статус института местного самоуправления, разграничение полномочий между региональной и муниципальной властями, способы формирования органов муниципальной власти, основные показатели доходной и расходной части бюджета муниципального образования.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, муниципальная власть, высшее должностное лицо муниципалитета, бюджет муниципального образования.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 24.04.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Political Subjectivity of the Local Self-Government Bodies in Modern Russia: Main Outlines of the Reform

V. G. Semenova, G. D. Kuzakhmetova

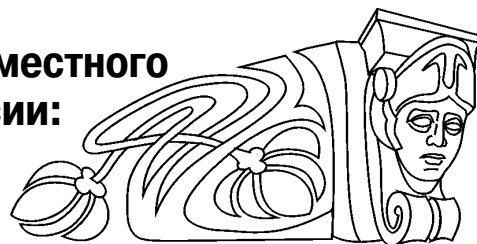
Vera G. Semenova, <https://orcid.org/0000-0003-3224-5822>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, semenovavg@mail.ru

Galiya D. Kuzakhmetova, <https://orcid.org/0000-0001-9972-0785>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ammconstanze@gmail.com

The article presents comprehensive assessment of the political subjectivity of local self-government bodies in modern Russia based on the analysis of such parameters as the legal status of the institution of local self-government, the division of powers between regional and municipal authorities, ways of forming municipal authorities, and the main indicators of the revenue and expenditure part of the municipal budget.

Keywords: local self-government bodies, municipal authorities, the highest official of a municipal administration, municipal budget.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 24.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-349-355>

Неотъемлемой частью практически любого современного государства является система многоуровневого управления, поскольку сочетание государственных и общественных механизмов политического управления позволяет обеспечить гармоничное развитие общества. Ключевое значение в этой связи приобретает функционирование местного самоуправления, поскольку именно данный уровень организации политического управления предоставляет максимально широкие условия для участия граждан в процессе принятия политических решений. Местное самоуправление обладает колоссальной функциональной составляющей: обеспечивает взаимодействие публичных и общественных форм управления, осуществляет учет общегосударственных интересов и потребностей местного сообщества при принятии властных решений.

В современной политической науке существует множество трактовок и определений местного самоуправления. Например, в институциональном аспекте внимание фокусируется на местном самоуправлении как социальном институте, в рамках которого население непосредственно или через создаваемые им органы участвует в решении вопросов местного значения. В функциональном аспекте акцентируется внимание на ролях, выполняемых местным самоуправлением как субъектом социальной системы. В социальном же аспекте главным является вопрос о субъекте местного самоуправления, т. е. формирование социальной базы местного самоуправления. В таком случае речь идет, в первую очередь, об организованной самодеятельности населения через общественные объединения широкого спектра, территориальные сообщества (или органы территориального общественного самоуправления), а также отдельных гражданах, готовых к участию и участвующих в муниципальных выборах, референдумах, собраниях или конференциях по месту жительства, способных проявлять себя в других формах непосредственного участия населения в местном самоуправлении¹.

Профессор Е. С. Шугрина предлагает рассматривать понятие местного самоуправления в несколько ином свете: как право граждан, местного сообщества на самостоятельное заведова-

ние местными делами; как деятельность граждан по самостоятельному разрешению вопросов местного значения; как форму народовластия, т. е. способ осуществления народом принадлежащей ему власти; как одну из разновидностей социального управления, которое существует наряду с государственным управлением; как одну из основ конституционного строя, основополагающий принцип организации власти, который наряду с принципом разделения власти (деление власти по горизонтали) определяет систему управления (деление власти по вертикали)².

Достаточно полное определение местного самоуправления дал А. Н. Широков: «...местное самоуправление – форма осуществления народом своей власти (форма публичной власти), позволяющая населению локальных территорий (территориальным коллективам, местным сообществам) самостоятельно и под свою ответственность, непосредственно и (или) через органы местного самоуправления, в числе которых в обязательном порядке имеются выборные органы, в пределах, установленных законом, за счет собственных и переданных государством финансовых и материальных ресурсов решать вопросы удовлетворения общих интересов жителей, обусловленных совместным проживанием на территории (вопросы местного значения), а также под контролем государства и с ответственностью перед государством за счет переданных государством ресурсов осуществлять возложенные на органы местного самоуправления законом отдельные государственные полномочия»³.

С теоретической точки зрения институт местного самоуправления исчерпывающе концептуализирован, сложно в этом отношении добавить что-то новое, поэтому мы будем также исходить из понимания местного самоуправления как регламентированной формы организации власти на локальном уровне, целью которой является решение вопросов местного значения с учетом различных особенностей данной территории. Предложенное определение характеризует местное самоуправление как динамическую единицу государства, подчеркивает главную цель организации власти на местах – решение вопросов местного значения в соответствии с особенностями развития территории, отражает природу наиболее приближенного к населению уровня власти, вписывая его в общий контекст управленческих структур государства.

Если с определением местного самоуправления в отечественной политической науке не возникает каких-то серьезных дискуссий, то в понимании роли и места органов местного самоуправления в политической системе России существуют заметные расхождения. Часть исследователей солидаризируются с общественной теорией и считают муниципальную власть самостоятельной формой политической организации населения на определенной тер-

ритории⁴. Вторая группа ученых считает, что местная власть в большей степени представляет собой низший уровень выстроенной вертикали административной государственной власти. Так, Р. Ф. Туровский подчеркивает, что местное самоуправление «не обладает выраженной политической субъектностью»⁵. С. А. Авакьян дает еще более резкую оценку, заявляя, что «местное самоуправление является вариантом публичной власти, и в этом плане оно не может быть ни искусственно, ни как-либо еще отделено от государственной власти...»⁶. Нередко в научной литературе можно встретить мнение о том, что в российском обществе вообще нет четкого понимания места института местного самоуправления в системе государственно-общественных отношений⁷. Очевидно, что данная неопределенность исследовательских позиций порождает множество дискуссионных вопросов относительно политического статуса местного самоуправления в современной России.

Подобная неопределенность характерна и для научной дискуссии вокруг правового статуса местного самоуправления либо как самостоятельного политического института, либо как структурного элемента системы государственного управления. На современном этапе развития российской государственности основные характеристики института местного самоуправления, его функции, роль и место в системе органов власти определяются отдельными статьями основополагающего закона государства – Конституции Российской Федерации. Так, в ст. 12 Конституции РФ гарантируется утверждение самой системы местного самоуправления, а также определяется обособленность ее органов от системы органов государственной власти⁸. Глава 8 посвящена исключительно освещению сущностной характеристики, функциональной направленности, инструментов деятельности, а также правового положения всей системы местного самоуправления. В этой же главе (ст. 123) содержится общий перечень полномочий органов муниципальной власти, а также декларируется возможность ее наделения отдельными государственными полномочиями с соответствующим ресурсным обеспечением⁹.

Конституционные нормы традиционно наполняются конкретным содержанием в специальных законах. Так, в 1995 г. был принят Федеральный закон № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Следует отметить рамочный характер данного Закона, поскольку он содержал в себе исключительно общие принципы, оставляя при этом целое поле нерешенных вопросов. Общее толкование конституционной нормы о совместном ведении в установлении принципов организации местного самоуправления фактически вызвало необходимость самостоятельного регулирования этого вопроса субъектом Федера-

ции в рамках местного законодательства. Новым витком формирования современной системы местного самоуправления можно считать принятие в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁰, который является основным нормативно-правовым актом, регулирующим систему местного самоуправления по сей день. Если сравнивать концепции этих законов с точки зрения определения политического статуса местного самоуправления, то следует согласиться с мнением Л. Т. Чихладзе, который полагает, что Закон 1995 г. основывался на общественной теории местного самоуправления, в то время как Закон 2003 г. тяготеет к смешанной (общественно-государственной) теории¹¹. То есть постепенно происходит встраивание местного самоуправления в систему государственной власти. Помимо этого, показательным является тот факт, что на апрель 2020 г. в справочной системе «КонсультантПлюс» содержится 110 редакций Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Это свидетельствует о перманентном изменении организации местного самоуправления, включая «положение» этого института в политической системе.

Одним из самых приоритетных вопросов в рамках нашей проблематики является разграничение полномочий. Важно отметить, что разграничение полномочий представляет собой не единовременную акцию, а постоянно эволюционирующий процесс, связанный с развитием внутригосударственных отношений. Как отмечает Р. Ф. Туровский, «фактически именно федеральная власть определяет, какие полномочия делегируются органам местного самоуправления. В свою очередь, органы местного самоуправления не в праве отказаться от них»¹². Органы государственной власти не только обеспечивают правовое регулирование деятельности муниципальных органов, но и осуществляют исполнительно-распорядительные и контрольные полномочия в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления. Обязательная отчетность органов местного самоуправления (уровень городского округа и муниципального района) перед органами государственной власти впервые была введена Указом Президента от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»¹³. Позже был подписан Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1384, который рекомендовал органам исполнительной власти субъектов РФ выделять из регионального бюджета гранты в целях «поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления»¹⁴. Отныне органы местного самоуправления городских округов и

муниципальных районов ежегодно отчитываются перед органами исполнительной власти по различным количественным показателям развития социальной сферы, культуры, жилищного строительства и ЖКХ и согласно этим данным получают или не получают грантовую поддержку. Таким образом, очевидно укрепление контролирующей функции государственной власти.

Как известно, с 2014 г. началась так называемая «малая реформа», в рамках которой была предусмотрена возможность установления особого порядка формирования в отношении представительного органа городского округа с внутригородским делением (ФЗ-131 в ред. от 27.05.2014 г.). Так, в городских округах (это, как правило, большие города) устанавливалась двухуровневая система. Двухуровневая система местного самоуправления существовала и до этого – территории городских и сельских поселений входили в состав территории муниципальных районов. Исследователи Э. Майкова и Е. Симонова подчеркивают, что «двухуровневая модель организации местной власти формирует зависимость от бюджетов регионального и федерального уровней, что фактически подрывает автономию органов местного самоуправления»¹⁵.

Вообще экономическая составляющая, т. е. фактическая ресурсная база муниципальной власти, является ключевой для понимания и оценки состояния политической субъектности органов местного самоуправления. Предлагаем оценить данный параметр на примере отчета администрации МО г. Саратова об основных параметрах бюджета за 2017–2019 гг.¹⁶

Известно, что доходы муниципального образования формируются за счет двух основных источников: налоговые и неналоговые доходы, доля которых в 2017 и 2018 гг. составила 44,5% всех доходов муниципального образования, в 2019 г. произошло сокращение данного показателя на 5,5%, что составило 39,0% всех доходов муниципального образования; безвозмездные поступления, доля которых в 2017 и 2018 гг. составила 55,5%, соответственно, увеличились до 61,0% в 2019 г.

В структуре налоговых и неналоговых доходов бюджета муниципального образования «Город Саратов» большая часть приходится на налоговые доходы. В 2017 г. налоговые доходы составляли 87,5%, неналоговые – 12,5%, а в 2018 г. – 88 и 12% соответственно. В 2019 г. эти показатели составили 88,5 и 11,5% соответственно. В 2018 г. безвозмездные поступления сложились в сумме 8698,9 млн руб. с увеличением к уровню предшествующего года на 5,7%, в 2019 г. данная тенденция сохраняется – можно говорить об увеличении безвозмездных поступлений еще на 28,1%. Увеличение доли безвозмездных поступлений является негативной тенденцией, поскольку свидетельствует об уве-

личении финансовой зависимости органов местного самоуправления. Финансирование более половины доходной части бюджета напрямую с помощью бюджетных трансфертов не позволяет стать местному самоуправлению более автономным в политическом смысле и закрепляет иерархию отношений по линии «государство – регион – ОМС». При этом важно помнить, что другая часть дохода – это малая часть собранных средств (на 2018 г. норматив по сбору НДФЛ в МО г. Саратов установлен в 26,6%¹⁷). Основная часть налоговых поступлений продолжает концентрироваться на федеральном уровне и на уровне субъектов Федерации.

Стоит подчеркнуть, что наибольший удельный вес в безвозмездных поступлениях составляют субсидии и субвенции. Это демонстрирует зависимое положение муниципальной власти от региональных и федеральных властей не только в экономико-хозяйственном плане, но и в вопросе политическом – ведь бюджетный вопрос, а именно «возникновение просроченной задолженности и неисполнение бюджетных обязательств муниципалитета, нецелевое расходование бюджетных средств»¹⁸, является основанием временного осуществления региональными органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления.

Расходы бюджетов муниципальных образований можно разделить на несколько групп. Это расходы, связанные с решением вопросов местного значения, осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, с обслуживанием и погашением долга по муниципальным займам и ссудам¹⁹. Объем расходов местного бюджета в 2018 г. составил 15 760,3 млн руб., что превышает расходы предыдущего периода на 355,7 млн руб., или на 2,3%. Расходы на 2019 г. составили 19 149,7 млн руб., однако следует отметить, что по аналогии с предыдущими периодами запланированные расходы бюджета МО г. Саратов несколько превышают фактические. Так, в 2017 г. исполнение по расходам составило 98,41%, а в 2018 г. – 99,19%.

Учитывая, что по итогам 2018 г. уровень инфляции составил 4,27%²⁰, становится очевидно, что темп роста реальных расходов отрицательный. Реальные расходы с учетом инфляции в ценах 2017 г. составили 15 087,3 млн руб., что на 317,3 млн меньше, чем в предыдущем периоде. Согласно официальным данным, местный бюджет за период с 2014 по 2018 г. является дефицитным, причем 2019 г., согласно плановым показателям, также является дефицитным. Невозможно дать определенную оценку о накоплении или сокращении дефицита бюджета – к 2018 г. ситуация значительно улучшилась – дефицит бюджета сократился на 82,8% в сравнении с предыдущим годом, однако, согласно плановым показателям, в 2019 г. дефицит бюджета

может составить 803,3 млн руб., что больше на 723,4%, чем в 2018 г.

Подводя предварительные итоги в оценке экономической самостоятельности органов местного самоуправления, можно сказать, что анализ финансовых документов продемонстрировал тренд на увеличение финансирования бюджета посредством финансовых трансфертов, более того, наибольший удельный вес этих поступлений представляют собой субвенции, что свидетельствует о невозможности органов местного самоуправления направить данные средства по своему усмотрению. Финансирование более половины доходной части бюджета напрямую с помощью бюджетных трансфертов не позволяет стать местному самоуправлению более автономным в политическом смысле и закрепляет иерархию отношений по линии «государство – регион – ОМС». При этом важно помнить, что другая часть дохода – это малая часть собранных средств. Основная часть налоговых поступлений идет в региональные бюджеты. Так, очевидно нежелание передачи местному самоуправлению новых источников пополнения бюджета в целях контроля деятельности местного уровня власти. Примечательно, что именно бюджетный вопрос, а именно «возникновение просроченной задолженности и неисполнение бюджетных обязательств муниципалитета, нецелевое расходование бюджетных средств»²¹ является основанием временного осуществления региональными органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления.

Кроме того, самостоятельная политическая позиция местного самоуправления во многом определяется способом их формирования. Формирование органов местного самоуправления в российской практике носит альтернативный порядок – осуществляются как прямые, так и косвенные избирательные процедуры. Согласно Закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», на данный момент существует пять организационных моделей замещения должности главы муниципального образования. Первая модель, при которой глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах, входит в состав представительного органа муниципального образования и исполняет полномочия его председателя. В данном случае и представительный орган, и глава муниципального образования являются выборными органами, поэтому глава, являясь председателем городской думы или Совета депутатов, усиливает реальный политический вес самого представительного органа. Вторая модель, при которой глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию. В данном случае у главы муниципального образования серьезный политический вес – он избран напрямую жителями и име-

ет большой кредит доверия, а также возглавляет администрацию, что позволяет сосредоточить ресурсы и влияние. Представительный орган в данном случае играет меньшую роль.

Третья модель, при которой глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава и исполняет полномочия его председателя, а главой местной администрации назначается сити-менеджер. В данном случае мы имеем довольно слабую позицию главы муниципального образования, поскольку он выбран из состава представительного органа и не имеет значительных полномочий. Несмотря на подотчетность сити-менеджера представительному органу, при слабости последнего управленец может получить значительный властный ресурс. Именно смешанная модель местного самоуправления была введена в МО «Город Саратов» в 2005 г., согласно которой мэр становился лидером городской думы, а глава администрации – наемным руководителем, которого утверждала конкурсная комиссия, состоящая на 2/3 из представителей городской думы и на 1/3 из представителей областной думы²². В итоге с 2006 по 2016 г. главой МО «Город Саратов» был Олег Грищенко, а на посту сити-менеджера за этот период сменились несколько человек – Николай Романов, Сергей Тульский (был назначен исполняющим обязанности), Вячеслав Сомов, Алексей Прокопенко, Александр Буренин, Валерий Сараев.

Четвертая модель, при которой глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава и возглавляет местную администрацию. В данном случае мы имеем наименее конфликтную ситуацию – коллективный орган выдвигает на роль главы МО кандидата из своего состава, который уже получил мандат, т. е. определенную поддержку населения. Возглавляя местную администрацию, мэр получает реальные полномочия. Пятая модель, при которой глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса и возглавляет местную администрацию. В данном случае жители фактически отстранены от участия в избрании главы муниципалитета, а в формировании органов местного самоуправления участвует государственная власть. В итоге у органов исполнительной власти появился явный рычаг давления на органы местного самоуправления, так как через процедуру конкурсного отбора очевидным образом может осуществляться влияние со стороны главы региона. При этом нельзя не отметить возможность привлечения компетентных и высокопрофессиональных граждан к управлению муниципалитетом.

Следует сказать, что существуют определенные тренды на использование той или иной мо-

дели замещения должности главы муниципального образования. Так, например, модель, при которой глава МО избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию, была широко распространена до 2014 г., а после использовалась крайне редко. Если в 2008 г. при такой модели были избраны 79 мэров (73%), в 2014 г. – 44 (40%), то в 2019 г. – 13 мэров (12%)²³. Очевидно, курс на смену выборности глав муниципалитетов уступил конкурсному отбору градоначальников в 2014 г. В 2008 г. по конкурсу назначались 28 мэров (26%), в 2014 г. – 60 (55%), в 2019 г. – 53 мэра (49%)²⁴. Данные свидетельствуют о широком распространении модели конкурсного отбора. Так, сохраняется высокая степень влияния региональных властей на формирование высшего кадрового состава муниципального образования (региональная власть назначала сначала 30% конкурсной комиссии, а затем 50%), при этом устранялся риск двоевластия и конфликта по линии глава муниципального образования – сити-менеджер.

Однако социологические данные показывают, что жители локальных территорий считают наиболее оптимальным замещение должности главы муниципального образования посредством всенародных выборов. Так, в 2017 г. Левада-центром был проведен опрос по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Согласно его результатам, 65% опрошенных считают, что глава администрации должен избираться на всенародных выборах, в то время как за «конкурсный» отбор отдали свои голоса 12% респондентов и 5% – за то, чтобы глава избирался депутатами муниципального совета из своего состава, 18% респондентов затруднились ответить²⁵. Объективно практика применения конкурсных процедур не совпадает с запросом сообщества на непосредственное участие при выборе градоначальника. При этом исследователи отмечают, что именно на уровне местного самоуправления важным является «рациональный выбор глубины обратной связи с населением»²⁶. Несовпадение желаемого с фактическим положением дел также может быть еще одной причиной низкого доверия к муниципальному уровню власти.

Важно отметить, что конституционные гарантии автономии местного самоуправления не позволяют выстроить чисто административную вертикаль его подчинения, в связи с чем усиление контроля обеспечивается методами политического характера. Отдельным примером этого служит внедрение на муниципальном уровне пропорциональной избирательной системы. Избирательные системы, которые могут применяться при проведении выборов, традиционно закрепляются в законе субъекта Российской Федерации. В уставе муниципального образо-

вания конкретизируется избирательная система, которая применяется при проведении муниципальных выборов. Отметим, что избирательная система городской думы не претерпевала таких качественных изменений, как модель избрания главы города. С 2005 г., согласно изменениям в Законе 131-ФЗ, была установлена смешанная избирательная система. Это было вызвано необходимостью снизить влияние кланов и частных корпораций на региональный и муниципальный политический процесс и связать действующую элиту партийной дисциплиной. Для небольших по численности территорий проведение выборов в органы местного самоуправления, на наш взгляд, принципиально важно проводить по мажоритарной системе, для более крупных муниципальных образований не считаем это принципиальным моментом, однако пропорциональная избирательная система ослабляет контакт между депутатом и избирателем. Кроме того, избирательные объединения, в понятие которых входят не только политические партии, но и иные общественные объединения, имеющие право участвовать в выборах, могут участвовать в выборах представительного округа только по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам²⁷. Таким образом, использование частично или полностью пропорциональной системы при выборах представительного органа муниципального образования фактически «исключает» из избирательного процесса непартийных общественников.

Важным моментом, на наш взгляд, при смешанной избирательной системе является вопрос отзыва депутата. Налицо разрыв отношений по линии депутат – избиратель не только при налаживании контакта, но и в случае возникновения недоверия жителей локальной территории к их представителю в городской думе или совете. Согласно ч. 2.1 ст. 24 ФЗ № 131, «в случае, если все депутатские мандаты или часть депутатских мандатов в представительном органе муниципального образования замещаются депутатами, избранными в составе списков кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями, отзыв депутата не применяется»²⁸. Фактически исключена возможность применения меры отзыва депутата ко всем депутатам, избранным при применении пропорциональной или смешанной избирательной системы, а не только к депутатам, избранным по партийным спискам. То есть в отношении данных депутатов отсутствует принципиальная возможность отзыва населением, существует лишь прекращение полномочий по собственной инициативе или ввиду ограничений, введенных в отношении депутата федеральным законодательством.

Подобная мера, очевидно, ущемляет пассивное избирательное право беспартийных граждан быть избранными в состав органов местного самоуправления, а зачастую «превращается в

профанацию, так как в значительном числе небольших муниципальных образований просто не существует местных отделений политических партий»²⁹. Юрист и председатель Избирательной комиссии Томской области Э. С. Юсубов подчеркивает, что «выборы на основе распределения депутатских мандатов между партийными списками кандидатов политизируют избирательный процесс и деятельность представительного органа местного самоуправления»³⁰.

Несмотря на перманентный характер реформирования местного самоуправления, проблема политической субъектности данного института по-прежнему является одной из важных тем российской политической повестки. Как известно, не так давно Президент РФ В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию вновь актуализировал данный вопрос, предложив «закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти между государственными и муниципальными органами»³¹. Данный тезис, казалось бы, ставит под вопрос автономию органов местного самоуправления. Однако, с нашей точки зрения, такая норма оформит де-юре то фактическое положение вещей, которое уже сложилось в российской политической практике.

Примечания

- 1 См.: Бортник А. Ф. К вопросу о взаимосвязи государства и местного самоуправления // Юридические науки. 2014. № 8 (27). С. 62.
- 2 См.: Шугрина Е. С. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2007. С. 35.
- 3 Широков А. Н., Юркова С. Н. Муниципальное управление. 2-е изд., перераб. М. : КНОРУС, 2017. С. 12.
- 4 См.: Дугарова А. А. Местное самоуправление в политической системе общества // Вестн. БГУ. 2012. № 2. С. 100.
- 5 Туровский Р. Ф. Российское местное самоуправление : агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. 2015. № 2. С. 35.
- 6 Цит. по: Сергеев А. А. Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия. М. : Юриспруденция, 2005. С. 18–19.
- 7 См.: Мельникова Р. И. Местное самоуправление в политической системе современной России // Среднерус. вестн. общественных наук. 2015. Т. 10, № 6. С. 24. DOI: 10.12737/16787
- 8 См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- 9 Там же

- ¹⁰ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
- ¹¹ См.: *Чихладзе Л. Т.* Развитие местного самоуправления в рамках концепции федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г № 154-ФЗ и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 4. С. 40
- ¹² *Туровский Р. Ф.* Указ. соч. С. 37.
- ¹³ См.: Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов : указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 18, ст. 2003.
- ¹⁴ О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и в перечень, утвержденный этим Указом : указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1384 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 43, ст. 5815.
- ¹⁵ *Майкова Э. Ю., Симонова Е. В.* Двухуровневая система местного самоуправления в современной России : проблемы и перспективы развития // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 16. С. 210.
- ¹⁶ См.: Бюджет для граждан // Администрация муниципального образования «Город Саратов» : [сайт]. 2019, 19 дек. URL: <http://www.saratovmer.ru/budget/rubrics/6/1302.html> (дата обращения: 31.01.2020).
- ¹⁷ См.: Об исполнении бюджета муниципального образования «Город Саратов» за 2018 год // Администрация муниципального образования «Город Саратов» : [сайт]. URL: <http://www.saratovmer.ru/budget/rubrics/6/1295.html> (дата обращения: 12.04.2020).
- ¹⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 №131-ФЗ.
- ¹⁹ См.: *Угурчиев О. Б., Угурчиева Р. О.* Основы государственного и муниципального управления : учеб. пособие. М. : ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 96.
- ²⁰ См.: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2019 гг. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm (дата обращения: 12.04.2020).
- ²¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 №131-ФЗ.
- ²² См.: *Скороходова О. С.* Реформирование местного самоуправления в Саратовской области : городское измерение // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 73–79. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-73-79
- ²³ См.: Доклад «Особенности ротации корпуса мэров в современной России» // Комитет гражданских инициатив. 2019. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/4102/> (дата обращения: 10.04.2020).
- ²⁴ Там же
- ²⁵ См.: Социологическое исследование Левада-центра на тему «Выборность глав городов, муниципальных районов». 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/25/vybornost-glav-gorodov-munitsipalnyh-rajonov/> (дата обращения: 10.04.2020)
- ²⁶ См.: *Майкова Э. Ю., Симонова Е. В.* Конкурсная модель избрания главы местного самоуправления в современной российской муниципальной практике : преимущества и недостатки // Власть. 2017. Т. 25, № 8. С. 83–89.
- ²⁷ См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53, ст. 8476.
- ²⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ.
- ²⁹ *Деметьев В. А.* Конституционно-правовые основы применения пропорциональной избирательной системы на муниципальных выборах в Российской Федерации // Юридические науки : проблемы и перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 81.
- ³⁰ *Юсубов Э. С.* Избирательные системы на муниципальных выборах : теория и практика применения // Российское право : Образование. Практика. Наука. 2015. № 4 (88). С. 47.
- ³¹ Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации // Президент России : [сайт]. 2020, 15 янв. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 31.01.2020).

Образец для цитирования:

Семенова В. Г., Кузахметова Г. Д. Политическая субъектность органов местного самоуправления в современной России: основные контуры реформирования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 349–355. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-349-355>

Cite this article as:

Semenova V. G., Kuzakhmetova G. D. Political Subjectivity of the Local Self-Government Bodies in Modern Russia: Main Outlines of the Reform. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 349–355 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-349-355>

УДК 329.7(571.1)

Вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь в приграничных регионах Юго-Западной Сибири: сравнительный анализ

А. В. Шарапов

Шарапов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул, asharpov1981@gmail.com

Целью исследования является сравнение участия молодежи Алтайского края и Новосибирской области в избирательных кампаниях в региональные парламенты в период 2004–2016 гг. Указанные регионы обладают статусом приграничных территорий, разным уровнем экономического развития и политической конкуренции среди других сибирских регионов. Данное исследование проведено с помощью анализа официальных сайтов Избирательных комиссий Новосибирской области и Алтайского края. Получены следующие результаты: количество молодых кандидатов, выдвигаемых политическими партиями, растет, а молодых кандидатов-самовыдвиженцев с каждым электоральным циклом уменьшается. Несмотря на особенности электоральных циклов, примерно одинаковое количество молодых людей получают депутатский мандат в представленных регионах.

Ключевые слова: Алтайское краевое Законодательное собрание, Законодательное собрание Новосибирской области, партийные списки.

Поступила в редакцию: 17.04.2020 / Принята: 24.04.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Involvement of Young People in Social and Political Life in the Border Regions of South-Western Siberia: A Comparative Analysis

A. V. Sharapov

Aleksey V. Sharapov, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>, Altai State University, 61 pr. Lenina, Barnaul 656049, Russia, asharpov1981@gmail.com

The aim of the study is to compare the participation of young people in the Altai Territory and the Novosibirsk Region in election campaigns in regional parliaments in 2004–2016. The indicated regions have the status of border territories, different levels of economic development and political competition among other Siberian regions. This study was conducted by analyzing the official websites of the Electoral Commissions of the Novosibirsk Region and Altai Territory. The following results were obtained: the number of young candidates nominated by political parties is growing, and the number of young self-nominated candidates is decreasing with each electoral cycle. Despite the peculiarities of the electoral cycles, approximately the same numbers of young people receive a deputy mandate in the represented regions.

Keywords: Altai Territory Legislative Assembly, Legislative Assembly of the Novosibirsk Region, party lists.

Received: 17.04.2020 / Accepted: 24.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-356-361>

На современном этапе происходят сложные социально-экономические изменения (пенсия реформа 2018 г., последствия экономических санкций, введенных в 2014 г.). Не менее интенсивно происходят преобразования в форме модернизации и в политической сфере. Высшее руководство страны прикладывает усилия по улучшению политического управления страной.

Видное место в политической модернизации российского общества занимает такой социальный слой, как молодежь, благодаря своим качественным характеристикам.

Международный опыт показывает, что при осуществлении современных модернизационных процессов молодежь обладает рядом преимуществ. Это стремление к новым идеям, «незамысленный» взгляд на проблему, образованность, желание самореализовываться, прагматизм и смелость. Указанные качества всегда служили определенной базой для молодежи как участника политического процесса. Вместе с тем, несмотря на многообразие современных концепций лидерства, всеми признается положение о необходимости наличия у публичного политика определенных врожденных интеллектуальных и психологических способностей, где важную роль играет талант выстраивать коммуникацию с общественностью, ощущать энергетику и настроения масс и создавать новые проекты.

Такую позицию разделяет И. М. Ильинский: молодежь является интегратором инноваций и преобразований, благодаря которым последовательно происходят глубинные изменения в общественной жизни страны¹. Схожие взгляды демонстрирует П. В. Палехова².

Исследован и региональный аспект политического участия молодежи. Так, Я. Ю. Шашкова позиционирует молодежь как важный фактор современной общественно-политической действительности. При этом отсутствие в России гражданских институтов ограничивает возможности молодежи реализоваться в политической сфере. Положительной тенденцией она считает стартовавший процесс омоложения органов государственной власти, вовлечение молодежи в

деловые круги, формирование новых молодежных некоммерческих организаций, элементов молодежной субкультуры³.

О. В. Лагутин, Е. О. Негров, О. В. Попова при изучении молодежи среднего класса в различных регионах РФ выявили три основные политические модели: «проактивная модель», «кооперативная модель», «лоялистская модель». Кроме того, ими изучены особенности политического сознания российской молодежи, которое не отличается кардинально от взрослого населения. При отрицательной реакции граждан определенной территории к федеральному центру представители власти местного уровня и политических структур получают более положительную реакцию. В другой ситуации, при положительном отношении к органам власти, существует прямая взаимосвязь между степенью доверия населения к власти и ее уровнем. Федеральная власть пользуется большей поддержкой, чем региональная и местная⁴.

По мнению авторов, существует незначительная возможность роста протестной гражданской активности, вместе с тем сама группа молодежи не склонна к протесту. В то же время ученых беспокоит то, что около четверти молодежи абсолютно неинтересна общественно-политическая деятельность, а более 7% готовы использовать аморальные и незаконные способы отстаивания своих интересов⁵.

С политической точки зрения молодое поколение выделяется в самостоятельную страту, в которой доминируют собственные представления о путях и методах преобразования России. Данная особенность четко прослеживается в особой политической культуре молодежи. Современное приращение человеческого капитала в России немислимо без молодежи.

Молодые люди являются не менее важным элементом избирательного процесса. Они вовлечены в избирательные кампании в качестве агитаторов, депутатов и их помощников, политконсультантов. Сформировался определенный барьер для участия молодежи в избирательных кампаниях в качестве депутатов. Это проявляется в несистемной работе карьерных лифтов для достижения депутатского мандата. Недоверие взрослого поколения управленцев к молодежи объясняется недостаточной подготовленностью последних к политической деятельности⁶.

Данные представления властвующей элиты можно преодолеть путем предоставления молодым людям определенной самостоятельности в реализации собственных проектов и идей в рамках гражданского общества и органов власти. Таким образом, молодежь смогла бы получить недостающий опыт в системе государственного и муниципального управления. Также это повысит политическую культуру молодежи.

Именно в таком ключе руководство страны пытается привлечь молодежь к государствен-

ному управлению. Во второй половине 2010-х федеральные власти инициировали процесс омоложения региональной и федеральной элит, который развивался и продолжает развиваться по двум направлениям: путем выдвижения более молодых кандидатов на руководящие должности органов исполнительной и законодательной власти и проведения специальных общенациональных конкурсов по поиску и закреплению в «кадровый резерв» перспективных управленцев на будущее. Именно в это время глубоко внедрилось в политический ландшафт страны такое явление, как «руководители-технократы».

Количество губернаторов «нового призыва» значительно выросло. Так, в 2018 г. корпус региональных элит пережил серьезные изменения. Как и в предыдущий год, состоялись досрочные отставки глав субъектов РФ. В 26 регионах были проведены выборы глав субъектов РФ, в 22 из них – прямые выборы. В 4 регионах главы были избраны путем голосования депутатского корпуса регионального парламента. Среди избранных: до 40 лет – 4 чел., 41–50 – 13 чел., 51–60 чел. – 6 чел., старше 60 лет – 2 чел.⁷. Представленные данные наглядно показывают, что более половины избранных руководителей регионов в очередной электоральный период относятся к молодому поколению руководителей.

С 2017 г. на регулярной основе в стране проводится федеральный конкурс «Лидеры России». Главными задачами указанного проекта являются поиск перспективных управленцев новой формации и дальнейшее стимулирование их профессионального роста. Согласно мнению первого заместителя администрации Президента РФ С. В. Кириенко, конкурс нацелен на поддержку «молодых, но состоявшихся управленцев». Кроме того, все принявшие участие в конкурсе, в том числе полуфиналисты, «попадают в определенный круг кадрового резерва». В 2018 г. в рамках проведения второго конкурса «Лидеры России» возраст был повышен до 55 лет.

Необходимо отметить, что в обозначенном проекте рассказывается не о демографической группе молодежи 14–30 лет и молодых семьях до 35 лет, а о состоявшихся управленцах зрелого возраста.

В статье представлена сравнительная характеристика участия молодежи Алтайского края и Новосибирской области в избирательных кампаниях в региональные легислатуры в период 2000–2016 гг.

Данные регионы выбраны не случайно. Оба представляют собой усредненные модели успешного развития региона (Новосибирская область) и отстающего региона (Алтайский край) в рамках Сибирского федерального округа. При этом регионы не обладают значительными природными ресурсами, большой удельный вес в структуре экономики обоих составляет сельское хозяйство (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ основных экономических показателей, 2018 г.⁸

Показатели	Алтайский край	Новосибирский край
Валовый региональный продукт, млн руб.	552 000	1 252 258,7
Население, чел.	2 332 813 (-17 548)	2 788 849 (+4535)
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	25 519	35 686,2

В каждом регионе были проанализированы три региональные избирательные кампании за последние 15 лет. В Алтайском крае и Новосибирской области основные политические партии в период избирательной кампании активно подчеркивают важность обновления власти и ее омоложения путем привлечения молодежи в качестве кандидатов в депутаты региональных парламентов. Представленное утверждение доказывается эмпирическим методом. Необходимые статистические данные получены с помощью изучения официальных сайтов избирательных комиссий Алтайского края и Новосибирской области. На данных ресурсах размещены сведения о кандидатах за последние 20 лет (табл. 2).

Необходимо отметить, что за представленный электоральный период количество избранных молодых кандидатов составило 3 (2004 и 2008 гг.), 4 (2011 г.) и 7 (2016 г.) человек.

Алтайский край не обладает значительным многообразием политических партий, которые регулярно участвуют в избирательных кампаниях. Четыре парламентские партии и «Яблоко» – главные участники в данном процессе. У всех представленных партий одна общая закономерность – незначительное выдвижение молодых кандидатов по одномандатным округам и большое количество молодежи в партийных списках (табл. 3)

Новосибирская область представлена большим многообразием политических партий, которые регулярно соперничают за получение депутатских мандатов. Четыре парламентские партии, «Родина» и «Патриоты России» – глав-

ные участники в данном процессе. Кроме того, важную роль в электоральном процессе играют самовыдвиженцы, хотя за исследуемый период их численность уменьшается. У всех представленных партий одна общая закономерность – незначительное выдвижение молодых кандидатов по одномандатным округам и большое количество молодежи в партийных списках.

Необходимо отметить, что за представленный электоральный период количество избранных молодых кандидатов составило 3 (2005 г.), 5 (2010 г.) и 4 (2015 г.) человек.

Анализ списков кандидатов позволил выявить молодых кандидатов в возрасте до 30 лет. С начала 2000-х гг. обнаружена положительная динамика участия молодежи обоих регионов в политической активности. Численность молодых людей, желающих попробовать свои силы в политике, неуклонно растет. Для более детального подтверждения данной закономерности построены следующие графики (рис. 1 и 2)

Полученные данные об электоральной активности молодежи в двух субъектах РФ позволили выявить следующие закономерности. За последние 15 лет произошел уверенный рост количества выдвинувшихся молодых кандидатов как по одномандатным округам, так и по партийным спискам. При этом необходимо отметить, что удельный вес молодежи в Новосибирской области во время избирательных кампаний в качестве кандидатов выше, чем в Алтайском крае. Такая закономерность объясняется более широким электоральным полем. Количество новых партий, желающих участвовать в выборах,

Таблица 2

Выдвижение молодых кандидатов в Алтайское краевое Законодательное собрание⁹

Политические партии	Молодые кандидаты по одномандатным округам				Молодые кандидаты по партийным спискам			
	2004 г.	2008 г.	2011 г.	2016 г.	2004 г.	2008 г.	2011 г.	2016 г.
«Единая Россия»	1	–	2	1	–	4	5	15
КПРФ	1	–	5	1	4	1	14	1
ЛДПР	–	3	13	9	4	3	38	24
«Яблоко»	–	–	–	3	4	2	7	15
«Справедливая Россия»	–	–	1	–	–	–	12	22
«Правое дело»	–	–	1	–	–	–	–	–
«Великое Отечество»	–	–	–	2	–	–	–	9
«Коммунисты России»	–	–	–	–	–	–	–	28
Самовыдвиженцы	2	8	1	1	–	–	–	–

Таблица 3

Выдвижение молодых кандидатов в Законодательное собрание Новосибирской области¹⁰

Политические партии	Молодые кандидаты по одномандатным округам			Молодые кандидаты по партийным спискам		
	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
«Единая Россия»	–	–	2	1	14	12
КПРФ	1	3	1	2	13	7
ЛДПР	5	9	8	10	17	25
«Яблоко»	–	–	4	–	–	25
«Союз правых сил»	2	–	–	14	–	–
«Справедливая Россия»	–	5	2	0	34	17
«Аграрная партия России»	–	–	–	1	–	–
«Патриоты России»	–	6	–	–	27	32
«Коммунисты России»	–	–	–	–	–	31
«Родина»	2	–	0	13	–	8
«Народная воля»	–	–	–	6	–	–
Социал-демократическая партия России	–	–	–	13	–	–
«Евразийский союз»	1	–	–	–	–	–
«Народный альянс»	–	–	–	–	–	81
«Женщины России»	–	–	–	–	–	18
Демократическая партия России	–	–	–	–	–	75
Коммунистическая партия социальной справедливости	–	–	–	–	–	20
«Гражданская платформа»	–	–	–	–	–	68
«Зеленые»	–	–	–	–	–	28
РПР-ПАРНАС	–	–	–	–	–	22
Самовыдвиженцы	24	18	4	–	–	–

гораздо больше, чем в Алтайском крае. Этому способствует многоукладная и более развитая экономика региона, где существует значительно большее количество групп интересов, которые стараются реализовать свои задачи через политические партии. Как следствие, выдвижение кандидатов, в том числе и молодых, происходит не только от парламентских партий, но и малых партий («Патриоты России», «Родина»), которые реально стремятся получить представительство в региональном парламенте. К процессу борьбы подключаются и партии-«новички», рекрутирующие в свои ряды молодежь. Для них это проще, быстрее, чем заинтересовать состоявшегося зрелого человека, который просчитывает риски и свои шансы с малоизвестной партией. Такая тенденция четко прослеживается после либерализации законодательства о политических партиях 2012 г., когда для регистрации партии было достаточно иметь 500 членов. Количество их резко выросло, что повлекло эпизодическое участие таких партий на региональном уровне. Следующая особенность представленного процесса связана с увеличением численности партийных списков. У многих партий возникли серьезные трудности даже в заполнении кандидатами партийных спи-

сков. Молодежь разных социальных категорий становится главным кадровым источником.

Важным критерием участия молодежи в региональной политике является их избираемость. В обоих регионах прослеживается положительная динамика молодежного представительства. В основном 3–5 молодых людей становятся депутатами в региональных парламентах Новосибирской области и Алтайского края. Наибольшую положительную динамику продемонстрировал Алтайский край – 7 чел.

Включение в партийные списки молодых кандидатов не всегда можно относить к полноценным претендентам на депутатский мандат. В партийных списках молодежь регулярно размещается заранее на непроходных местах, а ее присутствие имеет фоновый характер. Вместе с тем в регионах политические партии понимают значимость молодежи в своих рядах при формировании партийной элиты. Полученные данные показывают, что количество молодых людей, активно участвующих в политическом процессе, увеличивается. Такая положительная тенденция формирует у активной части молодежи желание оставаться и развиваться на родной территории и реализовывать себя в политической сфере.

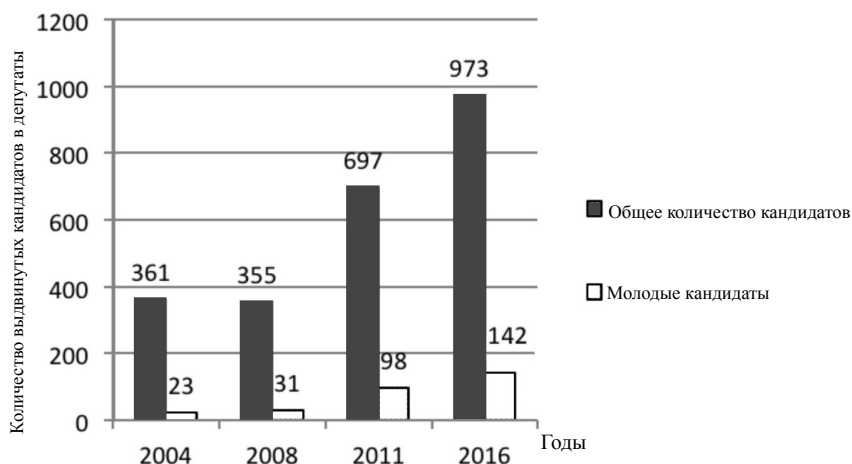

Рис. 1. Динамика активности молодых кандидатов в Алтайское краевое Законодательное собрание

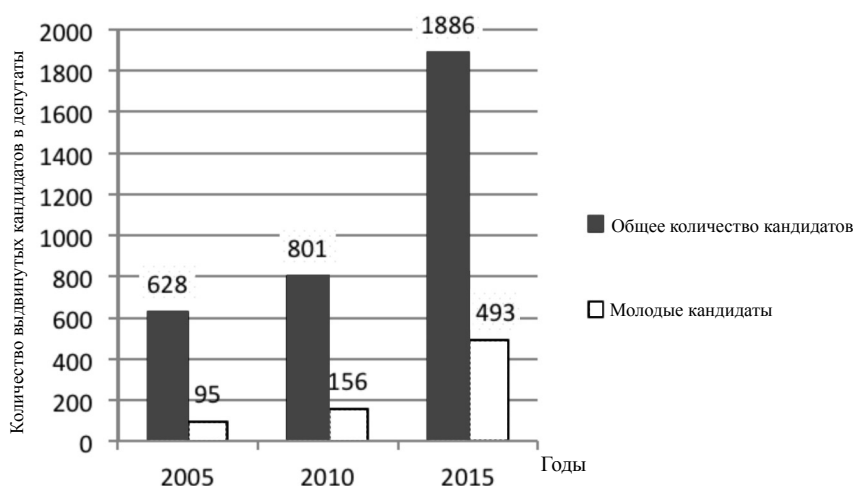

Рис. 2. Динамика активности молодых кандидатов в Законодательное собрание Новосибирской области

В результате мониторинга данных результатов выборов, размещенных на сайтах избирательных комиссий Алтайского края и Новосибирской области, выявлено стабильное количество избранных молодых депутатов в возрасте до 30 лет. Алтайский край показывает небольшой рост, в отличие от Новосибирской области. Необходимо отметить, что молодежь становится депутатами разными способами: по партийным спискам и одномандатным округам с помощью парламентских партий. Это дает хороший пример остальной молодежи реализовывать свой потенциал в родном регионе. Парламентские партии на профессиональном уровне решают кадровые проблемы и проходят процесс обновления. В то же время партии-«новички» с помощью молодых кандидатов решают вопрос регистрации партии в качестве участника предвыборной гонки.

Приведенные данные показывают увеличение электоральной активности молодежи, но

это носит опосредованный характер. По большей части это связано с поиском кандидатов партиями, а не с желанием молодежи массово участвовать в политической жизни родного региона. Объяснить это можно, во-первых, слабо развитой партийной системой представленных регионов. Партии не являются по-настоящему массовыми организациями. Отсутствие многочисленного корпуса активных членов партий и сторонников не позволяет полноценно решить вопрос поиска, отбора и выдвижения кандидатов в депутаты. Данная проблема наиболее актуальна для оппозиционных партий. Она решается путем включения молодежи в предвыборную борьбу в качестве кандидатов в депутаты. «Единая Россия», обладающая большим резервом потенциальных кандидатов, выборочно выдвигает молодых кандидатов для решения имиджевых задач (обновление партии, новые лица в политике).

Во-вторых, слабый интерес к политике у молодежи четко проявляется при участии в избирательной кампании в качестве самовыдвиженцев. Количество самовыдвиженцев неуклонно сокращается в течение изучаемого периода. Самостоятельный поиск ресурсов, сбор подписей, агитационная кампания делают такую форму участия непривлекательной для молодежи. Это доказывает, что только человек с высокой мотивацией и интересом к политике может выбрать такой путь. Среди молодежи таких людей единицы.

Таким образом, в Новосибирской области и Алтайском крае молодежь выступает пассивным участником электорального процесса (инструментом политических партий).

Примечания

- ¹ См.: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М. : Голос, 2001. С. 9.
- ² См.: Палехова П. В., Гончарова В. Н., Шкляр Л. В. Социальные механизмы недопущения трансформации эмоций в психологические портреты личности обучающихся // Новое в науке и образовании / сост. и отв. ред. Ю. Н. Кондракова. М. : МАКС Пресс, 2019. С. 283–301.
- ³ См.: Асеева Т. А., Шапкина Я. Ю. Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов : тенденции и перспективы (На примере регионов Юго-Западной Сибири) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 201. DOI: 10.31249/poln/2019.01.10
- ⁴ См.: Лагутин О. В., Негров Е. О. Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций : на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2019. Т. 21, № 2. С. 157–174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174
- ⁵ См.: Попова О. В., Лагутин О. В. Политическое на-
- строение молодежи : лояльность или протест? // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 601. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- ⁶ См.: Чекмарев Э. В. Молодежь как политический ресурс модернизации современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 82.
- ⁷ См.: Быстрова А. С. Отставки и выборы 2018 г. : обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 331–359. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.12>
- ⁸ См.: Валовой региональный продукт Российской Федерации, Сибирского федерального округа и Новосибирской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54.pdf> ; Население Новосибирской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <https://novosibstat.gks.ru/folder/31729> ; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций Алтайского края по видам экономической деятельности // Управление федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank.htm> ; В Правительстве Алтайского края обсудили итоги 2018 года // Алтайская правда. URL: <https://www.ap22.ru/paper/V-Pravitel-stve-Altayskogo-kraya-obsudili-itogi-2018-goda.html> (дата обращения: 10.04.2020).
- ⁹ См.: Избирательная комиссия Алтайского края. Выборы и референдумы. URL: <http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/altai Terr> (дата обращения: 20.03.2020).
- ¹⁰ См.: Избирательная комиссия Новосибирской области. Выборы и референдумы. URL: <http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/novosibirsk> (дата обращения: 20.03.2020).

Образец для цитирования:

Шарапов А. В. Вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь в приграничных регионах Юго-Западной Сибири: сравнительный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 356–361. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-356-361>

Cite this article as:

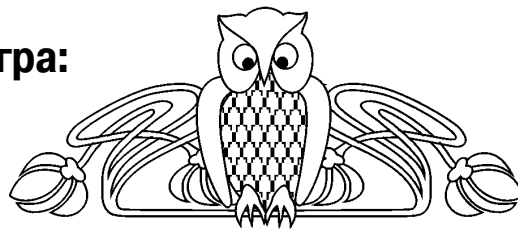
Sharapov A. V. The Involvement of Young People in Social and Political Life in the Border Regions of South-Western Siberia: A Comparative Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 356–361 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-356-361>

УДК 32+37.014.5+316.663.5

Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 1)

А. В. Богданов

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, selectedman@yandex.ru

В статье анализируется специфика применения игровых форм в социально-политическом пространстве, а также в рамках формирования политической культуры российской молодежи. В работе выявлены и подробно рассмотрены основные проблемные точки, связанные с использованием игровых технологий конструирования политической культуры молодых людей. Автор раскрывает ключевые особенности сущностного содержания категории «игра», а также рассматривает основные условия перехода от игры к реальности, к социально-политической действительности с подробным указанием конкретных возможностей обеспечения процесса такого перехода.

Ключевые слова: игровые технологии, политическая культура, политическая игра, игра в политику.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 24.04.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Game of Politics vs. the Political Game: Posing a Problem (Part 1)

A. V. Bogdanov

Artem V. Bogdanov, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, selectedman@yandex.ru

The article analyzes the specifics of the use of game forms in the socio-political space, as well as in the formation of political culture of Russian youth. The paper identifies and considers in detail the main problem points associated with the use of game technologies for constructing the political culture of young people. The author reveals key features of the essential content of the categories of «game» and considers the basic conditions for the transition from game to reality, to the socio-political reality, detailing specific possibilities for making that transition.

Keywords: game technologies, political culture, political game, game of politics.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 24.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-362-365>

Актуальность темы работы обусловлена тем, что игровые практики взаимодействия субъектов социально-политического процесса

перманентно присущи функционированию политической системы, в том числе и российской системе. Игровые формы обнаруживаются повсеместно, и в практике участия граждан страны в электоральных кампаниях, и в рамках реализации государственной политики и управления, и в урегулировании социально-политических, этноконфессиональных и иных конфликтов. И в этом смысле анализ игровых процессов в рамках существующей системы взаимоотношений акторов обнаруживается в работах отечественных и зарубежных исследователей¹. Тематика работ ученых разнообразна и затрагивает следующие направления:

- психолого-педагогическое (игра как метод обучения и вид деятельности)²;
- экономико-математическое (игра как рационализация процесса выбора)³;
- социолого-политологическое (игра как способ прогнозирования, как ролевая функция, как эффективная технология)⁴.

При всем многообразии подходов к использованию игровых практик, к их сущностному содержанию, тем не менее, отсутствуют работы, в которых анализируется применение игровых технологий формирования политической культуры. По нашему мнению, это направление исследования позволит дополнить имеющиеся разработки ученых в данной сфере, а самое главное, даст возможность лучше понять, как происходит формирование политической культуры граждан страны, в частности молодежи, которая может являться движущей социальной силой развития российской политической системы. Также в рамках изучения игровых технологий, направленных на становление политической культуры молодежи, важным представляется выявление ключевых особенностей политической идентичности молодых людей, рассмотрение специфики усваивания соответствующих политико-культурных ценностей, раскрытие основных характеристик моделей политического поведения подрастающего поколения.

Несмотря на многообразие существующих работ в области изучения игровых технологий в целом и в рамках формирования политической культуры при помощи игровых практик в частности, существуют так называемые проблемные точки, которые мы обнаружили при исследовании игровых форм в социально-политическом пространстве. Проблемные точки – это в том числе:

– специфика использования игровых способов взаимодействия субъектов;

– актуальные вопросы, ответы на которые позволят глубже понять поле возможностей применения игровых методов в социально-политической сфере;

– направления для дальнейшего самостоятельного анализа, развитие которых будет способствовать всестороннему и полному изучению политической культуры, политической идентичности современной российской молодежи.

Мы постарались выделить те проблемные аспекты рассмотрения игровых технологий формирования политической культуры, которые, на наш взгляд, наиболее ярко и наглядно показывают, с одной стороны, широту и, с другой стороны, специфичность их применения. Конечно, мы не ограничиваем возможности по поиску и наличию дополнительных проблемных точек анализа игровых форм социально-политической действительности, однако убеждены, что нижеперечисленные узловые точки дают определенную степень понимания обозначенной выше проблематики.

Так, ознакомление с научной литературой по определению содержания игры способствовало выявлению нами соответствующей проблемной точки. Суть ее заключается в том, что существует большое количество точек зрения понимания категории «игра» в рамках различных направлений исследования (педагогика, психология, социология, экономика и т. д.)⁵. Это, конечно, несколько затрудняет эффективность применения игровых форм, хотя, казалось бы, игровые технологии должны иметь универсальный характер своего использования в силу естественно присущего состояния игровой деятельности человеческому сообществу. Как раз в этом и заключается парадокс, связанный с тем, что требуется более точная фиксация сущностного содержания игровой деятельности и игры в целом.

В силу разных подходов к содержанию понятия «игра» возникает и абсолютно противоположное отношение к результатам этой деятельности. Так, если отталкиваться от экономико-математического понимания игры, то суть ее, в первую очередь, в рационализации деятельности субъектов игры, в получении наиболее точных, четких, в определенной степени выверенных результатов игровой деятельности⁶. Другими словами, игра – это рационализация процесса получения результата игровой деятельности, направленная на достижение конкретного результата. И в этом смысле игровые формы, технологии весьма полезны и эффективны при, например, «мозговом штурме», разрешении конфликта, поиске наиболее эффективных мер поддержки социальных групп, т. е. игровые методы способны дать качественный инструментарий для решения существующих и возникающих затруднений при разработке и реализации государственной политики и управления.

С другой стороны, исходя из положений психолого-педагогического подхода к пониманию игры, в игровую деятельность включены в том числе и иррациональные формы взаимодействия субъектов⁷. Другими словами, коммуницирование акторов социально-политического процесса происходит под влиянием поведенческих особенностей личности, т. е. в политическом сознании присутствуют и алогичные, неосознаваемые установки, мотивирующие на ту или иную модель поведения, на ее изменение, не просчитываемое с помощью математических моделей. Это указывает на то, что в рамках реализации игровых форм, технологий могут присутствовать нерациональные действия участников такой игры, что, в свою очередь, необходимо учитывать при осуществлении социально-политических проектов.

Таким образом, возникает определенное противопоставление в понимании категорий «игра», «игровая деятельность». И данное противоречие обнаруживает себя непосредственно в рамках соотношения двух актуальных для политического пространства суждений: игра в политику или политическая игра? Данная формулировка вопроса и указывает на существующую проблемную точку в рамках применения игровых технологий в политической деятельности. С одной стороны, можно с уверенностью утверждать, что есть те, кто играют в политику, примеряют на себя роль игрока со всеми вытекающими отсюда последствиями. Среди основных таких последствий игры в политику можно указать следующие:

– игровой характер деятельности субъекта, выражающийся в скорее отстраненном отношении к принимаемым решениям, к тому, каким образом они повлияют на конкретные социальные группы общества, иными словами, отсутствие сопоставления принимаемых мер с их реализацией на практике;

– пониженный уровень социальной и политической ответственности играющего в политику, а значит, существование высокой степени вероятности в разработке и реализации мер политики, не соответствующих ожиданиям большей части социальных субъектов;

– оторванность от реальной картины социально-политической действительности в рамках принятия соответствующих решений, что может привести к существованию двух параллельных «измерений»: общественного и государственного (политического);

– принижение роли риска в выработке стратегии социально-политического развития государства, что может привести к накоплению напряженности в рамках существующей системы и к затруднению ее функционирования.

Существуют и другие последствия игры в политику, но выделенные выше, на наш взгляд, оказывают наиболее значимое воздействие на деятельность субъектов социально-политической системы.

С другой стороны, имеет место и политическая игра, которая, по нашему мнению, в большей степени соотносится с практикой принятия политических решений. Конечно, это не означает, что отсутствуют негативные последствия такой игры. Например, каждый может реализовывать свою политическую игру, отражающую интересы определенной группы лиц (бизнес-сообщество, деловое, промышленное и иное сообщество). Но в целом такая игра будет в большей мере соответствовать реальным интересам социальных субъектов, и будет существовать возможность реализации политических мер, направленных на удовлетворение потребностей основной части общества.

Важным здесь является, безусловно, то, на основе каких принципов функционирует политическая система, это в равной степени относится и к политической игре, и к игре в политику. Однако, по нашему мнению, в реальной политической практике идет постоянное сопоставление тех, кто играет в политику, и тех, кто ведет политическую игру. Другими словами, можно предположить, что от их соотношения на политической сцене зависит, по какому сценарию будет развиваться социально-политический процесс.

Следующей проблемной точкой в рамках применения игровых технологий, на наш взгляд, выступают условия перехода от игры к реальности, к социально-политической действительности. Данная проблема является не менее значимой, чем предыдущая, так как процесс перехода к действительности требует тщательной проработки, выделения конкретных условий перехода, их соблюдения и понимания того, что есть игровые практики и есть настоящее политическое пространство, в рамках которого функционирует человеческое сообщество. Поэтому важным представляется установление четкой границы такого перехода, для чего необходимо ответить на следующий главный вопрос: когда и в какой момент происходит трансформация игры в реальность?

Для ответа на данный вопрос, по нашему мнению, надо определить условия перехода от игровой деятельности к политической практике.

1. Использование форм и видов игры, которые наиболее соотносятся с реальной деятельностью субъектов социально-политического пространства, т. е. необходимо использовать именно те формы взаимодействия между государственными институтами, между общественными структурами и властью, которые применяются на практике.

И здесь существует два варианта развития событий:

– суть первого заключается в том, что могут использоваться существующие практики, закрепленные в официальном дискурсе коммуникационного взаимодействия органов власти;

– второй – будут анализироваться непубличные практики общения между акторами социаль-

но-политического процесса, где в обязательном порядке необходимо выделять деструктивные способы взаимоотношений между субъектами политического пространства с целью их преодоления и нивелирования.

2. Игровые технологии должны быть эффективными, т. е. они обязаны давать соответствующие знания, умения и навыки в рамках решения социально-политических задач, разработки проектов, программ, в урегулировании конфликтов и т. д. Это означает, что игровые технологии передают компетенции участниками игры, которые, в свою очередь, формируют определенную мировоззренческую картину мира.

С одной стороны, принимающим участие в игре необходимо расширить свой кругозор, дабы хорошо ориентироваться в происходящих событиях, уметь видеть их развитие во всей своей полноте, понимать, что источниками этих действий могут быть процессы, которые берут свое начало в смежных областях человеческой жизнедеятельности. С другой – требуется сосредоточиться на специфических аспектах функционирования политической сферы, особенностях развития политического процесса, специфике деятельности политической системы и т. д. Другими словами, выделить то важное, свойственное исключительно данной социально-политической ситуации, и найти наиболее применимый способ ее анализа и разрешения.

3. Постоянное сопоставление игровых способов решения поставленных задач с реальностью их воплощения на практике. То есть необходимо, с одной стороны, предоставить возможность участникам игры искать все новые и необычные варианты разрешения проблемных ситуаций в политической сфере, с другой – важно регулярно осуществлять корреляцию игровых методов выработки новых приемов достижения конкретных целей с политической практикой реального взаимодействия субъектов социального пространства.

Многочисленное соотношение игровых приемов решения политических задач с их практической реализацией является значимым условием выработки действительно эффективных игровых форм, которые позволят участникам игрового процесса приблизиться к высокой степени концентрации в поиске приемлемых и применимых способов достижения поставленной цели.

4. Использование игровых технологий должно включать в себя прогностические аспекты их применения, т. е. необходимым представляется учет того, что одной из задач игровой деятельности является проработка будущего сценария развития социально-политических процессов. Это, в свою очередь, приближает участников игры к пониманию практики политической деятельности, учит их строить прогнозы относительно эффективности применения игровых форм, приближает к реальному политическому действию.

Естественно, основной задачей в этом случае становится не угадать, что будет через определенное количество времени, а, скорее, проанализировать все возможные варианты развития событий с учетом специфики социально-политического процесса в современной России. Такой подход позволит выработать навыки постоянного анализа происходящих вокруг явлений, приобрести умения выявлять причинно-следственную связь между действиями субъектов социально-политического поля и научиться систематизировать полученные знания с использованием соответствующих методов.

Таким образом, указанные выше условия позволяют, по нашему мнению, осуществить переход от игровой деятельности к политической практике. Конечно, перечислены не все существующие и необходимые условия, но именно данные особенно важны в рамках социально-политической деятельности. Среди дополнительных условий, например, можно выделить следующие: мотивация участника игры, его действительная включенность в игровой процесс, возможность на практике реализовать игровые наработки посредством участия в соответствующей политической деятельности и т. д.

Если же отвечать на поставленный выше вопрос о том, когда наступает момент перехода игры в реальность, то, мы считаем, это происходит при условии учета организатором и участниками игрового процесса всего многообразия реального социально-политического поля, при необходимости сосредоточения своего внимания на каком-то отдельном аспекте поставленной проблемы. Это позволит действительно аккумулировать свои ресурсы на решении конкретной задачи, на разработке уникального проекта, программы социально-политического развития, на урегулировании определенной конфликтной ситуации, на создании проработанного сценария будущего изменения политического пространства и т. д.

Итак, перечисленные проблемные точки применения игровых технологий в политической деятельности позволяют приблизиться к более ясному их пониманию и качественному использованию в рамках формирования политической культуры. Конечно, существуют и другие аспекты, оказывающие влияние на развитие со-

циально-политического процесса, на появление новых моделей политического поведения, на трансформацию политического сознания.

Однако представляется необходимым проработка основных особенностей игровой деятельности, направленной на конструирование политической культуры субъектов политического пространства, в частности молодежи. Поэтому требуется дальнейшее изучение специфики игровых технологий относительно политической культуры в рамках анализа таких проблемных точек, как: ресурсный потенциал игровых форм; их эффективность и возможности оценки; технологии формирования политической культуры, место игровых форм среди них и то, каким образом они работают.

Окончание в следующем выпуске.

Примечания

- 1 См.: *Ветренко И. А.* Игровые практики в политическом процессе : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2009. С. 4.
- 2 См.: *Бабухин М. А.* Игровая деятельность как средство развития самостоятельности // *Вестн. ШГПУ.* 2018. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-deyatelnost-kak-sredstvo-razvitiya-samostoyatelnosti> (дата обращения: 10.04.2020).
- 3 См.: *Горяшко А. П.* Теория игр : от анализа к синтезу. Обзор результатов // *Cloud of science.* 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-igr-ot-analiza-k-sintezu-obzor-rezultatov> (дата обращения: 12.04.2020).
- 4 См.: *Прядин Р. Б., Степанцов М. Е.* Об одном подходе к имитационному моделированию спортивной игры с непрерывным временем // *Компьютерные исследования и моделирование.* 2014. Т. 6, № 3. С. 455–460.
- 5 См.: *Богданов А. В.* Теоретико-методологические подходы к анализу игровых технологий : социально-политический аспект // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2019. Т. 19, вып. 3. С. 330–334. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-330-334>
- 6 См.: *Дегтерев Д. А.* Введение в теорию игр для политологов и международников. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 92.
- 7 См.: *Шкель В. Ф.* Игровые технологии в учебном процессе : учеб. метод. пособие. Саратов : ГОУ ДПО «СарИПКПРО», 2010. С. 6.

Образец для цитирования:

Богданов А. В. Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 1) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2020. Т. 20, вып. 3. С. 362–365. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-362-365>

Cite this article as:

Bogdanov A. V. The Game of Politics vs. the Political Game: Posing a Problem (Part 1). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 362–365 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-362-365>

УДК 32.019.5

Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий: особенности формирования

А. А. Керимов, Д. А. Попцов

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, kerimov68@mail.ru

Попцов Дмитрий Александрович, соискатель кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, polden2020@yandex.ru

Проблема формирования имиджа политического лидера с использованием цифровых медиа-технологий, безусловно, актуальна. Развитие цифровых технологий и создание на их основе новых технологических приемов политической деятельности происходит настолько стремительно, что исследователи просто не успевают осмыслить происходящие процессы. В этой связи любое исследование, затрагивающее этот вопрос в той или иной области, имеет огромное значение. В статье рассматриваются особенности использования цифровых медиа в формировании имиджа политического лидера на примере президентских выборов в США и Франции. Отмечается, что новые цифровые технологии на современном этапе являются наиболее эффективным механизмом воздействия на массовое сознание. Также акцентируется внимание на проблемах сочетания традиционных методов с новыми технологиями в избирательных кампаниях.

Ключевые слова: имидж политического лидера, политическое лидерство, цифровые медиа, Интернет, социальная сеть, избирательная кампания, имидж политика.

Поступила в редакцию: 29.04.2020 / Принята: 12.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

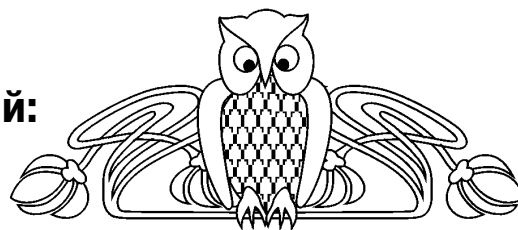
Image of a Political Leader in the Era of Digital Media Technologies: Features of Formation

A. A. Kerimov, D. A. Poptsov

Alexander A. Kerimov, <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia, kerimov68@mail.ru

Dmitry A. Poptsov, <https://orcid.org/0000-0002-0329-6455>, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia, polden2020@yandex.ru

The problem of forming the image of a political leader using digital media technologies is, no doubt, urgent. The development of digital technologies and creation of new technological methods of political activity on their basis is happening so rapidly that researchers simply do not have time to comprehend the processes taking place. In this

regard, any research that addresses this issue in a particular area is of great importance. The article discusses the features of using digital media in shaping the image of a political leader on the example of presidential elections in the United States and France. It is noted that new digital technologies at the present stage are the most effective mechanism for influencing the mass consciousness. Attention is also focused on the problems of combining traditional methods with new technologies in election campaigns.

Keywords: image of a political leader, political leadership, digital media, Internet, social network, election campaign, image of a politician.

Received: 29.04.2020 / Accepted: 12.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-366-370>

Развитие новых технологий, в том числе новых медиа, открывает новые возможности как для формирования образа политического лидера-кандидата, так и для завоевания доверия избирателей. Так, К. Ритзи и Г. С. Шааль отмечают возрастающую роль СМИ в процессе формирования имиджа политического лидера в современную эпоху. Среди значимых факторов, оказывающих влияние на данный процесс, они выделяют медиатизацию, фрагментацию общества, изменение представлений об управлении государством и обществом¹. По мнению Ю. В. Ирхина, эффективное политическое лидерство на современном этапе включает в себя такие измерения, как лидерство психологическое, социальное, ресурсное, виртуальное, влияния политического образа и связанного с ним имиджа (бренда). Особое значение в проблеме эффективного политического лидерства играют структура образа политика и факторы, влияющие на его формирование². Следовательно, главными ресурсами, наряду в традиционными, в деле создания имиджа политического лидера на современном этапе выступают всеобщая компьютеризация, использование мобильных устройств, доступность каналов передачи данных, высокоскоростной Интернет и др.

Одним из первых успешных примеров использования интернет-технологий и новых медиа в формировании нового имиджа политического лидера считается победа Б. Обамы на выборах Президента США в 2008 г.

Обращение к рядовым американцам как главным спонсорам избирательной кампании малоизвестного сенатора в рамках запуска сай-

та my.barackobama.com обеспечило Б. Обаме не только необходимый уровень финансирования (745 млн долл. у Б. Обамы против 368 млн долл. у Дж. Маккейна), но, в первую очередь, голоса тысяч американцев. Негибкость партийного аппарата, его забюрократизированность были преодолены одним решением, позволившим установить прямой контакт с избирателями³.

Предвыборную кампанию Б. Обамы отличали ориентир на личное отношение, личный контакт, доступность и открытость. «Только на сайте www.mybarackobama.com было создано 2 млн профайлов, организовано 200 тыс. встреч, функционировало множество блогов (порядка 400 тыс. записей), а также было создано более 35 тыс. групп активистов, работающих на добровольной основе. Кроме самой массовой социальной сети facebook (в ходе кампании будущей президент обзавелся более чем 2 млн друзей) были использованы все другие крупные сетевые ресурсы, включая тематические сети (вроде FaithBase, AsianAve или MiGente) и вплоть до стремительно набиравшего популярность именно в этот период twitter.com»⁴.

Не менее активно в ходе избирательной кампании Б. Обамы использовался и сегмент видеоконтента: официальные ролики Б. Обамы были просмотрены на сервисе YouTube более 14 млн часов. Многие высказывания кандидата стали мемами, обеспечив вирусное распространение информации о ходе его предвыборной кампании. Мультимедийность предвыборного позиционирования кандидата, предполагающая наличие разнообразных форматов предоставления информации, стала еще одной характерной особенностью выборов Президента США в 2008 г.

В ходе выборов 2012 г. команда Б. Обамы использовала не только прежние решения 2008 г., но и новые возможности, предоставленные развитием информационных технологий, способных повлиять на поведение избирателей. Так, Б. Обама официально подтвердил регистрацию в 16 различных социальных сетях (Facebook, MySpace, YouTube, Twitter, Flickr и др.), где размещалась в ежедневном режиме информация о его деятельности, обсуждался ход избирательной кампании.

Одним из эффективных средств коммуникации и агитации стал микроблог Б. Обамы на площадке Twitter: на 1 декабря 2011 г. на него были подписаны более 4 млн пользователей. Для сравнения: в 2008 г. Б. Обаму читали 129 тыс. пользователей, в 2010 г. – свыше 2,5 млн подписчиков⁵.

Активно использовалась волонтерская сеть, осуществлялась рассылка писем по электронной почте. Так, в день официального объявления предвыборной кампании 2012 г. сообщение о начале борьбы за второй президентский срок получили 13 млн американцев⁶.

Продолжилась практика продажи предвыборной атрибутики с изображениями кандидата:

покупатели могли приобрести разнообразные аксессуары, в том числе стикеры, броши, сумки, вещи, пакеты и многое другое.

Осуществлялась и фандрайзинговая кампания, которая стала одной из самых успешных: штабу Обамы удалось привлечь в общей сложности финансирование от более 4,5 млн избирателей, т. е. сумма единичного пожертвования в избирательной фонд не была крупной.

Таким образом, инновационный подход к избирательным технологиям, сочетавший в себе как традиционные технологии, так и новые возможности, открывшиеся благодаря широкому развитию новых медиа, обеспечил уверенную победу Барака Обамы на выборах.

Обозначенная тенденция – расширение практики новых коммуникационных возможностей в ходе предвыборной борьбы – получила развитие и в ходе выборов Президента Франции в 2017 г.

В ходе предвыборной кампании ведущие французские политики успешно сочетали базовые (традиционные) и новые избирательные технологии, связанные с максимальным использованием Интернета при общении с группами избирателей и мобилизации сторонников⁷. Среди элементов этих новых технологий можно выделить: использование сайтов кандидата для агитации, сбора пожертвований и вербовки волонтеров; использование социальных сетей; производство вирусного видео-контента; использование специализированных ИТ-систем и мессенджеров (Whatsapp) для координации работы волонтеров; использование Big Data («большие данные») и таргетирования; робоколл – обзвон избирателей; рассылка электронных писем по базе сторонников; использование голограмм на митингах; использование обложек журналов как рекламного носителя и др.

Среди ключевых факторов успеха Э. Макрона на выборах обычно выделяют медийное продвижение с использованием режима наибольшего благоприятствования в СМИ; использование массового активизма через движение «Вперед»; вербовку активистов через Интернет и полевую сеть; робоколл (6 млн личных звонков избирателям, записанных и растиражированных) – обзвон был сделан на основе официальных телефонных справочников, без таргетинга; кампанию пикетов и «от двери к двери», ориентированную на формирование базы данных рассылки (в результате штаб Э. Макрона получил базу из 460 тыс. сторонников, которые ежедневно получали письма от кандидата; большинство подписчиков не читали эти сообщения, но сам факт регулярной рассылки убеждал их в том, что кандидат имеет реальную и детальную программу и что кандидату важно донести до них свою позицию); адресную рассылку СМС-сообщений от кандидата, призывающего прийти на выборы; использование Big Data для таргетирования кам-

пании через географическое сегментирование страны на 60 тыс. районов примерно по 1000 человек в каждом (масштаб городского квартала). На эти зоны накладывались история голосования (явка и идеологические предпочтения), социально-экономическая и демографическая статистика, данные социологических опросов, данные о наличии волонтеров. Исходя из этого, были распределены приоритеты в агитации, составлен график работы и периодичности встреч с кандидатом и его представителями⁸.

Еще одним примером успешного применения нового подхода к формированию имиджа политического лидера в рамках предвыборной борьбы может являться избирательная кампания Д. Трампа. По мнению большинства экспертов, ключевыми особенностями выборов действующего Президента США в 2017 г. стали использование технологий Big Data, а также дальнейшее проникновение новых медиа в политическую сферу⁹. Так, Ю. В. Ирхин подчеркивает, что технологии «Больших данных» выявляют «разнообразные связи пользователей социальных сетей, что позволяет идентифицировать их и ориентировать политическую информацию»¹⁰. Это становится возможным благодаря тому, что многие граждане оставляют «электронные следы» в социальных сетях, с помощью анализа которых можно определить их психологические особенности.

Соответствующая работа была проведена специалистами компании «Cambridge Analytica», с которой сотрудничал штаб Д. Трампа. Население США было разделено на 32 личностных типа, и внимание штаба было сосредоточено на 17 ключевых штатах¹¹. Путем сбора открытых данных о пользователях и использования определенных алгоритмов их обработки была получена информация о политических предпочтениях, антипатиях или политической неопределенности соответствующих граждан, что стало основой для подготовки целевой политической рекламы. Так, в день третьих дебатов между Д. Трампом и Х. Клинтон его команда отправила в социальные сети (преимущественно Facebook) более 175 тыс. различных вариаций сообщений. Они различались лишь в деталях, чтобы максимально точно психологически подстроиться под конкретных получателей информации: заголовки и подзаголовки, фоновые цвета, использование фото или видео в посте¹².

Другим важным фактором успеха Д. Трампа на выборах стало активное использование им своего микроблога в сети Twitter, что позволило ему поддерживать постоянный контакт со сторонниками и избирателями, минуя традиционные медиа, такие как газеты, радио или даже телевидение. Общее количество подписчиков в его социальных сетях на начало избирательной кампании составляло около 26 млн пользователей.

Этот прямой контакт сохранялся и после победы Д. Трампа на выборах, что проявилось,

прежде всего, в том, что американский президент стал использовать свой микроблог для размещения резонансных заявлений по текущей внешнеполитической и внутривнутриполитической повестке дня, минуя традиционные каналы распространения официальной информации.

По подсчетам издания Digg Magazine, «за первые шесть месяцев его президентства прошло всего два дня без единого твита, в то время как его максимальный результат достиг целых 16 за один день. Эти статистические данные показывают, что Д. Трамп в значительной степени полагается на свой аккаунт в Twitter»¹³. В этой связи нападки Д. Трампа на мейнстримные СМИ в ходе предвыборной гонки были обусловлены не только стилем ведения избирательной кампании (который был основан на резкой критике его оппонентов), но и трезвым расчетом.

В отличие от Д. Трампа, Х. Клинтон пользовалась безоговорочной поддержкой большинства газет, т. е. традиционных СМИ, но они не смогли обеспечить ей необходимого результата на выборах. Что касается новых медиа, то штаб Х. Клинтон также работал на их поле, однако, по мнению наблюдателей, эта деятельность не была по-настоящему яркой: «Клинтон вела более традиционную медиа-кампанию, тратя миллионы на телерекламу и разгоняя механические месседжи по сети. Но из ее твитов было видно, что все это пишет команда. Причем вместо того, чтобы вуалировать данный факт, представлять все, как прямое общение Х. Клинтон с публикой, команда не скрывала, что в Twitter пишет не Х. Клинтон: ее цитаты сыпались с аккаунта прямо в момент ее живого выступления, что сразу бросалось в глаза публике, очень часто о Х. Клинтон писали там в третьем лице, что лишним раз подчеркивало отчуждение кандидата от пользователей, наличие барьера между ними»¹⁴. Между тем одна из ключевых особенностей новых медиа – это интерактивность, под которой понимается не только коммуникация между производителем информационного контента и его потребителем, но в том числе оперативность обратной реакции, возможность поддержания постоянной и активной коммуникации между автором и его аудиторией.

Вместе с тем штаб Д. Трампа не пренебрегал и традиционными методами агитации. Так, по итогам кампании было подсчитано, что Д. Трамп совершил в общей сложности 344 поездки против 293 у Х. Клинтон¹⁵. В большинстве ключевых штатов Д. Трамп провел крупные публичные мероприятия, на которых присутствовали как его сторонники, так и противники. Х. Клинтон сделала ставку на мероприятия с участием преимущественно своих сторонников по линии Демократической партии и с массовым привлечением звезд эстрады и шоу-бизнеса. Последнее обстоятельство сыграло против нее, поскольку по итогам мероприятий обсуждались больше приглашенные артисты, а не месседжи, которые

транслировала Х. Клинтон своим избирателям. Д. Трамп, напротив, обеспечил сохранение внимания аудитории на своей личности и харизме, прежде всего, за счет выбранного провокационного стиля общения, готовности отвечать на самые острые вопросы.

Таким образом, примеры избирательных кампаний в эпоху новых медиа демонстрируют необходимость успешного сочетания как традиционных, так и нетрадиционных инструментов для формирования эффективного имиджа кандидата, конструирования его политического лидерства. Важной особенностью имиджа политического лидера в цифровую эпоху становится не просто обеспечение, а постоянное укрепление прямых контактов с избирателями и сторонниками. Политическое предложение становится все более персонализированным, учитывающим личные особенности и предпочтения конкретного избирателя. В свою очередь, возможность прямого диалога с избирателями, например в формате микроблога или аккаунта в социальных сетях, позволяет сформировать политическую повестку дня в случае, если соответствующий ресурс верифицируется с конкретным политиком, взгляды которого разделяются широкой аудиторией. Яркий пример такого рода стратегий – это микроблоги Б. Обамы или Д. Трампа.

Среди функций такого политического блоггинга исследователи выделяют политико-мобилизационную функцию (включая консолидацию или организацию нужного электората, проведение флэш-мобов, различных политических акций); политико-имиджевую и политико-рекламную функции, а также функцию политической социализации электората¹⁶. Что характерно, возможности цифровых медиа позволяют не только оперативно размещать актуальную информацию (к примеру, мнение политика о том или ином событии), которая будет практически в режиме онлайн доступна пользователям, но и корректировать ее в случае необходимости. Соответственно, это позволяет управлять ходом общественного обсуждения в социальных сетях по итогам дебатов, по результатам встреч с избирателями и др.

Такая стратегия была реализована сотрудниками Э. Макрона в ходе сопровождающих его публичных дебатов с оппонентами на телевидении (в социальных сетях были размещены благоприятные экспертные комментарии, которые запустили ход общественного обсуждения).

Цифровые медиа предоставляют аналогичные преимущества с точки зрения корректировки внешнего облика политика, в первую очередь путем обработки фотоизображений, редактирования видеоклипов и т. д. Так, в частности, предвыборная кампания Б. Обамы в 2012 г. началась с размещения видеообращения на соответствующем сайте. Эти приемы свидетельствуют о том, что существующие инструменты создания имид-

жа политика для работы с внешней аудиторией могут быть легко адаптированы к потребностям цифровых медиа и в то же время позволяют оперативно вносить необходимые коррективы в зависимости от реакции или предпочтений конкретной аудитории. Такие особенности цифровых медиа использовались штабом Д. Трампа в ходе сопровождения его встреч с избирателями, в рамках которых отслеживались основные тренды обсуждения в социальных сетях среди конкретных групп избирателей.

Таким образом, сегодня возможности цифровых медиа позволяют отстраивать имидж политика в соответствии с потребностями различных социальных групп. В то же время очевидно, что ключевым фактором успеха в использовании новых технологических подходов к формированию имиджа политического лидера является уровень проникновения Интернета в конкретные сообщества, степень вовлеченности граждан в электронные коммуникации. Чем шире охват общества Интернетом, чем чаще и активнее избиратели используют новые средства коммуникации, тем больший эффект достигается за счет использования технологий Big Data и цифровых медиа. В то же время практика крупных избирательных кампаний последних лет показывает, что полного отказа от традиционных методов формирования имиджа политического лидера, отстройки образа кандидата не происходит. Речь идет лишь об изменении баланса между старыми и новыми технологиями. Их умелое, сбалансированное сочетание как раз и стало главной причиной победы на выборах Б. Обамы, Э. Макрона и Д. Трампа.

Примечания

- 1 См.: *Ritzi C., Schaal G. S. Politische Führung in der «Postdemokratie» // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2010. № 2–3. S. 13.*
- 2 См.: *Ирхин Ю. В. Повышение роли блогосферы в публичной политике // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 75–89.*
- 3 См.: *Гончаров В. Э., Елизаров В. П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации // ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 4. С. 168–182.*
- 4 Там же. С. 172.
- 5 См.: Предвыборная кампания Барака Обамы. Справка. URL: <https://ria.ru/20091105/192059147.html> (дата обращения: 18.04.2020).
- 6 Там же.
- 7 См.: *Минченко Е. Н. Технологические уроки выборов президента Франции для России. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Uroki_vyborov_prezidenta_Frantsii_dlya_Rossii.pdf* (дата обращения: 18.04.2020).
- 8 См.: *Почепцов Г. Г. Новая коммуникативная среда выборов и big data. URL: https://psyfactor.org/lib/big-data-3.htm* (дата обращения: 18.04.2020).

- ⁹ См.: *Ирхин Ю. В.* Выборы 45-го Президента США : ключевые особенности, технологии, результаты // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2017. Т. 9, № 1. С. 120. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-111-131
- ¹⁰ Там же. С. 122.
- ¹¹ Там же. С. 125.
- ¹² Там же. С. 127.
- ¹³ *Минченко Е. Н.* Аутопсия кампании Хиллари : как победил Трамп. Политтехнологический анализ выборов президента США. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya_itog.pdf (дата обращения: 18.04.2020).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: *Минченко Е. Н.* Технологические уроки выборов президента Франции для России.

Образец для цитирования:

Керимов А. А., Попцов Д. А. Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий: особенности формирования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 366–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-366-370>

Cite this article as:

Kerimov A. A., Poptsov D. A. Image of a Political Leader in the Era of Digital Media Technologies: Features of Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 366–370 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-366-370>
